

ФАНТАСТО

**Новому времени –
новые открытия**

**New times –
new discoveries**

**Viva
Imaginatia!**

24

**ТО «КаФКа»
Симферополь
2015**

Учредитель, менеджер проекта, издатель –

Валерий ГАЕВСКИЙ

Редактор

Ана ДАО

Заставки к рубрикам – **Дмитрий КАРПЕЧЕНКО**
Логотип (эмблема Клуба фантастов) – **Сергей САВИНОВ**
В оформлении обложки использована картина
крымского художника **Юрия ЛАПТЕВА**

Макет, корректура, вёрстка – **Валерий ГАЕВСКИЙ, Ана ДАО**

ФЭНЗИН «ФАНДАНГО»

Свидетельство государственной регистрации КМ № 1107 от 22.04.2005 г.

ISBN 966-572-849-0

Почтовый адрес редакции: 299053, Севастополь,
ул. Меньшикова 90/40. Тел.: +7-978-827-54-19, +7-978-040-74-69

E-mail: **fandangle@list.ru**

Информация о **КЛУБЕ ФАНТАСТОВ КРЫМА**,
фэнзине и **фестивале ФАНДАНГО** на сайте:
www.fantclubcrimea.info

Все права учтены
При перепечатке ссылка на фэнзин обязательна

«ФАНДАНГО» – ДЕСЯТЬ ЛЕТ КАК ОДИН ДЕНЬ!

От учредителя

Кажется, совсем недавно выходил в свет Первый номер нашего альманаха-журнала-фэнзина (путаница с категорией печатного издания возникала постоянно, но это не поубавило редакторского рвения, и, в конце концов, сама собой установилась периодичность 3 выпуска в год), и мы были на острие событий крымских культурных событий 2005 года.

Хочется привести несколько фрагментов из тогдашнего предисловия:

«Дорогие читатели, собратья-литераторы!..

...Больше 20 лет отделяет нас от даты выхода в свет первого коллективного сборника молодых крымских фантастов «ФАНТАВРЫ», собранного Светланой Владимировной Ягуповой, прекрасным писателем, замечательным энтузиастом, несколько лет ведущей семинар фантастики при тогдашнем Союзе писателей. Именно эту дату – 1984 год – следует, на наш взгляд, считать днём рождения крымской фантастики, как расширенного творческого явления...

...Для нас очень важно, что на нашей земле творили и жили такие личности, как Максимилиан Волошин и Александр Грин. Именно Грин, его необычайная литература, разительно отличавшая писателя от литературы его современников, подсказали нам и идею, и название альманаха...

...Ничто так не символизирует энергию взаимной человеческой радости, как танец. Фанданго – испанский танец, исполняемый мужчиной и женщиной под аккомпанемент гитары и кастаньет. Но в самом слове прочитывается нечто таинственное, нечто фантастическое, навеянное игрой воображения. Грин, с его тонко чувствующей натурой романтика, уловил неопишуемое очарование, исходящее от этого слова, увлекающего и «внушающего любовь»...

...В 2003 году был создан Клуб фантастов Крыма, меморандум которого подписало к настоящему времени уже шестьдесят человек, шестьдесят крымчан, живущих в разных городах, поддержавших идею независимого творческого объединения...

...Нет смысла говорить о том, насколько развился в современное время имажинативный жанр. Мировая фантастика – огромный материк со сложнейшей географией, топонимикой, со сложнейшими переплетениями, взаимовлияниями и заимствованиями. Наука и мифология, эстетика и психология, социология и философия, религия и искусство – здесь всему найдено своё отражение и преломление...

...Разумеется, стать сколько-нибудь заметным элементом этого ФАН-мира очень непросто, можно быть и оставаться гордым одиночкой, странником (что, в сущности, и происходит, вне зависимости

от любых физических реалий!) в поиске своего Портала, но можно и объединиться в группу, постараться пройти хотя бы часть пути вместе, плечом к плечу с такими же странниками, как и ты сам...

...Вряд ли кто-либо из объединившихся пожалеет о своём совместном выборе. Он хорош ещё и тем, что в пути рождает друзей, устанавливает связи и Связь, иногда даже сакральную, неслучайную, глубоко внутреннюю – явную, быть может, только для двоих, так же, как это происходит в танце, «внушающем любовь»...

...Хотелось бы немного пошутить и сказать нашему читателю: «Танцуйте вместе с нами».

...В добрый путь, альманах! И «да здоровствует ослепительное «Фанданго»!»

Этой фразой заканчивался одноимённый рассказ Александра Грина, и, естественно, мы до сих пор переживаем символическую преемственность мысли писателя-романтика и фантастического реалиста, так, словно подхватили эстафету непосредственно из рук мастера.

Да, десять лет пролетели как один день...

Но сколь насыщен был событиями этот удивительный день!

Сотни и сотни авторов, писем, обменов мнениями, публикаций...

Сотни бессонных редакторских часов: чтения, планов составления, поисков идей оформления, подборов графики под заставки, корректуры, вёрстки...

В 2008 мы переросли в международный формат.

В 2013 получили премию Еврокона как лучший фэнзин года.

А что же Крым?

Маленький Крым стал ареной для трёх конвентов: в Партените («Созвездие Аю-Даг»), Феодосии (Крымкон «Фанданго») и Севастополе (Крымкон «Летучий фрегат»). В Крым от весны до середины осени приезжают, прилетают, приплывают фантасты: писатели, критики, редакторы, фэны. Приезжают как друзья, как гости, как докладчики, как участники удивительного действия по имени фантастический фестиваль.

День прошёл. Но завтра наступит новый день. И мы, кто был участниками этого Первого дня, «первого танца», ощущаем себя неслучайным встроенным звеном общего творческого процесса, понимаем одновременно, что на наших глазах родилось «крымское чудо».

Время меняет людей, и страны, и ценности, перелицовывает действительность. Время судит и оправдывает. Время для фантастов всегда было и останется – «Темой». Фантастика никогда не устанет заглядывать в это странное (не поддающееся описанию) измерение, она найдёт в нём множество парадоксов и темпоральных свойств, она сблизит удалённые миры, усадит за один стол героев древности и прогрессоров отдалённого будущего, она подтолкнёт воображение цивилизации, и я уверен, многие сюжеты воплотятся. Хочется, чтобы воплощались только счастливые, а

если суждено и другим, то пусть это будут сюжеты мудрых уроков, а не кровавого и массового разрушения... Тем более не сюжеты «апокалипсисов» – тёмные произведения безумных религиозных мистиков или учёных фантастов всех времён и народов.

«Фанданго» всегда держало планку светлой направленности своих публикаций, и даже если иногда попадались нашему читателю тёмные страницы, то надеюсь, их массы заряда не перевесят заряд оптимистичности, веры в человека. Не зря, наверное, наш клуб учредил премию (возможно, единственную в мире с такой формулировкой!): «за лучшее фантастическое произведение гуманистического плана» – премию «Планета Крым» имени нашего славного соотечественника писателя Леонида Панасенко. Панасенко останется в литературе как настоящий «садовник Солнца», «прогрессор хорошего настроения», фантаст, описывающий любовный танец разумных торнадо...

Сегодня, по прошествии 10 лет Одного дня «Фанданго», я хочу выразить надежду, что золотая метафора мечты и веры в светлое будущее никогда не пресечётся в сознании человека и что будет она подкреплена многими талантливыми произведениями. А наш журнал будет открыт для таких произведений ещё много добрых дней-десятилетий!

И, как тогда, так и сегодня, я говорю: «Да здравствует ослепительное «Фанданго»!»

И пусть хранит нас всех Имагинация!

Валерий Гаевский

FANdangle/

НФ-сюжетная, психологическая,
реал-фантастика

Андрей ДМИТРУК
г. Киев, Украина

ИМБИКИ
печальная фантазия

Радужная плёнка, более прочная, чем любой металл, расступилась передо мною, пропустила меня – и срослась заново за моей спиной. Я ступил на остров Магнифико (19° 52' 20" южной широты, 144° 57' 46" западной долготы).

Насколько мне было известно, за последние годы, со времени появления имбиков, они допустили на остров не более четырёх-пяти журналистов, да и то – после долгих переговоров с правительствами тех стран, откуда намеревались приехать корреспонденты. По какому принципу отбирали допущенных, никто и понятия не имел. Но примерять какие-либо человеческие категории, скажем, логику, к тому, что творилось в двойных головах пришельцев, было делом безнадежным...

Контрольный пункт представлял собой площадку, огороженную лёгкими перилами, под волнистым пластиковым навесом. Отсюда, с птичьего полёта, виднелась мозаика полей и дорог; за ней – подёрнутый туманом морской залив и, дугой вокруг него, крыши города.

Понятное дело, моё внимание было приковано к развалившимся в креслах у стола двоим дежурным на КП. То были молодые воины в комбинезонах, раскрашенных под жёлто-фиолетовую имбиковую шкуру. С раскраской мало гармонировал магнификанский триколор, квадратом нашитый на рукаве. Зато у каждого на левом плече органично выглядела вторая, искусственная голова. Довольно неплохо сделанная, она походила на живую; я заметил, сколь мастерски повторены на дубль-голове тонкие, тщательно подстриженные усы одного из солдат. На всех головах

сидели, закрывая уши и подбородки, ребристые голубые шлемы; четыре пары глаз скрывались под зеркальными очками. Искусственные хвосты тоже были на месте: у одного голый жёлтый, в фиолетовых кольцах, хвост лежал на коленях, у другого острым концом прятался под стол.

Слава Богу, вопреки моим опасениям, воины вели себя почти вежливо. Впрочем, может быть, так показалось из-за их крайнего немногословия: не успели нахамить... Предложили присесть и выпить баночной, хорошо охлаждённой номоры. До сих пор я лишь читал об этом имбииковом напитке, который островитяне поглощают немерено, чтобы и в этом быть похожими на пришельцев: теперь оказалось, что номора имеет вкус машинного масла с примесью хорошо размешанных свинцовых опилок. Пришлось сделать несколько глотков, чтобы не вызвать неприязни. В конце концов, пьют же его люди... а может быть, втихомолку бегают за угол, сблевать?

Я заметил странное: когда солдаты просматривали мой паспорт и командировочные документы, каждый старался показать, что в просмотре участвуют обе головы, настоящая и декоративная. Усатый даже спросил у головы-дубля: «Ну, как тебе эта голограмма? По-моему, смазана...» — сделал вид, что услышал ответ, покивал и вернул мне бланк.

Благодушие стражей острова распространилось до того, что они позволили себя сфотографировать. Один сказал, что слышал о моей газете и уважает её. Его вторая голова подтвердила кивком, что уважает.

Пока длилась эта процедура, на площадку поднялся штатский. Я понял, что это Джон Папалоа, провожатый, прикреплённый ко мне властями острова. Он так и представился, подавая руку, — худой, кофейно-смуглый, с клоком смоляных волос на лбу. Просторная цветастая рубаша висела на узких плечах. Глаза Джона, похожие на семечки спелого арбуза, глядели не то испытующе, не то испуганно. Мне почему-то захотелось подбодрить его; крепко пожимая костлявую кисть, я как можно радушнее улынулся... и получил в ответ такую рекламно-широкую и напроочь неискреннюю улыбку, что больше попыток не делал. Усмешки моего чичероне напоминали вспышки фотоаппарата: мгновенно озаряется лицо, зубы сверкают и вновь опущены уголки сомкнутых губ. Хорошо хоть, голова у него была одна, своя родная: только большой круглый значок ниже левого плеча изображал пару мультяшных головок на фоне флага Магнифика. Хвост также отсутствовал; лишь позднее я заметил двухцветный жгут, свисавший с ремня на тощий зад...

По винтовой, идущей квадратами лестнице мы спустились с решётчатой вышки к автомобилю. Это была не казённая, а собственная машина Джона, тускло-коричневая «шевроле импала» — развалюха Бог весть каких лет. Папалоа сел за руль, и мы двинулись к единственному городу, он же столица. Разумеется, на кондиционер не было и намёка: я терпел удушливую жару с привкусом соли и железа, но и не думал протестовать, поскольку — где ещё услышишь нечто подобное тому, что вещал Джон по дороге?..

FANDANGLE

Очевидно, это у него была постоянная, заученная программа, чему я немало удивился: неужто оккупированный пришельцами остров становится местом постоянных посещений из-за границы? Раньше вроде бы имбики и не думали никого сюда пускать... исключения бывали крайне редко. Но факт оставался фактом, Джон выдал целый монолог.

— Вы увидите, сэр, обновлённый, полностью преобразившийся край! — восклицал он с заученным восторгом. — Все проблемы, которые стояли перед нами в прошлом, практически решены властью наших друзей и наставников. По их мнению, на острове сложился вполне самостоятельный, полноценный народ, со своим языком, обычаями, культурой... (Я промолчал: мне пришлось заранее подучить диалект острова, смесь меганезийского, при небольших местных особенностях, с предельно упрощённым английским.) О да, — когда из таинственных глубин бытия («вот как они здесь формулируют!...») возникли наши учителя, они первым делом стали внушать нам национальную гордость. Тем более, что, как оказалось...

Я невольно кивал, чему всячески помогали подскоки машины на трещинах и буграх, сплошь покрывавших шоссе. С темой пришлось познакомиться заранее, когда собирал сведения в сети и в других, специальных источниках, — но слышать воушию (не воочию же!) то, что вещал Джон, было куда как занятнее. Серьёзным, приподнятым тоном человек, вроде бы вполне нормальный, говорил вещи, которые смущали бы и психиатра. Оказывается, в организмах магнификанцев, которых доселе относили к обычной для Меганезии смеси австралоидной и монголоидной рас, нашлись гены, свидетельствующие о давнем и тесном родстве островитян... с имбиками. Загадочным образом малая ветвь могучего народа, обитающего в иной реальности, была заброшена на Землю, на островок в тропическом океане, где и дала достойные плоды. Конечно, у жителей Магнифико нет ещё (!) ни второй головы, ни хвоста, ни иных признаков имбиканства; но тем не менее они кровно ближе к своим друзьям-пришельцам, чем к любому земному этносу. Вредная, дезориентирующая легенда, творение псевдоисториков, утверждает — и когда-то сей бред изучали во всех трёх островных школах, — что ближайшие родственники магнификанцев живут через узкий пролив, на большом острове Ранарити. Однако, согласно последним исследованиям генетиков и антропологов, ранаритяне своим соседям абсолютно чужды. Более того — и это уже политическая практика, — они резко враждебны и при случае с удовольствием уничтожили бы всё соседнее племя. Зато имбики — братья по всем статьям, защитники и кормильцы; как можно скорее уподобиться им внешне и внутренне — первейший долг каждого гражданина Магнифико.

Бац! Машина внезапно нырнула в громадную водомоину на дороге. Я еле успел отклониться — сказывалась долгая журналистская практика — и, на всякий случай, прикрыл рот рукой, дабы обезопасить зубы. Мой чиче-

роне тоже был тёртый калач: автоматически подпрыгнул вместе с сиденьем и тем избежал ушибов.

«Шевроле» застрял прочно. Слава Богу, хоть двери не заклинило... Мы выбрались на мостовую. От КП уже успели достаточно отъехать: кругом, с обеих сторон, стелились поля, щедро заросшие могучим тропическим бурьяном, с проглядывающими островками пшеницы. Однако, если справа даль не являла взору ничего, кроме сизой полосы леса, то по левую руку за полем, за рядом высоких пальм вставало здание. Вопреки всему, что я читал или слышал о полунищем острове, оно просто сверкало новизной, этакий бело-голубой трёхэтажный кристалл с плоской крышей. Поскольку над кровлей высилась квадратная башенка, окутанная сверху радужным маревом, я понял, что здесь имеется собственный пункт прибытия-отправления. Другого транспорта для связи с внешним миром имбики не жаловали: после их воцарения были разрушены и гавань, и аэропорт. Несколько раз щёлкнув своим маленьким «Олимпусом» почти что с одной точки, я оставил это дело: пробираться к странному дому не хотелось, да и вряд ли бы там приветствовали назойливого фотографа. За годы работы в редакции я научился не выкладываться...

Обойдя вокруг машины, мы убедились, что своими силами «шевроле» из ямы не вытащишь. Я ожидал, что Джон достанет мобильный и вызовет техническую помощь, но он сказал, что таковой здесь не существует и надо просто сидеть и ждать, пока не проедет кто-нибудь на достаточно мощной машине, чтобы выволочить нашу. Ему мы заплатим; если двигатель цел, сами доедем до города, если нет — опять же, попросим кого-нибудь взять на буксир. В городе есть автомастерские... Ну, а если, скажем, у «импалы» сломана ось, спросил я, — что тогда? Ждать пустой грузовик и неведомо какими силами грузить наше авто в кузов? В ответ Джон помотал головой: выражение лица его стало плаксивым, и он сообщил, что в последнем случае придётся просто прощаться с машиной. По дорогам валяется много подобного лома, и никто его не убирает: в лучшем случае, оттащат за обочину. «Но техника имбииков, антигравитация, телетранспортировка...» — начал было я, однако получил быстрый ответ: у «наших друзей и покровителей» более важная задача: вернуть Магнифико в лоно имбииканской цивилизации. А уж со своими посевами, дорогами, заводами и прочими скучно-прагматическими вещами мы должны разобраться сами...

Слазив под машину и немало повозившись там, Папалоа вылез; куском тряпки, заменявшим ему платок, вытер лоб, чуть более грязный, чем эта тряпка, и объявил, что, действительно, «полетела правая передняя полуось». Вид у него был трагический: считай, потерял «шевроле». Я слегка успокоил Джона, обещав частичную компенсацию от редакции. Стало быть, доводилось сидеть и ждать попутки. Мы выбрали поваленную пальму у обочины и сели на неё курить.

FANDANGLE

Пользуясь передышкой, Джон растолковал мне, для чего предназначен новый красивый дом среди цветущего сада. Оказалось, что это – косметический центр, услуги которого весьма дорого стоят. Самые богатые жители острова могут здесь перекрасить кожу в жёлто-фиолетовую «имбиковую» гамму, причём, как я понял, соответствующие пигменты вырабатываются самим организмом. Тот же, кто обладает по-настоящему большими средствами, может позволить себе совсем необычную операцию: установку второй головы и хвоста. И это не муляжи, как у дежурных на КП: помимо идеального внешнего сходства с первой головой, вторая, снабжённая сложной компьютерной начинкой, способна говорить, отвечать на простые вопросы, а также менять выражение лица; хвост же движется и по-своему выражает эмоции.

10 Насчёт собственной, принадлежащей центру вышки прибытия-отправления Папалоа также сообщил интересные вещи. Оказывается, тема имбиков становится популярной в мире, и ради приобретения второй головы на остров уже прибывают иностранные толстосумы.

Эти сведения меня немало позабавили.

Магнифико был одним из крайних островов в одном из больших архипелагов Меганезии, который не столь давно представлял единое королевство. Верховный вождь жил на Ранарити. Но однажды главы племён, владевших отдельными островами, перессорились между собой – из-за рыбных угодий, жемчужных отмелей и прочих благ: каждому хотелось владеть своей частью безраздельно. Королевство рассыпалось; жадность местных владык, более не умеряемая верховной властью, привела подданных к разорению. И тогда, побаиваясь, чтобы племена не вздумали снова объединиться вокруг Ранарити, островные вожаки стали внушать им ненависть к былому центру. Делали всё возможное, чтобы на каждом острове появился свой язык, возникли собственные обычаи: если удавалось, придуманное объявляли древнейшим достоянием племени.

Но жадность вождей не унималась. От страстных споров, кто кого старше, и кто кого просветил, и кому, стало быть, по праву принадлежат спорные устричная банка или лежбище черепах, – переходили к вооружённым стычкам. Шли в ход приобретённые ещё Ранаритянским королевством танки, пулемёты и патрульно-сторожевые катера. Число жертв множилось.

И тут однажды неведомо откуда явились имбики. Из-под земли, со дна океана, с другой планеты, из вселенной других измерений? Ответ знали только племенные жрецы: из царства могучих духов. Двухголовые, обладающие невероятными возможностями, имбики до сих пор оставались загадкой для всего научного мира. Хотя, впрочем, исследовать себя они не давали...

Единственным душевным свойством пришельцев, которое сразу стали понятно, была, мягко говоря, чрезмерная личная осторожность. Некоторые исследователи выводили её из того, что существа иного мира,

возможно, обладают сверхдолголетием или даже бессмертием: есть что терять... Но правды так никто и не дознался.

Поскольку имбики сразу вмешались в конфликты между Магнифи-ко и другими островами, да и вообще во все стороны островной жизни, — им невольно пришлось участвовать в опасных, острых ситуациях. И везде они проявляли себя одинаково: держась на заднем плане, предпочитали загребать жар руками магнификанцев. Вооружённые неземным оружием, имбики тем не менее почти никогда не пускали его в ход. Помощь людям выражалась, в основном, в науськивании племени и его вождей на противника. Недавно главным врагом стал всё тот же Ранарити. Похоже, что-то на большом острове очень влекло имбиков. Что же именно?..

Итак, мы сидели и покуривали из моей пачки «Кэмел» уже минут двадцать, когда появилась первая машина. Столь малая частота движения была мне понятна: зная о состоянии шоссе, люди добирались до го-11рода окольными путями. Но вот возник этот поразительный экипаж, и я сразу защёлкал камерой, делая снимки.

Издавая такие звуки, словно по мостовой тащили десяток железных бочек с насыпанной в них щебёнкой, тащилось к нам то, что в прошлом, очевидно, было гусеничным экскаватором «Хитачи». Стрела с ковшом и корпус были сняты, а на их место прилажен кузов с высокими бортами, раскрашенными в цвета островного флага. Сидевшую сбоку кабину прикрывал грубо сваренный бронеколпак с прорезями. В кузове сидели кружком человек десять мужчин, иные в касках, и орали песню, которая в моём скромном переводе с меганезийского звучала бы примерно так:

Отставать, друзья, негоже:

Быть на имбиков похожи

Мы все хотим — раз, два!

Хоть пока не получается,

Ты, дружище, не отчаивайся:

Верь в успех, сильна наука;

Значит, вырастет у внука

Вторая голова!..

Цвет рубаш и касок подсказал: передо мной «чёрные лемуры» и их средство транспорта имеет гусеницы не только из-за особого состояния здешних дорог, но и затем, чтобы походить на танк. В груди отдался неприятный толчок: о бандах, поддерживаемых вождём и его кланом, писали ужасные вещи. Но избежать встречи не выпадало, тем более, что Джон уже замахал руками и заголосил, умоляя водителя остановиться.

Издав мучительный скрежет, экс-экскаватор затормозил, но ещё долго трясся и выбрасывал из боковых патрубков клубы грязного дыма. «Лемуры» поспрыгивали наземь: видно, заскучав дорогой, обрадовались возможности размяться и лёгкому приключению.

FANDANGLE

Сидеть на стволе, не желая подойти к новым знакомцам, понятно, не приходилось. Я двинулся к ним как можно вальяжнее, беспечно улыбаясь. Всё же мой статус журналиста-иностранца должен был послужить защитой.

Очевидно, Папалоа успел рассказать обо мне: во всяком случае, «лемуры» приняли меня дружески, стали совать руки для пожатия. Один довольно фамильярно хлопнул по плечу, но я решил этого не заметить... Рубахи их и брюки являли все оттенки чёрного, от мокрого асфальта до воронова, с просинью, крыла; лица были размалёваны сажей, отчего ярче сверкали зубы, вообще у магнификанцев похожие на белый фарфор. За спиной у всех висели автоматы «узи» или «томпсон», однако половина молодцев ходила босиком. Но при этом ни один, даже самый обтрёпанный, не забыл изобразить на левом плече вторую голову: кто нашивкой с рисунком, кто – просто намалевав силуэт краской, а кто и прикрепив кукольную. Болтались также и хвосты; однако самую буйную фантазию являли каски, на которых, поверх обязательных жёлтых и фиолетовых полос, шахматок, спиралей, висели висельники, окутанные флагами Ранарити, и скалились черепа. Надо полагать, такие росписи должны были повергнуть противника в трепет ещё до обмена выстрелами.

Похоже, что эти простые смуглые ребята знали в чувствах только плюс и минус, причём оба – в пределе: дружбу и ненависть; первую выражали дикарской лаской, вторую – хватаясь за автомат. Минуты не прошло, как уже двинулась по рукам большая плоская фляга. Пришлось хлебнуть и мне, и Джону: судя по запаху и вкусу, то был удивительный коктейль из имбиковой номоры и местного крутого самогона, так сказать, знак полного сближения двух рас. Немалых усилий мне стоило тут же не извергнуть гремучую смесь на землю...

После ритуала совместной выпивки меня вдоволь наобнимали, нахлопали по лопаткам и наградили титулом «белый бычий член»: два последних слова соответствуют, примерно, нашему определению «классный чувак», а белизну помянули как признак чужеземца. Затем «лемуры» наперебой стали рассказывать, куда они и зачем едут. Говорили, вернее кричали, все разом, перебивая и всячески обзывая друг друга, так что мне пришлось заниматься отсевом смысла наподобие золотоискателя.

В конце концов, стало понятно, что команда на бывшем экскаваторе, теперь носившем название «национальный танк», направляется в город, на соединение с частями войск, непосредственно подчинённых вождю, а также с отрядами добровольцев вроде их собственного. (Первые состояли из специально отобранных здоровых юношей, нёсших нечто вроде воинской повинности, а вторые – из крестьян, рыбаков, лесорубов, испытывавших патриотический подъём чувств.) Поскольку ожидается десант с Ранарити (так говорят имбики), очевидно, боевиков вместе с солдатами посадят на моторные баржи и повезут через пролив, к ранаритийскому берегу, чтобы внезапной атакой предупредить подлую вылазку врага.

Из того, что я у себя дома узнал об истории архипелага, никак не явствовалась страсть вождей большого острова к войнам; наоборот, под скипетром тамошнего владыки все острова жили мирно и процветали, как никогда. Но выкрики хмельных «лемуров» резко противоречили этой идиллии: «Да они там спят и видят, как бы нас опять сделать своими рабами!» – «Они всю жизнь только и делали, что захватывали чужие земли...» – «Сами ничего не умеют, вот и заставляют других на них работать». Старейший из «лемуров», массивный, седобровый, с гранатами вокруг пояса и кинжалом за сапогом, выдал следующее:

– Ну, ничего, имбики им покажут, с какого конца банан едят!

Ага! Тут мне просверкнул новый смысл происходящего, и я поспешил всунуться между их возгласами:

– Ребята, а почему имбики на вашей стороне? Им что, Ранарити не нравится?..

Ответил тот же седой, с ритуальными шрамами на чугунном лице, боевик. И, пока он говорил, я понял: старик сумбурно, тяжело пьян. Он не покачивался – долгий опыт брал своё, – но, туманно глядя и буквально выталкивая непослушным ртом слова, вымолвил:

– Почему не любят? Очень даже любят. Да вот только они не нравятся ихнему вождю. Туда, понимаешь, сунулись раньше, чем сюда... а он им – от ворот поворот...

Сведения о том, что «учители из таинственных глубин бытия», появившись в нашем мире, первым делом проникли на Ранарити, – такие данные и вправду к нам поступали. Но – смутные, не подтверждённые... «Лемур» же говорил, морща низкий лоб:

– Понимаешь, почему королевство крепко стояло? Там шахты есть... ну, сейчас, может, заброшенные, а раньше – ого-го! От них и сила была... Копали – и продавали всему миру. А они решили, что и до сих пор там есть чего копать... а что? Им виднее...

– Какие шахты, угольные?

– Хрен тебе угольные... Вроде оно для этих идёт... для бомб! Ну, знаешь...

Я знал. Это мы знали ещё из школьной географии. Ну, скорее, – кто любознательный, знал из внешкольной. Никелевые руды, чрезвычайно богатые кобальтом. Их добывали на Ранарити, но однажды запасы сочли исчерпанными. Это было одной из причин распада королевства. Неужто имбики разглядели новые богатые залежи? Но почему именно для бомб? У кобальта много сфер применения... Должно быть, тоже просочилось от «учителей». Да, эта новость – всем новостям новость...

Внезапно седой боевик умолк, не окончив фразы. Схватился за горло. Я подумал было, что ему требуется срочное причащение из фляги, – но «лемур» громко заклокотал. В углях его рта показалась пена. Странно затанце-

FANDANGLE

вав, затоптавшись, старик упал на спину. Я рванулся было к нему – помочь, поднять, – но, неожиданно сильно, будто клещами, схватив за локоть, меня удержал Папалоа. Не дал он и использовать камеру: «Это нельзя снимать, сэр, вас убьют!..»

«Лемуры» всё слабее, всё медленнее корчился на мостовой, пытаясь то согнуть ноги в коленях, то простереть дрожащую руку... Никто не помогал упавшему. Наоборот, умолкнув и насупившись, добровольцы отошли от него. Мне показалось, что они испытывают не столько сожаление или страх, сколько некое неудобство: надо же, какой позорный случай! По крайней мере, это сквозило в их переглядывании и перешёптывании. Куда и дружелюбие девалось: сбившись между телом старика и своей машиной, все сумрачно косились на меня.

14

«Не надо, сэр, поверьте: ничего не надо делать, это нас не касается», – дрожа всем телом, бубнил Папалоа. Меня мало интересовал его лепет: я уже представлял, как вот сейчас любой из этих мужиков, только что пивших со мной заправленную спиртом номору, вскинет свой автомат, и... Не в силах сдвинуться с места, я стоял и глядел на них, на их угрюмые лица, пытался вслушаться в тихие переговоры. Вероятно, я очень поbledнел. Но магнификанцы не разбираются в оттенках белой кожи.

Перестав биться, старик вытянулся и одеревенел. И тут же прочие «лемуры», не сговариваясь, деловито шагнули к телу. Мигом были сняты с пояса гранаты, вынут кинжал из-за сапога, забран автомат. Вслед за тем добровольцы обшарили карманы мёртвого, добыв оттуда некий жетон и несколько денежных бумажек, каковые тут же были поделены между двумя-тремя старшими.

И тут некий подсознательный зов заставил меня обернуться к кабине.

Почему-то раньше она вовсе не интересовала меня, тем более прикрытая глухим железом с горизонтальными щелями под козырьками. Теперь же – притянула однозначно. Непостижимым образом, сквозь металл я ощущал чьё-то присутствие. На меня смотрел водитель «национального танка». Никогда я не испытывал ничего подобного: из прорези, полной тьмы, веяло холодным любопытством, смешанным с острой неприязнью... и, пожалуй, с опасением. Возможно, тому, незримому, не хотелось рисковать, убив корреспондента газеты, пользующейся мировой известностью. Исключительная осторожность, да...

Затем мне почудилось, что смотрит не одна пара глаз.

...Господи, вот бы с ним познакомиться, возопила во мне профессиональная страсть, – какой был бы очерк, какие фото! Ведь пославшие меня на Магнифико более всего надеялись, что я раскрою тайну пришельцев. Кобальт кобальтом, однако – «интервью нашего собственного корреспондента с представителем внеземной цивилизации»... Блеск!

Но затем, и очень скоро, возобладало другое желание: чтобы поскорее убрался отсюда этот чёртов драндулет, даже ценой качества будущей статьи. Что будет дальше, что я ещё увижу на острове перед обратной транспортировкой, назначенной сегодня на вечер, – Богу ведомо. Но сейчас...

Словно получив неслышимый сигнал, «лемуры» преспокойно грузились обратно в кузов. Нашёлся кусок брезента, в который завернули труп – и без всякого бережения перебросили через борт. Теперь они вообще не замечали нас с Джоном – а может быть, пришло распоряжение не замечать; и только один шуплый, косоглазый доброволец робко помахал на прощание.

Понятное дело, нам и в голову не пришло попросить их зацепить «шевроле» тросом или хотя бы подвезти нас до города.

Зачихав, выплюнув струи дыма, «танк» стронулся с места. Покатил, качаясь с боку на бок. Сквозь лязг и скрежет пробилась песня, ныне носившая печать тоски и растерянности. А может быть, мне лишь так показалось и мужики, управляемые из кабины, уже забыли о гибели товарища?

*Злой народ, ранаритяне,
Чужды нам, как марсиане:
Им нас не запугать!
Пусть не лезут к нам с оружием,
От того лишь будет хуже им...*

Мы снова остались ждать того, кто выручит и поможет добраться до столицы.

Алексей КОРЕПАНОВ
г. Кировоград, Украина

МЫ ВСЕ ИЗ ЭЛЬСИНОРА

Исколесив на такси окрестности доброго десятка забегаловок Северного пригорода, зажатого между рекой и заводскими корпусами, и взглянув в каждую из них, Дагл Синкер так ничего и не добился. Он уже собирался изменить тактику поисков и поджидать Рина Малайна возле дома, хоть и до вечера, – но тут ему, наконец, повезло. Рин брёл по тротуару в сторону тускло-жёлтого куба питейного заведения у перекрёстка, и ничто в его сутулой фигуре не напоминало brave молодого капрала, каким он был когда-то – три с лишним десятка лет назад. Оба они были тогда капралами, выпускниками одной академии, и направление получили в один гарнизон. А уже потом пути их разошлись.

Прошедшие годы очень сильно изменили Рина Малайна, но Дагл Синкер всё-таки узнал его.

Скомандовав такси остановиться, Дагл вышел из послушно раздвинувшей дверцы коробки, которая очертаниями своими смахивала

FANDANGLE

на ботинок, запахнул свой дорогой плащ и зашагал навстречу бывшему однокурснику.

— ...В отставке, Дагл?

— Нет. Консультант, штаб Пятого сектора, Юг.

— О! — Рин Малайн чуть не поперхнулся мятным ликером; Синкер угощал. — Так ты дослужился до центуриона?

— До дубль-центуриона, — уточнил Синкер.

Рин Малайн стиснул зубы и с силой потёр небритую щёку. Залпом допил свой бокал, откинулся на спинку стула и уставился сквозь прозрачную стену пивной на малолюдную улицу. Дагл же со своим «мас ла плана» разделаться не спешил, делал мелкие редкие глотки, наслаждаясь ароматом смородины и ежевики, приправленным лёгкими кедровыми нотками. Он смаковал вино и поглядывал на урюмого Рина Малайна — явно не первый был сегодня у Рина этот бокал, и совсем неживыми казались его впавшие, затуманенные глаза, и подрагивали пальцы, и тёмные, с сильной проседью волосы неряшливо налезали на уши.

— До дубль-центуриона... А я выше дивизион-майора так и не добрался.

— Расскажи, — Дагл Синкер взял со стола высокую бутылку и вновь наполнил бокал Рина.

Малайн мрачно усмехнулся:

— Издалека придётся начинать. С Периферии.

Именно там, на Периферии, много лет назад произошло первое столкновение с неведомыми до тех пор лумийцами. Столкновение, которое переросло в довольно длительное военное противостояние, принесшее немало хлопот Земной Ассоциации.

— ...Они в последний момент увернулись... и наших в плен взяли... Два экипажа, со всеми потрохами. Мы же тогда ни слухом ни духом не знали про их нейтрализаторы... Мы же вообще про них почти ничего не знали... — Рин Малайн уже выговаривал слова с трудом, делая длинные паузы и тяжело дыша. Бутылка мятного ликёра была наполовину пуста, а Дагл Синкер не управился ещё и с первым бокалом. — Два экипажа, на самом выступе... И сына моего, он был оператором на средней позиции... Поддержка чуть позже развернулась, сунулась — а там завеса. Но одного всё-таки достали, попался на импульс. Лумийцы тоже прокололись — опять же, из-за недостатка информации...

Рин Малайн смотрел на бесстрастного собеседника, холёного, молчаливого, вполне, наверное, довольного жизнью и собой, — но видел не Дагла Синкера, давно забытого однокурсника, а того лумийца, первого неземянина, с которым ему довелось столкнуться на своём веку. Лумиец был смуглым, высоким и неповоротливым, он совсем не походил на вои-

на, бойца, и в его чёрных выпуклых жабьих глазах не отражалось никаких чувств. Переводчиков с лумийского тогда, в те первые дни, разумеется, ещё не было, специалисты по мнемосканированию и ментоскопии, как обычно, маялись от безделья в другом секторе и могли прибыть только через сутки, а то и позже – и пленного заперли в одном из штабных помещений, предварительно убрав оттуда всё оборудование. И, разумеется, по распоряжению дивизион-майора Малайна, была обеспечена его усиленная охрана.

С этим лумийцем были связаны все надежды Малайна на то, что он вновь увидит сына. Увидит живым, целым и невредимым. Артиса можно будет обменять на этого пучеглазого увальня. Вернуть. И других тоже. Да, вернуть всех, захваченных в плен. Но главное – сына... Если, конечно, и Артис, и другие действительно захвачены в плен, а не убиты и не сожраны этими чужаками. И всё-таки это был шанс...

17

Стычки на выступе продолжались, патрули сообщали о появлении всё новых групп противника, и ночь для дивизион-майора выдалась очень тяжёлая. Ситуация была самой худшей из всех, какие можно представить – штаб не располагал данными о возможностях противника, да, собственно, и о его намерениях. Что это было – непреднамеренный контакт? Разведка боем? Или речь шла о спланированном вторжении в пределы Земной Ассоциации? И откуда они взялись, эти неземляне?

Да, потом постепенно всё прояснилось, и оказалось, что, по большому счёту, произошло недоразумение, вызванное разным мировоззрением, специфическим толкованием некоторых процессов, не совпадающим в определённых моментах восприятием действительности. Те события не были тщательно подготовленной агрессией, направленной против Земной Ассоциации. Лумийцы просто осваивали территории, которые издавна считали своими, даже не подозревая о том, что в тех местах уже обосновались земляне. Всё это стало известно потом – а тогда, в первые часы, дивизион-майор Малайн не знал ни черта. Но выступ удерживал, и руководил своими парнями, и делал всё, что обязан был делать... вернее, что мог. Всю ночь. Ту, самую длинную первую ночь. Не позволяя себе думать о сыне – и постоянно думая о нём, единственном сыне, Артисе... Сын, плоть от плоти, самая родная кровь...

А утром обнаружилось, что пленник мёртв. Охрана была на месте, проникнуть в помещение никто не мог – ни через стены, ни через пол, ни через потолок. Да и вообще, даже муха (водись здесь мухи) не залетела бы на территорию штабного комплекса незамеченной – при пяти уровнях защиты с самой совершенной, сверхчувствительной сигнализацией. И тем не менее...

Тело пленного лумийца мешком лежало на полу, и жизни в нём было не больше, чем в мешке. А в углу, прислонившись спиной к стене, сидел на корточках ещё один лумиец – маленький, тонкий, как червяк, по-

FANDANGLE

крытый какой-то слизью, с такими же жабыми, ничего не выражающими глазами. Но не одетый, а голый.

Когда прибывшие наконец-то мнемотехники покопались в сознании неведомо как проникшего в штаб неземянина и доложили о результате дивизион-майору, у Рина Малайна не осталось сомнений в справедливости собственного предположения. Никаких данных мнемотехникам добыть не удалось: сознание лумийца было либо пустым, как Земля в первые дни творения, либо надёжно защищённым от взлома.

Это не имело принципиального значения для Рина Малайна. Ему был ясен план лумийцев. План, успешно претворённый в жизнь. Тот, первый, пленник располагал сведениями, которые могли бы помочь землянам справиться с агрессией. Понимая, что вызволить его не удастся, лумийцы сделали ставку на своего рейнджера, подобного ниндзя, обладающего сверхспособностями... а может, и не было никаких сверхспособностей – просто лумийцы умели создавать какие-то каналы проникновения, неведомые землянам, каналы, судя по всему, односторонние – ни пленник, ни рейнджер не смогли вернуться к своим. Рейнджер ликвидировал пленника – то ли подчиняясь приказу, то ли его так запрограммировали... Никакой ценности, в отличие от первого лумийца, он для землян не представлял – со своим стёртым или наглухо заблокированным сознанием, – и дальнейшая его судьба теперь зависела от тех, в чьи руки он попал.

Для Рина Малайна подобный поворот событий означал только одно: он потерял сына. Навсегда потерял сына. Окончательно и бесповоротно. Боевые действия продолжались, весь сегмент трещал по швам, лумийцы прежних ошибок не делали, и о новых пленных можно было только мечтать. Силы быстрого реагирования на поверку оказались вовсе не такими эффективными, как считалось, – и всё отчётливее становилась угроза прорыва.

Реальное столкновение было настолько не похожим на разные учебные ситуации, состряпанные военными, никогда не выдавшими войн, что кое у кого в те первые дни сдали нервы. Услышав вердикт мнемотехников, дивизион-майор Рин Малайн, сам не свой от продолжавшихся потерь личного состава, собственноручно застрелил бесполезного, не реагирующего ни на что чужака-рейнджера...

– ...Ну, откуда мне было знать, Дагл! Я же не фантазёр, я военный! Да как бы мне в голову могло взбрести, что никакой это не рейнджер, а ребёнок, что они так размножаются... Ну, вот тебе, – Рин ткнул пальцем в Дагла Синкера и чуть не опрокинул свой вновь наполненный бокал, – тебе могло бы такое взбрести в голову? А, Дагл?

Синкер неопределённо развёл руками:

– Трудно сказать. Видишь ли...

– Да что там трудно! – перебил его побагровевший Малайн. – Ни кому и никогда такое взбредить в голову не может! Ур-роды лумийские...

Даже когда вооружённое противоборство было прекращено и две цивилизации начали налаживать взаимовыгодные партнёрские отношения, лумийцы не сочли нужным посвящать землян в детали своего способа продолжения рода. Как уже потом объясняли отстранённому от командования Рину Малайну, зародыш вызревал в теле взрослого лумийца, потом отпочковывался от него и в считанные часы превращался из комочка величиной с кулак во вполне сформировавшееся существо. Сформировавшееся физически, но не психически и умственно. Как обеспечивалось его дальнейшее развитие, землянам было неизвестно.

Это сообщение совершенно ошеломило Малайна, и он не мог вспомнить, когда и как в голове у него возник образ безнадежно засохшего дерева, сквозь кору которого, у корней, пробивается зелёный побег какого-то другого растения. Начало новой жизни сопровождалось непременно завершением жизни прежней. Носитель зародыша умирал, вскармливая в себе собственную смерть...

И этот акт, насколько смогли уяснить земляне, вовсе не являлся для лумийцев трагедией. Такая смерть, при всей парадоксальности данного утверждения, была атрибутом их бытия. Атрибутом – то есть неотъемлемой принадлежностью, постоянным свойством. Впрочем, любая смерть – неперемненное свойство бытия...

И только тогда Рин Малайн узнал, что убил не вражеского агента, а ребёнка. Младенца. Новорождённого. Малайна отстранили от командования и отозвали с Периферии, и до самого конца боевых действий он не видел больше ни одного лумийца.

Зато он увидел сына. Артиса, целого и невредимого. Вернувшегося из плена вместе со многими другими. Потом Артис, так же как и сам Рин Малайн, уволился из армии, и они стали жить втроём – Рин, его жена Энна и их сын...

Нельзя сказать, что Малайну не вспоминался тот убитый им ни в чём не повинный младенец, но отставной дивизион-майор старался не копаться, уподобляясь мнемотехникам-ментоскопистам, в подвалах собственной памяти, и совесть, в общем-то, не донимала его. В конце концов, говорил он себе, на войне как на войне.

А потом произошло ужасное – через год после возвращения из лумийского плена сын покончил с собой. Перерезал себе вены в ванной, когда никого не было дома, и не оставил никакой предсмертной записки. Артис был завсегдатаем игровых залов, и можно было предположить, что он кому-то крупно задолжал – а за долги в Северном пригороде спрашивали строго, очень строго...

Но Рину Малайну, как и тогда, в начале стычки с лумийцами на Периферии, всё было ясно. Сын мало рассказывал о своём пребывании

FANDANGLE

в плену, но именно там этим тварям удалось внушить ему установку на самоуничтожение. Потому что к тому времени они уже пронюхали, кто именно убил их младенца. И решили отомстить. Отомстить изощрённо, отняв у Рина Малайна самое дорогое – единственного сына.

Именно так думал не находивший себе места от горя Малайн. И вновь, как когда-то, ничуть не сомневался в справедливости собственных выводов.

– ...Они убили его, Дагл! Понимаешь? У-би-ли!.. – Рин раскачивался из стороны в сторону, чуть не падая со стула, и бокал трясся в его руке. – Их тогда развелось у нас видимо-невидимо, этих лумийских ублюдков, этих жаб... Они смеялись мне прямо в лицо... я видел... я чувствовал... Они убили его...

20

Рин Малайн хоть и был отставником, но у него осталось право на личное оружие. И он пустил в ход это оружие. Один лумиец скончался на месте, у дверей торгового представительства, другой протянул ещё час или два.

На суде Рин высказал всё, то и дело глядя на осунувшуюся от слёз Энну. И заявил, что ничуть не раскаивается в содеянном. Он был готов всю оставшуюся жизнь провести в тюрьме, без надежды на смягчение приговора, ему было всё равно, и он жалел только о том, что успел прикончить всего пару этих жаб, из врагов превратившихся в партнёров землян.

Разумеется, присутствовавшие в зале суда представители Лумии отвергли утверждение Малайна о том, что они, из мести, запрограммировали Артиса на самоубийство. Точнее, даже не так. Создавалось впечатление, что они просто не поняли, в чём Малайн их обвиняет.

Решение суда оказалось для отставного дивизион-майора полной неожиданностью. Лумийцы, как потерпевшая сторона, ходатайствовали о том, чтобы преступника передали им, гарантируя сохранность его жизни. Рину осталась неизвестной их аргументация – но в итоге это предложение было принято судом.

И Малайн отправился за тридевять земель, на Лумию, преисполненный мрачной уверенности в том, что его будут жарить на медленном огне и отрезать от его тела кусок за куском... кусок за куском... Долго, очень долго.

Ему было всё равно. Он не боялся физических мук – они не могли оказаться сильнее его душевной боли.

– ...Так я попал на Лумию...

– Я знаю, – кивнул Дагл Синкер. – О твоём деле сообщали все массмедиа.

– Значит, прославился на всю Сферу, – криво усмехнулся Рин Малайн. – Вкусил всемирной славы...

Казалось, парабола его опьянения вдруг пошла на спад, и он выглядел теперь гораздо более трезвым, чем раньше, хотя продолжал исправно поглощать довольно забористый ликёр.

— Они мне там всё время мозги пудрили... Взаперти не держали, хотели показать, какие они хорошие... Много всякого про себя рассказывали и душеспасительные беседы вели, всё чего-то выпытывали... И так, и этак... Я им объясняю, про сына, — а они дурачками прикидываются, — Рин Малайн скрипнул зубами и резко, со стуком, поставил бокал на стол, расплескав ликёр. — Ну, тогда я им! В общем, чуть не прикончил одного... — Рин опять заскрипел зубами. — И после этого они меня... назад... И знаешь, что сказали напоследок?

Дагл Синкер молча взглянул на него.

— Мы, говорят, познакомились с вашей культурой. Знакомились они, твари! Вы, говорят, так и остались в Эль... Эльсиноре. Ты знаешь, что такое Эльсинор?

Синкер пожал плечами.

— И я не знаю. А спрашивать не стал. Но я другое знаю, — Малайн покачнулся и наставил на собеседника указательный палец. — И ты тоже знаешь, и все мы знаем. Теперь этих тварей здесь нет. Убрались ко всем чертям!

Синкер удивлённо поднял брови:

— Ты думаешь, что лумийцы... — он озадаченно обхватил ладонью гладкий подбородок. — Значит, решили, что мы недостойны общения... Вот в чём дело. Тогда понятно, почему они так внезапно, без объяснений...

— Да нет, просто струсил! Я так думаю. Испугались, гады, моей мести и мести других. Может, не только Артис...

Дагл Синкер с сомнением взглянул на бывшего однокурсника, но промолчал.

Он молчал, и смотрел на сгорбленного, усохшего Рина Малайна, и вновь думал о своём.

Много лет он ничего не слышал о Рине Малайне, и если бы не случайность... Синкер долго наводил справки — и вот, наконец, разыскал этого человека. И теперь собирался сказать ему несколько слов. Для того он и прибыл сюда, на задворки метрополии, в глухую провинцию, пристанище тех, кто не преуспел в жизни.

Когда-то курсант Малайн жестоко обидел курсанта Синкера, выставил на всеобщее посмешище, унизил в глазах девушки. Такое не прощается.

— И всё-таки лумийцы ушли не потому, что испугались, — сказал Синкер. — С их-то вооружением... Они просто не хотят иметь с нами дела. Ну, да ладно.

Он пригубил своё вино и, прищурившись, спросил:

— Как там твоя... Энна?

Малайн поднял на него больные глаза:

FANDANGLE

– Уже никак... Два года уже никак...

– Соболезную.

Синкер подался к серому, потрёпанному жизнью человеку и медленно, отчётливо добавил, упиваясь собственными словами, чувствуя, как сладко, упоительно теплеет в груди:

– А ведь Артис – вовсе не твой сын.

«Эльсинор...» – отзвуком пронеслось в глубине...

Николай ОЧКОВСКИЙ

г. Саки, Крым, Россия

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ

повесть

Часть 1. Два социопата

22

Был у меня друг хороший. Со странностями парень, чего уж тут говорить... Да и я тоже малость безбашенным был. Может, из-за этого мы и стали не разлей вода.

Познакомились мы на втором курсе университета. Учились на одном потоке, но, представьте, года полтора смотрели друг на друга как на пустое место. А тут однажды на перемене, за нашим университетом, старшекурсники вздумали у меня сигареты отобрать. Загнали в угол, прессовать начали... Я уже пачку эту несчастную отдать им хотел, но тут в дело вмешался мой будущий кореш. Он мимо проходил, жевал свой хот-дог из местного буфета и увидел, как меня учат уважать старших. Молча он подошёл, навис над этим дедовским произволом (а роста он был высокого, метра два, если не больше), взял одного из старшекурсников за щиколотку и рывком поднял его вверх тормашками. Старшекурсник только и успел проблеять:

– Что за... – и в следующий момент был с силой брошен в стену.

Остальные трое или четверо его дружков без лишних вопросов быстро ретировались. Один из них в спешке раздавил недоеденный хот-дог здоровья, оставленный им на бордюре рядом.

– Эм-м... Спасибо, – озадаченно сказал я своему спасителю.

А он даже не посмотрел в мою сторону. Подошёл к своему раздавленному обеду, поднял его за целлофановую обёртку и, глядя на медленно стекающую вниз горчицу, с досадным вздохом отправил останки хот-дога в мусорную корзину.

– Эй, шпала! – говорю. – Ну хочешь, я тебе новый куплю?

Догнал его, взял под руку и потащил в нашу забегаловку. Ох, не знаю я, как он ест эти хот-доги. Жуткая дрянь, я и половины не съел, пришлось ему скормить. Оказалось, что его зовут Иван, что он приехал учиться чуть ли не с другого конца страны и так далее. В общем, так и подружился.

Странной мы были парочкой. Он – двухметровый громила, постоянно ходил в своих клетчатых рубашках и затёртых джинсах, из-за чего был похож на молодого и угрюмого дровосека; и я – мелкий (всего 169 см) неформал с медными дредами и такого же цвета бородкой. Но мы подходили друг другу. Он всегда был молчалив, да и я не любил трепаться. Он был из тех парней, с которыми всегда приятно просто помолчать.

А ещё он любил лотереи. Знаете, такие розовые билетики, в которых нужно зачёркивать цифры и ждать розыгрыша раз в неделю. Он постоянно брал эти лотерейки и никогда не выигрывал. Однажды я у него спросил, на кой чёрт он тратит деньги на эту ерунду, а он мне ответил:

– У тебя на сигареты в неделю больше уходит, а у меня есть шанс вернуть деньги.

– Да ладно, – говорю. – И как шансы, высоки?

– Зато лёгкие не портятся, – с нотками обиды в голосе ответил он.

В общем, романтиком он был немного, не то что я. Но с девчонками у нас одинаково не ладилось. Слишком асоциальные мы для таких дел. Кто-то даже слух пустил по универу, что мы голубые. Ага, конечно. У нас суровая мужская дружба. Просто не до пьянок-гулянок нам было. Он увлекался физикой низких температур, а я, со временем положив болт на учёбу, всерьёз занялся музыкой, чтобы создать собственную группу. Ваньке тоже предлагал освоить какой-нибудь инструмент, хотя бы бас-гитару. Ну, он сначала отнекивался, а потом я его однажды заставил взять в руки бас: авось проймёт его. Ан нет. Подёргал он струны, по грифу поелозил пальцами и протянул мне инструмент со словами:

– Извини, Андрюх, не моё это.

Что же, не твоё так не твоё. Я тоже не понимаю прелестей этих низких температур. Каждому своё.

И вот пролетели студенческие годы. Я кое-как сколотил группу, умудрился отыграть пару концертов и даже записать одну песню. Тем временем Ваня участвовал в разных олимпиадах, писал научные работы... Ему даже один преподаватель место забил в каком-то местном НИИ, так что с работой у него проблем не возникло бы после выпуска. В общем, всё у нас было в ажуре.

Но тут произошло нечто. За месяц до защиты дипломного проекта Ваньке наконец-то повезло с лотереей: он сорвал джек-пот в четыре с половиной миллиона. Четыре с половиной миллиона, чёрт возьми! И, конечно, первым об этом узнал я. Сажу в своей комнате, играю на гитаре в гордом одиночестве, вокруг «творческий беспорядок». И тут три громких и задорных удара в дверь. Открываю – на пороге стоит Ванька, рожа счастливая, в одной руке розовый билетик, а в другой – бутылка коньяка за 50 гривен.

– Андрюха, – говорит, – у меня тут... Давай в комнату зайдём.

Впустил его в комнату.

– Ну, – говорю, – выкладывай, что у тебя.

FANDANGLE

– Я джек-пот сорвал в лотерее, – спокойно сказал он. И в следующую секунду разразился криком радости, к которому присоединился и его лучший друг.

Ох и напились же мы тогда этим коньяком... А утром, с похмелья, долго искали заветный розовый билетик. Он нашёлся на потолке, прилепленный этикеткой от коньяка. Кто это сделал, я до сих пор не знаю.

Вот что бы вы сделали с такой кучей денег? Машины, квартиры, клубы, рестораны, «дорогие» женщины? Или модное сейчас кругосветное путешествие? Это, конечно, круто, если вы не Ваня. Он сделал хитрый ход. Спокойно, как ни в чём не бывало, окончил университет и исчез. Никаких контактных данных не оставил, даже мне. Обидно было, да и чёрт с ним. У меня есть группа, мы скоро запишем новый альбом, а на остальное мне наплевать.

24

Прошло полгода. Мы записали свой первый альбом, обзавелись фанатами, почуяли славу... И вот однажды позвонили мне на мобильный с неизвестного номера. Это был Ванька. Долго извинялся за то, что пропал без следа. Дал свой новый адрес, в гости звал. Оказалось, что часть денег он потратил на покупку дома с огородом на окраине какой-то богом забытой деревушки. Половину оставшихся денег отдал родителям, а свою часть положил в банк и жил на проценты.

Конечно, при первой возможности я к нему приехал. Изменился Ванька за эти полгода. Потолстел, в плечах стал ещё шире, волосы себе отрастил... Даже не скажешь, что этот кабан в старых камуфляжных штанах имеет счёт в банке с кучей ноликов. И домик у него даже по местным меркам был скромненький, хоть и ухоженный. Четыре комнаты, небольшой огородик, и всё это заборчиком огорожено чисто символически. Почти сразу за заборчиком с запада начинался лес. Сначала хвойный, потом, по словам Ивана, лиственный. А к югу от леса – большое озеро, которое видно с окраины села. Тихо и спокойно. Что ещё для счастья человеку нужно?

С тех пор я к нему время от времени наведывался. Раз в три-четыре месяца, иногда реже. Жил он отшельником, с местными почти не общался, да и ни к чему ему это было. На рыбалку ходил он, на охоту, в огороде своём ковырялся. Всегда хвастался мне своими урожаями клубники, кабачков и ещё чего-то. А я ему хвастался своими успехами в музыке, давал послушать наши песни. В общем, дружили, как и раньше, только на расстоянии.

Однажды, года через два, приезжаю я к нему в начале декабря. Стучусь, как обычно, к нему в калитку, и, как всегда, он вприпрыжку ко мне выбегает и стискивает в своих объятиях так, что дышать невозможно. А потом, обнимая своей ручищей, заводит в дом. Я сначала не понял, что у него в доме изменилось, как-то уютнее стало... Тут из кухни вышла женщина. Чёрт, таких красавиц я никогда не видел! Пшеничного цвета воло-

сы, едва достигающие до плеч и слегка завивающиеся на концах, немного вытянутое лицо, аккуратный рот, немного вздёрнутый вверх небольшой нос и властные изумрудного цвета глаза... Все бабы, которых я видел и считал привлекательными, просто меркнули рядом с ней.

– Знакомься, Андрюх. Это Ангелина, моя жена, – сказал Ваня и, хлопнув меня по плечу, продолжил: – А это Андрей, мой лучший друг. Мы с ним вместе учились в университете. Помнишь, я рассказывал?

– Помню, очень приятно, – ответила Ангелина и, улыбнувшись, кивнула. – Обед будет готов минут через двадцать. А как называются ваши косички?

– Э-э-э... Дреды, – промямлил я.

– Точно, – она ещё раз улыбнулась и сказала Ваньке: – Ладно, я иду на кухню, а ты не дай гостю заскучать.

У меня был только один вопрос:

– Как? Как ты умудрился отхватить себе такую бабу? Ты же чёртов 25
социопат, живёшь в глуши, ни с кем не разговариваешь. Как?

– Долго рассказывать, – говорит. – Тут без чуда не обошлось.

Ладно, думаю, не хочет рассказывать – не надо. Погостил я у него пару деньков, на рыбалку с ним сходил, за грибами и уехал.

В следующий раз я приехал к нему только через полгода. Ванька с порога огорошил меня новостью:

– А я скоро папой стану!

Ого! Ай да Ваня! Безмерно я был рад за друга. И завидовал ему немного, потому что у меня с личной жизнью было туго. Ещё и барабанщик наш на наркоте подсел, пришлось его гнать из группы за это...

Мы сидели на крыльце в плетённых креслах и пили тот самый дешёвый коньяк, как в студенческие времена. От мыслей об этом обдолбанном придурке я немного приуныл. Видать, у меня это было на роже написано, потому что Ванёк у меня спросил:

– Ну, дружище, чего расклеился?

Я ему и рассказал о проблемах с группой. И добавил:

– Всю жизнь жил один, а сейчас мне чего-то не хватает. Бабу мне надо, наверное.

– Эх, Андрюха, – сказал мой кореш, разливая по рюмкам остатки коньяка. – Не парься. Мне сначала тоже здесь несладко было. Поговорить не с кем и всё такое. Я даже дневник начал писать, чтобы не одичать вконец. Кстати, очень помогает. А по поводу женщин... Само придёт, когда надо.

– Ладно уж, – говорю, – как-нибудь переживу. Так когда ты батеи станешь?

– В июле месяце.

– Слушай, может, ко мне в город переедете на это время? Я вас к нормальному врачу отведу.

– Не надо.

FANDANGLE

– А роды ты сам принимать будешь?

– Сам, – говорит. – Я уже книжек кучу набрал. Сижу, изучаю.

– Ну ты даёшь! Выпьем за это.

Выпили. А потом ещё долго сидели и болтали о всякой ерунде, любясь закатом. Это была последняя моя встреча с ним.

Часть 2. Дневник

В августе месяце мне на мобилу пришло сообщение о том, что на мой счёт пришло полтора миллиона гривен. Я чуть пиццей не подавился. Первая мысль:

«Твою мать, сколько бабла!»

26

А потом задумался. Кто это у нас такой щедрый? Ванька? Само собой, он, больше некому. Зачем? Сам он на что жить будет? Звонил ему, звонил – так и не дозвонился: у него телефон был выключен. Ну, думаю, надо ехать и узнавать, что стряслось.

Через два дня я уже был возле его дома. Минут двадцать стучался – без толку. Я не на шутку испугался. Плюнул на все правила приличия, перелез через забор и вошёл в дом (дверь была не заперта).

Внутри никого не было. Мебель на месте, всё на месте, а Ваньки нет. И его жены тоже. Да что такое с ними случилось? Я прошёл по комнатам, заглянул в кухню. Всё чисто, аккуратно, только полки, которые раньше ломились от его домашней консервации, теперь пустовали. В шкафчиках чистая посуда. Странно.

Вернулся в спальню. Кровать аккуратно застелена, а на старом письменном столе лежит тетрадь с вложенной в неё запиской. Достал записку, прочитал:

«Привет, Андрюх!

Даже не знаю, как написать. Я снова исчезну, теперь, наверное, уже навсегда. Деньги решил перевести тебе: ты-то ими распорядишься, как надо, я знаю. Жаль, что не успел попрощаться с тобой лично. Все ответы на вопросы ты найдёшь в моём дневнике. Будь счастлив!

Ваня».

Я уселся за стол и начал читать.

11. 08. 2012 г.

Никогда не вёл дневник. Почему начал? Да потому что заметил за собой, что из-за долгого одиночества мои мысли стали путаться, терять вербальный характер. Диким становлюсь.

А так у меня всё хорошо. Спокойно у нас здесь, и люди хорошие. Никто ни у кого ничего не ворует, можно даже дом на ночь не запирасть.

Сегодня утром на рыбалку ходил, с десяток окуней поймал.

12. 08. 2012 г.

А что, дневник помогает мозги прочистить. Сегодня общался с соседом по улице и ни разу не запнулся при разговоре. Он мне за грибами предложил сходить. Я согласился. Почему бы и нет?

13. 08. 2012 г.

За грибами не сходили. Местная алкоголичка умерла прошлой ночью от инсульта, а у неё дочь лет двадцати осталась. Нужно хоронить. Жаль девчонку, совсем одна осталась. Главное, чтобы по стопам своей матери не пошла.

17. 08. 2012 г.

Вчера были похороны.хлопот много, поэтому долго ничего здесь не писал. Дочь её, Ангелина, молодцом держалась, на людях почти не плакала. И поминки прошли нормально. Никто не напился, никто не дебоширил. Всё было культурно.

Сегодня провёл генеральную уборку в доме. А завтра с соседом, Прохором, по грибы пойдём.

18. 08. 2012 г.

Ходили за грибами. Было здорово. Прохор, оказывается, Афганистан прошёл, много чего про войну рассказывал. Грибов уйму набрали: начало августа дождливым выдалось.

Прохор обещал поделиться рецептом маринада. А ещё он говорил, что Лина в последнее время в лес одна уходит. Что же, каждый горе по-своему переносит. Спиваться не начала – и то хорошо.

19. 08. 2012 г.

Ничего интересного не происходит. К чёрту дневник. Надоело каждый день писать ни о чём.

24. 08. 2012 г.

Лина пропала. Опять ушла в лес и не вернулась. Два дня её уже нет. Местным до этого нет никакого дела. Взял хлеба, воды, пару банок тушёнки и пошёл её искать. До темноты по лесу болтался, так и не нашёл. Конечно, что же я могу один сделать? Лес ведь большой. А всем наплевать, даже Прохору. Что за люди?

1. 09. 2012 г.

Прошлой ночью проснулся от того, что кто-то шуршит по моему огороду. Выскочил на крыльцо, огляделся – никого. Подумал, что спросонья показалось, а утром заметил на грядках чьи-то следы. Вроде на лосиные похожи, только маленькие. Детёныш забрёл, что ли? А как же он тогда через забор перескочил? Странно?

3. 09. 2012 г.

Местные тоже жалуются на лося. Особенно те, кто живёт ближе к лесу. У одной женщины яблоню начисто обворовал.

Давненько я на охоте не был, да и на лося посмотреть хочется.

FANDANGLE

5. 09. 2012 г.

Получил в лесничестве лицензию на отстрел одного лося. Дорого, конечно, но оно того стоит. Завтра с утра ухожу в лес.

6. 09. 2012 г.

Несколько перечёркнутых записей, затем размашистым, скачущим почерком выведено:

Устал, надо отдохнуть. Твою мать, ну и денёк...

7. 09. 2012 г.

Вроде успокоился. Всё равно руки дрожат.

Пошёл вчера на лося. Весь день бродил по лесу, так и не напал на след. Уже начало темнеть, и я собрался домой. Тут слева от себя услышал, как кто-то ломится через лес, причём довольно быстро. Я побежал на шум и увидел вот что: через лес бежало какое-то животное, размером с небольшую собаку, а за ним, ломая ветки, несясь здоровенный лось. Через пару секунд сохатый настиг это животное и начал втаптывать его копытами в землю. Жертва издавала какой-то странный, но жалостливый вопль, низкий и хриплый. Я вскинул ружьё и выстрелил, но от волнения промахнулся. Лось, испуганный выстрелом, усккал, забыв о существе.

Я подошёл к животному и оторопел. Это была не собака и не барсук, как я вначале подумал. Оно было похоже на маленького человека. Примерно метр ростом, кожа светло-коричневая, по текстуре похожая на кору молодого дерева. Голова большая, похожа на перевёрнутый усечённый конус. На голове только узкий рот и два близко посаженных зелёных глаза без зрачков. Больше никаких черт лица не было: существо напоминало грубо вырезанную из дерева куклу. Оно лежало на земле и корчилось от боли, издавая звуки, похожие на скрип древесных ветвей. В этих нечленораздельных звуках я довольно ясно расслышал слово:

– Помоги.

Я взял его на руки и понёс к себе. Принёс домой и уложил на кровать. Правая рука его до локтя была раздроблена, из неё текла тёмно-зелёная густая жидкость. Я сходил за бинтами и начал перевязывать изуродованную конечность. Но существо отстранилось и с трудом произнесло:

– Не надо, всё хорошо, – всё тем же скрипучим, низким голосом.

Только тогда до меня дошло, что оно понимает человеческую речь и у него можно что-то спросить. Не придумав ничего лучше, я спросил, нужно ли ему что-нибудь.

Существо сказала:

– Воды... Побольше... Пожалуйста...

Хорошо. Побольше воды. Я пошёл на кухню, взял ведро и уже собрался пойти к колодцу, как вдруг в дверь постучали. На пороге стоял

Прохор. Пришёл узнать, как я на лось сходил. Я сказал, что сохатый ушёл и что сейчас я занят. Внезапно из спальни донёсся дробный топот, а затем звон разбитого стекла.

– Что у тебя там? – спросил Прохор и попытался протиснуться внутрь, но я его не пустил.

– Кошка, – говорю.

– Кошка? – недоверчиво переспросил Прохор. – Ладно, я позже зайду.

Существо сбежало. Наверное, Прохора испугалось. Сигануло в закрытое окно, разбив его своим телом, и ускало в лес. На меня навалилась усталость, захотелось спать. В спальне ложиться побоялся. Взял оттуда дневник, попытался сперва что-то написать, но потом плюнул на всё и уснул на диване в гостиной.

На следующее утро проснулся часов в двенадцать дня. Сначала не мог вспомнить, почему лёг спать в гостиной, да ещё и с включённым светом. Понемногу в памяти начали всплывать события вчерашнего дня. Думал, что приснилось. Зашёл в спальню, увидел разбитое окно и простыню, перемазанную чем-то зелёным. Всё-таки не приснилось. Только бы не свихнуться.

8. 09. 2012 г.

Утром нашёл на крыльце горстку лесных орехов и кусок коры, на котором было выцарапано слово «спасибо». Сдуреть можно. И вот что странно: орехов много, оно их могло только в охапке донести, а рука-то у него повреждена. Может, оно не одно такое? Да и кто они вообще?

9. 09. 2012 г.

Чем больше думаю об этой твари, тем страшнее в лес заходить.

Позже.

А чего мне бояться? Агрессии оно ко мне не проявляло. Даже поблагодарило за помощь... Или поблагодарили?

10. 09. 2012 г.

Завтра пойду в лес. Хочу познакомиться с этим существом. Интересно всё-таки.

11. 09. 2012 г.

Познакомились. Вот как это было.

Я ушёл в лес днём, после обеда. Перед этим зашёл к соседке, попросил парочку яблок. Не верилось мне, что её садик тогда лось ограбил. В сосновом лесу я никого не встретил. Когда пересёк просеку и углубился в лиственный лес метров на двести, услышал позади себя шуршание. Виду не подал: пусть пока думает, что я его не слышу. В голове пронеслась досадная мысль о том, что я ружьё дома оставил. А вдруг я на сохатого наткнулся? Как я от него спастись буду?

Прошёл, не торопясь, ещё метров сто. За это время окончательно убедился, что оно за мной следит, держа дистанцию метров в 30–40 сзади

FANDANGLE

и немного слева. Присел под дубом вполоборота к зарослям кустарника неподалёку. Достал одно яблоко, протёр о рукав и начал демонстративно есть. Через пару минут в кустах послышалась возня. Я повернул голову и увидел среди листьев пару зелёных глаз без зрачков. Стараясь сдержать дрожь в голосе, я сказал:

– Хочешь? У меня ещё есть, – и достал из сумки второе яблоко.

Существо осторожно выглянуло из кустов, но ко мне подходить не решалось.

– Да не бойся ты, – сказал я, немного осмелев. Положил яблоко подальше от себя и предложил: – Угощайся.

Существо, немного поколебавшись, всё-таки вышло. Наконец-то я смог его рассмотреть. Как я уже писал раньше, оно было ростом около метра. Одежды на нём не было, каких-либо половых признаков я не разглядел. Торс был похож на мужской: шире у плеч и сужающийся к бёдрам. Ноги тонкие, похожие по строению на человеческие, разве что ходило оно, опираясь на носки, похожие на маленькие копытца. Руки тоже тонкие, но по длине пропорциональны телу. На большой голове только два изумрудно-зелёного цвета круглых глаза (на которых всё-таки виднелись более тёмные зрачки) и маленький, тонкий, как нитка, рот.

Оно подошло ко мне, взяло яблоко и уселось под соседнее дерево. Перед тем, как приняться за еду, с трудом сказала:

– Спасибо, – и только потом начало хрустеть яблоком.

– На здоровье, – говорю. – Это ты тогда от лося убегал?

Существо кивнуло.

– Как рука?

– Зажила, – отвечает. Показало правую руку, которая была совершенно целой, но немного темнее, чем остальное его тело.

Сидим дальше, молча кушаем. Прожевав огрызок и осторожно положив на землю черенок, существо сказала:

– Извини за окно.

– Да чёрт с ним, – говорю. – Что, Прохора испугался?

– Не люблю его, – ответило оно.

Я удивился. Спрашиваю:

– А откуда ты его знаешь?

Существо промолчало.

– Ладно, – говорю. – А ты один такой?

– Один... я...

– Понятно.

Повисло неловкое молчание. Существо неподвижно сидело, подбрав под себя ноги и уставившись куда-то на запад. Я подумал, что нужно что-то сказать, иначе это странное создание уйдёт и я его никогда больше не увижу.

– Спасибо за фундук, – говорю. – Очень люблю лесные орехи. Как ты догадался?

– Угадал, – ответило существо, и я заметил, что губы его немного изогнулись в подобии улыбки.

Снова молчание. Было видно, что существо меня не боялось, но стеснялось. Я спросил, есть ли у него имя, на что оно ответило, отводя глаза:

– Не могу сказать...

Я понял, что беседа зашла в тупик, и сказал:

– Ладно, мне пора домой.

Существо никак не реагировало. Я встал, отряхнулся и уже сделал пару шагов, как вдруг существо подскочило, схватило меня за штанину и спросило, глядя мне в глаза:

– А ты ещё придёшь?

– Если захочешь, приду.

– Хочу.

– Хорошо, давай встретимся послезавтра здесь, в это же время.

Существо кивнуло и отпустило штанину. Я достал носовой платок и привязал его к ветке дуба, под которым сидел. К тому времени существо уже убежало.

Когда вернулся домой, почувствовал себя, мягко говоря, идиотом. Почему я не спросил его, откуда оно знает наш язык и откуда оно вообще взялось? Хотя, поразмыслив немного, я понял, что на эти вопросы не получил бы ответов. Оно мне ещё не доверяет.

И всё-таки здорово, что у меня появился такой необычный друг.

13. 09. 2012 г.

Снова ходил в лес. Когда пришёл на место встречи, карлик уже сидел под дубом. Завидев меня, он подбежал ко мне и сказал:

– Привет.

Я его поприветствовал, и мы пошли гулять по лесу. По дороге нашли дикую яблоню. Друг проворно залез на самую верхушку и собрал отсюда самые спелые плоды.

Сегодня он был более разговорчив, но я старался не задавать вопросов, чтобы не смущать его, а больше рассказывал о себе. Гуманоид меня слушал, не перебивая и только изредка задавая вопросы. В ходе нашего общения я понял, что он много чего знает о людях и о нашем селе. Ему было знакомо понятие денег, но, например, слова «джек-пот» он не знал.

Гуляли с ним до поздней ночи. Мой новый друг провёл меня до соснового леса и, попрощавшись, скрылся за кустами.

29. 09. 2012 г.

Вот уже две недели я почти каждый день хожу в лес общаться с этим удивительным созданием. Иногда мы просто по лесу ходим, иногда

FANDANGLE

грибы собираем. Позавчера на рыбалку ходили, на дальнее озеро, которое находится глубоко в лесу. Дал гуманоиду поудить. Когда он вытащил первую рыбку, восторгу его не было предела. Он на радостях даже с обрыва свалился, на краю которого мы сидели. Я сначала испугался, но мой друг спокойно выплыл к берегу и ловко забрался наверх. Весь перемазался в глине, но, похоже, его это не тревожило.

До сих пор он так и не рассказал о себе ничего. Не нравится мне это.
30. 09. 2012 г.

Сегодня утром нашёл у себя на крыльце записку, нацарапанную на кусочке коры:

«Я тебе доверяю. Поделюсь своим секретом. Завтра на том же месте в полдень. Пожалуйста, принеси яблок».

Днём съездил за яблоками в соседнее село. У местных решил не брать: они и так уже на меня косо смотрят. Да и Прохор достал со своими расспросами.

– Чего это ты, – говорит, – в лес зачастил?

Я ему ответил, что мне просто там нравится. Он не поверил. Да уж, не умею я врать.

1. 10. 2012 г.

Ровно в полдень я пришёл к месту нашей первой встречи. Как всегда, гуманоид уже был на месте. Увидев меня, подбежал и обнял за ноги. В последнее время он меня так приветствует.

– Пойдём за мной, – говорит.

Он повёл меня к тому озеру, на котором мы недавно рыбачили. Мы пошли на противоположный берег, к скале высотой метров в пятнадцать, с почти полностью обвитой плющом верхушкой. Я её ещё прошлый раз приметил.

Подшли мы к этой скале. Гуманоид сразу начал взбираться наверх. Я полез за ним. Где-то на полпути до вершины мы выбрались на широкий уступ, на котором росло чахлое деревце. Выше скала была полностью покрыта плющом. Гуманоид подошёл к плющу и раздвинул его, словно занавески. Под зарослями обнаружился вход в пещеру:

– Идём, – сказала существо.

Я очутился в просторном гроте с гладкими, будто отшлифованными стенами. В центре грота стояла низкая круглая платформа, над которой висела в воздухе обнажённая девушка. За её спиной находилось хитросплетение металлических труб разной толщины, которые уходили в ровный пол грота. Я обошёл площадку и увидел, что все трубы, постепенно сужаясь, были присоединены к спине девушки в два ряда от шеи до поясницы.

Судя по всему, девушка была без сознания. Голова наклонена вниз, из-за чего её лицо скрывали длинные, не достигающие до плеч, рыжие волосы. Руки же не висели безвольно, а были немного приподняты,

словно парили в восходящих потоках, хотя никакого движения воздуха я не чувствовал. И ещё было не совсем понятно, откуда шёл свет. Зеленоватое свечение, казалось, исходило со всех сторон.

– Ваня... – сказал гуманоид, указывая на девушку, – это я.

– То есть? – не понял я.

– Смотри.

Существо встало рядом с платформой и подняло вверх руки, будто обращаясь к небу, а потом опустило их, ссутулившись и наклонив голову. В этот же момент девушка ожила. Она подняла голову, руками убрала рыжие пряди с лица... Это была Лина!

Девушка спохватилась и прикрыла свои прелести от моих глаз.

– Прикрой меня, – сказала она. Её язык немного заплетался, но говорила она внятно. Было видно, что девушка давно не разговаривала.

Я снял свой плащ и надел на неё задом наперёд: нормально одеть девушку мешали трубы.

– Вот, так-то лучше, – сказал я и отошёл. Не мог не улыбнуться. – Смешно выглядишь.

– Да, наверное, – согласилась Лина и хихикнула.

– А мы тебя искали.

– Правда?

– Правда. Что с тобой произошло, как ты здесь оказалась?

И она мне рассказала. Конечно, её история меня шокировала, но не верить её словам после того, как я вот уже три недели общался со странным человекоподобным существом, было глупо.

После смерти матери Лина, чтобы хоть как-то перенести обрушившееся на неё горе, начала каждый день ходить в лес. Заблудиться она не боялась: с детства эти края знала как свои пять пальцев.

23 августа девушка пришла на берег озера и долго сидела на том самом обрыве, бросая камушки в воду. Засиделась она там до сумерек. В какой-то момент Лина заметила, что из-за деревьев на противоположном берегу льётся слабый жёлто-зелёный свет. Девушке стало интересно, и она решила посмотреть, что там происходит.

Лина обогнула озеро и пошла на свет. Его источник находился на поляне в нескольких десятках метров от неё. Заросли кустарника мешали рассмотреть, что там происходит. Лина, пригнувшись, осторожно подкралась к кустам и попыталась выглянуть. Но в этот момент в её голове как будто кто-то заговорил. Казалось, кто-то шептал ей на ухо, тихо-тихо:

– Не то строение... нужно найти другой образец.

Вдруг в её сознание вторгся ещё один голос:

– За нами кто-то следит... оно умеет мыслить... Чувствуешь?

– Да... – отозвался первый голос. – Умеет... Это хорошо... Агрессии нет... Но оно боится...

FANDANGLE

Второй голос сказал, уже более громко (если это можно сказать о голосах в голове), обращаясь к Лине:

– Не трогай нас... Не бойся... Мы тебя не обидим, если ты нас не обидишь... Выходи... Не бойся...

Лина пересилила страх и встала из-за кустов во весь рост. Она увидела на поляне какое-то непонятное устройство, похожее на глаз, сидящий на длинной, прямой ножке. От «глаза» исходило мягкое зеленоватое свечение. Рядом с ним стояло ещё одно устройство, похожее на трёхконечную звезду. Двумя лучами оно упиралось в почву, а третий был устремлён вертикально вверх. Сбоку от верхнего луча на коротком стебельке сидел такой же «глаз», светящийся изумрудным цветом, только гораздо меньше. Справа от большого «глаза», рядом с деревом, стояла ещё одна такая же «звезда». Глаз этой штуковины, казалось, смотрел на неё.

34

«Звезда», которая была слева, немного пошевелилась, и в тот же момент Лина услышала голос в своей голове:

– Пожалуйста, не трогай нас. Можешь посмотреть, но не мешай нам. У нас очень важная работа.

Эти «звёзды» были живыми существами!

– Кто вы такие? – вслух произнесла девушка.

– Мы не отсюда, – ответил голос.

– Мы не причиним вашим организмам вреда, – вмешался второй голос, очевидно, принадлежащий существу, стоящему возле дерева. – Мы всё оставим в целости.

– Так откуда же вы? – дрожащим голосом спросила Ангелина.

– С этой стороны планеты нашей звезды не видно, – ответил голос первой «звезды», которая стояла возле «глаза». – Не бойся.

– Я не боюсь, – ответила девушка, заметив, что страх прошёл. – Что вы здесь делаете?

Пришельцы посовещались друг с другом, говорить ей о цели своего пребывания здесь или нет. Всё это было «слышно» девушке, и Лина чувствовала их смущение по этому поводу. Но они решили ей всё рассказать.

На их родине произошло большое горе. Все представители их расы потеряли способность к продолжению рода. Может, это было вызвано постоянными экспериментами, которые они проводили. Чтобы спасти свой род от вымирания, необходимо было каким-то образом перестроить их тела. С их развитием технологий это не было проблемой, но сперва нужно было ответить на вопрос: что сделать и как? Поскольку с нуля это сделать – крайне тяжёлая и неподъёмная задача, они решили найти ключ к разгадке на примере живой природы нашей планеты.

– А почему вы не могли это сделать на своей планете? – спросила Лина.

– Мы – единственный вид, населяющий наш мир... Остальные давно вымерли.

Лине объяснили, что их род является чем-то средним между растениями и животными. Прибыв к нам, пришельцы начали исследовать нашу флору, но ключа к решению своей проблемы они так и не нашли.

Девушке стало искренне жаль пришельцев и весь их род.

– Ты нам сочувствуешь? – спросил первый пришелец.

– Да, – ответила Лина.

– Она может нам помочь, – сказал второй пришелец.

– Как? – удивилась девушка.

Первый пришелец на двух конечностях, извивающихся, словно щупальца, грациозно подошёл к Лине. Его зелёный глаз не отрываясь смотрел на неё.

– Изучение здешних растений не дало никаких результатов, – сказал он. – Нам нужен представитель животного мира, чтобы можно было изучить процессы, протекающие в нём. Но есть проблема... Он не должен испытывать страх. А существо, которое не умеет мыслить, будет бояться.

– Почему?

– Потому что подопытный образец должен быть ограничен в свободе... Надолго.

– Насколько долго?

Лина почувствовала некоторое замешательство, охватившее пришельца.

– Позволь мне проникнуть в твою память... Мы не знаем, как вы измеряете время... А объяснить тебе придётся долго... Так проще... Не бойся, это не больно... Наклонись ко мне.

Лина наклонилась. Пришелец протянул к ней своё щупальце и положил его ей на лоб. На ощупь оно было тёплым и бархатным. Девушка услышала тихий и низкий звук, будто какой-то хор басом тянул одну единственную букву: «А-а-а-а-а-а...»

Через несколько секунд звук прекратился, а пришелец убрал «руку» и сказал:

– Четверть года.

– Это не так уж и много, – сказала Лина.

– Ты... согласна нам помочь?

Немного поколебавшись, девушка дала согласие. Она почувствовала, как это обрадовало пришельцев.

– Хорошо... – сказал пришелец. Он обратился к своему товарищу: – Надо подготовить место.

– Лучше развернуться поближе к воде, – отозвался тот.

Не сговариваясь, пришельцы подошли к «глазу». Аккуратно наклонили его и, обхватив верхними щупальцами, понесли, словно бревно. Лина последовала за ними. По дороге к озеру она слышала обрывки их мыслей:

– Осторожно, дерево... Влево...

– Не торопись...

«Глаз» не погас и освещал им путь в уже сгустившейся темноте. Они дошли до берега и водрузили своё устройство на новом месте.

– Эта возвышенность... – сказал первый пришелец. Он указал щупальцем на скалу: – Должна подойти...

Второй пришелец подошёл к столбу с «глазом» и обхватил его всеми тремя щупальцами. «Глаз» загорелся ярче и взлетел вверх, освещая окрестности своим сиянием. Поднявшись вверх на несколько метров, он устремился к скале и врезался в неё, подняв клубы пыли.

– Мы сделаем убежище, чтобы тебя никто не потревожил, – обратился к ней стоящий рядом пришелец. – Подключим тебя к нашим приборам... Это ограничит твою свободу передвижения. Мы будем следить, чтобы твоё тело не ослабло, чтобы ты не заболела... Да... Одиночество и скука – самое неприятное... Но мы будем с тобой общаться, когда пожелаешь... Мы очень рады, что ты согласилась... Спасибо тебе...

Через несколько минут светящийся шар вынырнул из клубов пыли и вернулся на своё место. Второй пришелец отпрянул от устройства и сказал:

– Ей нужно решить проблему со свободой передвижения... иначе может не выдержать...

– Да... – отозвался первый. – Дадим ей альтернативное тело...

– Как это? – спросила Лина.

– Мы объясним... не сейчас... Пора... Подойди ко мне.

Девушка подошла к первому пришельцу. Тот потянулся к ней своим щупальцем. Лина наклонилась, и пришелец, как и в прошлый раз, положил свою руку ей на голову. Снова она услышала этот хор, тянущий единственную букву. Через несколько секунд мир вокруг исчез, и она потеряла сознание...

Очнулась Лина уже в этом гроте. Рядом никого не было, кроме странной человекообразной куклы, которая стояла и не шевелилась. Девушка услышала голос одного из пришельцев в своей голове. Ей объяснили, что эта кукла – то самое «альтернативное тело», и рассказали, как перемещать свой разум в неё и обратно.

– Значит, всё это время я общался с тобой? – спросил я, когда Лина закончила свой рассказ.

– Да, – улыбнулась девушка.

– И ты добровольно согласилась стать подопытным кроликом?

– Я им помогаю! – воскликнула Ангелина. – Они хорошие. Они общаются со мной. И они никогда никому не врут, ведь могут читать мысли... Я не могла не помочь.

Её ответ меня пристыдил. Я вспомнил про яблоки. Достал из сумки одно и сказал:

– Вот, ты просила принести...

– Ух ты, здорово! – обрадовалась она. Взяла яблоко и с наслаждением откусила чуть ли не половину.

– А тебе можно? – с сомнением спросил я.

– Можно, можно, я спрашивала, – с набитым ртом ответила Лина. Язык у неё уже не заплетался, в изумрудного цвета глазах заиграл огонёк.

– У тебя же раньше глаза были голубыми, – вспомнил я.

– Ага, – сказала она, доедая яблоко. – И волосы рыжими стали. Не знаю, почему. Мне даже нравится. Можно ещё?

– Можно, – сказал я и протянул ей яблоко. – А тебе удобно так висеть?

– Удобно. Я ведь не вишу, меня что-то поддерживает. Как будто в кресле сижу.

Потом мы ещё долго болтали о всякой ерунде. Когда пришла пора прощаться, я спросил у Лины, что ей принести в следующий раз.

– Мяса хочу. Это тело травоядное, – она кивнула головой на неподвижного гуманоида, – а я по мясу соскучилась.

– Хорошо, – говорю, – будет тебе завтра мясо.

– Спасибо.

Я снял с неё свой плащ и, отвернувшись, надел его на себя.

– Ладно, до завтра.

– Давай я тебя провожу, – сказала Лина. Её тело снова обмякло, и в ту же секунду ожил гуманоид.

– Пойдём, – проскрипел он... точнее, она.

Лина провела меня до просеки. Крепко обняла меня за ноги тонкими ручками и вприпрыжку убежала.

Что-то засиделся я за дневником... Завтра вставать рано. Надеюсь, что усну быстро.

2.10. 2012 г.

Принёс Лине мяса и картофельное пюре на гарнир. Радовалась как ребёнок. Странно видеть восторг и радость от таких простых вещей. Хотя в её положении это нормально.

12. 10. 2012 г.

Давно уже здесь не писал. Руки не доходят. Каждый день хожу в гости к Ангелине, да и по дому много работы. Иногда Лина в теле карлика приходит ко мне вечером, когда стемнеет, и помогает мне по хозяйству.

Кажется, я влюбился.

19. 10. 2012 г.

Да, я влюбился. И чувство моё небезответно! В последнее время, когда я прихожу и приношу ей что-нибудь вкусненькое, она меня благодарит поцелуями в щёку, иногда в губы. А сегодня притянула меня за плечи и поцеловала взасос. Это какое-то безумие.

FANDANGLE

20.10.2012 г.

Сегодня занимались с Линой любовью. В её теле, разумеется. Чувствую себя самым счастливым человеком.

А от того, что любимая имеет два обличия, подчас просто сносит крышу.

24. 10. 2012 г.

Вечером она снова пришла ко мне и сразу же огорошила меня известием:

– Они меня отпускают. Всю необходимую информацию они получили и решили свою проблему.

– Так быстро? – удивился я.

Лина немного помедлила с ответом, но потом, собравшись с духом, сказала:

– Я беременна... Это им и помогло...

Ну и дела...

25. 10. 2012 г.

Они сказали Лине, что освободят её завтра. А ещё она говорила, что существо, телом которого она пользовалась, они могут наделить разумом и с его помощью общаться с нами, если мы не против. К тому же оно будет помогать нам по хозяйству.

Я не против, Лина тоже. Теперь у нас будет свой собственный домовой, как в сказке.

26. 10. 2012 г.

Лину освободили. Ровно в полдень трубы с тихим свистом отсоединились и ушли в пол, а Ангелина плавно опустилась на платформу. На её спине не осталось и следа от этих труб. Лина немного разучилась ходить, но быстро вспомнила, как это делается. Я помог ей одеться, и мы уже собрались выходить, как вдруг гуманоид, который до этого стоял неподвижно, ожил. Поприветствовал нас и поблагодарил за спасение своего рода. Телепатическими способностями он не обладал, поэтому говорил вслух своим низким, скрипучим голосом.

Вместе мы спустились со скалы. Пока мы шли домой, волосы Лины снова стали светлыми, но глаза так и остались зелёными.

Теперь мы – семья. Я, моя Лина и домовый.

5. 12. 2012 г.

Приезжал Андрей погостить на пару деньков. Начало зимы выдалось тёплым, так что мы с ним и на рыбалку сходили, и за грибами.

Познакомил его с Линой. Было видно, что он немного завидует, но не по-чёрному. Ничего, он своё счастье тоже найдёт. Такие вещи случаются неожиданно.

По просьбе Лины, о беременности ему пока ничего не говорил. Но мой друг ей понравился. Говорит, что у него причёска забавная.

1. 03. 2013 г.

У нас всё хорошо. Всю зиму было тепло, надеюсь, весна будет такой же.

Кузя (как мы с Линой окрестили гуманоида с его согласия) много рассказывает о своих создателях. Всё-таки людям есть чему у них поучиться.

Всё, меня зовут к ужину.

5. 05. 2013 г.

На майские праздники приезжал Андрюха. Я с порога его огорошил новостью о том, что скоро стану папой. По-моему, скрывать это на шестом месяце уже без толку, и Лина со мной в этом полностью согласна.

Грустный он был в этот раз. Говорит, что в группе проблемы. Я его пытался подбодрить, вроде помогло – он повеселел. Пили коньяк, как в студенческие годы.

Андрей во всём разберётся. Он не из тех, кто убегает от проблем.

Голова болит... Отвык я от дешёвого поила.

15. 06. 2013 г.

Роды решили принимать дома. Я уже третий месяц штудирую акушерские пособия, справочники и прочее. Если что, Кузя поможет. Пока Лина участвовала в эксперименте, они изучили её организм во всех подробностях. Домовой говорит, что Лина абсолютно здорова и осложнений возникнуть не должно.

28. 06. 2013 г.

Кузя сказал, что роды начнутся ровно через месяц, 28 июля. Откуда он это знает, даже спрашивать не хочу. Всё равно не пойму ничего из его объяснений.

1. 07. 2013 г.

Сегодня домовой передал нам сообщение от своих создателей. Они предложили нам с Линой посетить их мир. Сказали, что для них это будет большая честь. А если нам у них понравится, мы сможем остаться там навсегда.

Лина согласилась сразу, я тоже. Всё равно нас здесь ничего не держит. А свои деньги я Андрюхе на счёт переведу.

Решили отправиться к ним только после родов. К этому времени там всё для нас подготовят.

14. 07. 2013 г.

Каждый вечер мы сидим на крыльце нашего дома и смотрим на звёзды. Лина сказала, что у нас будет самый незабываемый и необычный в истории человечества медовый месяц. И ведь правда! Кто ещё из семи миллиардов живущих на этой планете людей мог бы о таком мечтать?

30. 07. 2013 г.

Роды прошли успешно. Мальчик. Назвали Андреем, в честь моего лучшего друга. Ребёнок здоров, Лина чувствует себя хорошо.

FANDANGLE

Я стал папой! Боже, какое это счастье!

3. 08. 2013 г.

Сегодня ездил в банк, перевёл все деньги на счёт Андрюхе. Жаль, что объяснить ему ничего не могу.

Кузя сказал, что всё уже готово и нас заберут через три дня. Говорит, что путешествие займёт не более десяти минут. Не будет никаких искривлений времени, так что мы не рискуем вернуться на Землю через тысячу лет после нескольких месяцев пребывания в гостях.

5. 08. 2013 г.

Всю свою домашнюю консервацию без лишних объяснений раздал местным. Нечего добру зря пропадать. Дом решили не закрывать.

Я попросил у Кузи разрешения оставить этот дневник здесь, чтобы его нашёл Андрюха. Всё-таки это мой единственный друг, и я должен с ним объясниться. Домовой дал согласие.

Оставлю дневник с запиской прямо здесь, на письменном столе. Когда Андрей придет, он точно найдёт эти записи.

Всё, пора спать. Завтра нас ждёт насыщенный день.

Я поднялся из-за стола и вышел на крыльцо. Солнце уже закатывалось за горизонт, посылая на прощание свои малиновые лучи. Я поднял глаза и долго смотрел в лиловое небо.

Эх, Ванька, дружище мой! Ты удивительный человек, мне будет тебя не хватать. Но я рад, что ты нашёл своё счастье в жизни. И желаю тебе удачи, где бы ты ни был.

О'САНЧЕС

г. Санкт-Петербург, Россия

ОБА!

(ловушки... ловушки... ловушки...)

Эшафот – не место для обид и угроз.

Если уж ты попал на лобное место в качестве одного из главных действующих лиц, то уважай зрителя: не пытайся запугивать и шантажировать казнимого либо напротив – подозревать палача в злоумысле и пенять ему на нерадивость... Помост – это помост, а плаха – это плаха. Каждый шёл своим путём, чтобы оказаться именно здесь, ровно в назначенный срок. Не нравится быть палачом – не будь им. Не нравится быть казнимым – не попадайся. Ну а нравится то либо другое – в добрый путь!

– Однако, без меня, – продолжил свои размышления Лев. – Я простой налётчик-прикладник, живой, здоровый и на свободе, мне этого вполне довольно, вдали от оваций и огней рампы.

Звали его Лев на всех четырёх планетах местной Солнечной системы, но мало кто знал — имя ли это, положенное ему от рождения, либо грозная и лестная кличка, данная ему по делам и заслугам. Истиной было то и другое одновременно.

Собственно говоря, планет вокруг местного Солнца было шесть, но постоянно обитаемых, обжитых — только четыре.

На самой дальней, шестой, названной Гея, в честь далёкой прародины людской, Лев более всего не любил бывать и работать, но сейчас находился именно здесь, во второй столице планеты, в хитром мегаполисе Панаурум, прибыл сюда согласно острой производственной необходимости.

Всегда он был вольный медвежатник, да волей обстоятельств оказался вынужден примкнуть к синдикату «Моб-Топ» и трудиться в первую очередь на него, а не на себя.

— Ненадолго, — уверял своё самолюбие Лев.

— Навсегда, — надеялись главари синдиката, ибо всеми талантами, необходимыми для процветания в преступном мире, обладал Лев, кроме одного: он терпеть не мог общения с коллегами в рамках служебно-иерархических отношений. Короче говоря, слыл он нелюдимым, считался очень талантливым, а вот карьеристом не был... Очень удобно, когда такой крутой парень работает на тебя, но при этом не подкапывается, не метит на твоё место...

— Плевать мне на ваши дела и на ваши места, пропадайте, выживайте, сволочи, но придётся вам обходиться без меня. Сделаю дело, сделаю даже два, если понадобится, — и за пределы этого уродского мира, для себя поживу, плейбоем и бездельником, в окружении верных жён и ветреных любовниц, — Лев и сам верил в то, о чём мечтал, потому что твёрдо надеялся на свои возможности и удачу, которая редко его подводила...

Но ведь однажды подвела! Иначе бы чёрта с два он сюда припёрся, своими руками чужой жар выгребать. Первый пояс защиты и контроля пройден. Потихе, потихе, господин адреналин, тебе, покамест, рано выделяться в таких количествах, ведь я всё ещё могу повернуться и уйти с миром...

Но Лев знал, что не достанет ему сил отказаться от уже начатой операции, хотя бы и такой рискованной. Азарт, проклятый азарт, проклятая жадность... Проклятая жажда риска... А кроме того, если куш будет такой, как планируется, то с одного этого куша он сможет зажить вольно и счастливо, ибо три процента от десяти миллиардов — это триста миллионов! Предположим, половина уйдёт на переброску к другим мирам и замечание идентификационных следов, с постройкой новой биографии, но оставшаяся половина позволит ему жить сколько угодно и где угодно, уже никогда не думая о хлебе насущном... А то и дольше. Хорошо бы дело последним оказалось... Но вместе с тем — и удачным.

– Вадим, а вы уверены, что даже ради такого громкого успеха нам следует рисковать достоянием целой планеты?

– Одна двадцатая резервного фонда – ещё не достояние целой планеты и даже не весь резервный фонд одной из планет. Это во-первых...

– Но всё равно – огромная сумма.

– Огромная. И ошеломляюще привлекательная, добавлю, для преступников всех мастей, от последнего прощелыги до супергангов, типа «Моб-Топ» и «Хулиганов». Тем более что размещается всё вышеупомянутое богатство в небольшом сейфе, способном, в случае похищения, уместиться в обычный солдатский вещмешок. Я правильно воспроизвожу важнейшие из ваших опасений?

42 – Да, правильно, Вадим. Но вы опять забыли добавить обращение: «Господин Директор».

– Прошу прощения, Господин Директор, я виноват.

– Пустяки. Отчего же запас хранится в маленьком сейфе, а не в большом? Чтобы его легче было унести?

– Нет. Маленький сейф, Господин Директор, служит только и исключительно защитой от излучения, выделяемого валютным запасом вещества, хранимого в сейфе, а сам он помещён в очень большой и толстый сейф, который невозможно уместить ни в один мешок ни в одном из известных нам миров.

– Это невидимая миру ирония, да, Вадим?

– Просто факт. В свою очередь, этот сейф, напоминающий размерами кают-компанию вашего лайнера, Господин Директор, размещён в хранилище, которое тоже, с философской и практической точки зрения, не что иное, как сейф, объёмом в тридцать миллионов кубометров стали и электроники, напичканных охраной всех возможных видов и расцветок.

– Расцветок?

– Это я так неудачно пошутил, Господин Директор, прошу великодушно меня извинить, большая тема. Не расцветок, конечно же, а способов воздействия на потенциальных злоумышленников. А хранилище, напоминающее сейф уже не формой, а функциями, построено на территории военной базы-крепости, хорошо замаскированной, защищённой и охраняемой от всех врагов Директории, внутренних и внешних... Эта база, в свою очередь...

– Стоп, стоп, стоп, Вадим, вы не человек, а горячка. Нам известен коэффициент вашего интеллекта. Полагаю, он более чем достаточен, чтобы вы легко могли скрыть с его помощью то негодование, которое вызывают в вас своими сомнениями тугодумы вроде меня из Совета Директории. Если бы захотели.

– Виноват, Господин Директор.

– Пустяки. Итак...

– Я горд и счастлив, что Совет Директории утвердил моё предложение...

– Мы также утвердили и ваше название: «Силки».

– Польщён. И в свою очередь приложу все...

– Вадим... Никакие расчёты не способны дать стопроцентную надёжность защиты. Вы понимаете это?

– Да, Господин Директор. Но ведь и раньше не было стопроцентной надёжности. Вся идея, позволю себе повториться, вся её новизна, отличающая новое от анналов, заключается в том, что предельно хорошо защищённые объекты наша служба безопасности, я, мы, с помощью современных масс-медийных технологий, делаем привлекательными для потенциальных злоумышленников. Якобы перспективными. Мы открыли своего рода Диснейленд для преступников всех мастей, где каждый найдёт себе наживку по душе. Главный приз – десять миллиардов монет в маленьком сейфике. Но есть и поощрительные, типа кошельков в карманах.

– Вадим, я всё это знаю.

– Но я почтительно позволю себе повторить, вновь и вновь, дабы подкреплять словами убеждение в вашей и собственной правоте. Каждый в Панауруме знает правила игры: вышел с добычей за пределы окружной границы – свободен и неподсуден. Если, конечно, обошлось без вандализма, убийств и злоумышлений против государства. Попался – не на кого сетовать, суда и адвокатов не будет.

– Это ближе к казино, чем к Диснейленду.

– Да, Господин Директор. Остальные девятнадцать двадцатых резервного фонда, разведённые по девятнадцати точкам-хранилищам Солнечной системы, – также способны привлечь конкретные интересы крупных преступных синдикатов. И привлекают. И защищены с той же степенью ответственности. Это обычная иллюзия, что на Панауруме куш доступнее, созданная нами иллюзия, которой не в силах противостоять даже те, кто её творил, то есть мы с вами. Просто мы упорядочиваем поток, сбиваем уголовников в русло, которое проще вычерпывать и осушать.

– Я это знаю, – в который уже раз повторил глава Директории, и Вадим внутренне подивился его терпению. Он, Вадим, таким бы не был... доведись ему взобраться...

– Так или иначе, существует риск, но мы заставили его работать на нас, на наши цели, – по инерции проговорил Вадим и понял, что пора закругляться с объяснениями. – У меня всё, Господин Директор.

– Уже что-нибудь конкретное в разработке?

– Да, Господин Директор. Источники сообщили нам, что «Моб-Топ» готовит крупное ограбление. Вплоть до «главного». И, уже по менее достоверным слухам, что на острие атаки они поставили Льва.

– А это ещё кто такой?

– Прожжённый уголовник с длинным послужным списком. Из ари-

FANDANGLE

стократов. С детства ему вскружили голову романтические саги о пиратах и разбойниках...

– А! Этот... который из земного княжеского рода Водолеев? Знаменитость, как же, слышал, читал в таблоидах.

– Он. Да.

– И вы не боитесь играть против принца крови земной?

– Нет, конечно. Возьмём за жабры и повесим, как простого пентюха из крестьян. Эх!.. если бы я не был калека...

– Вадим... Ну, что вы юродствуете, друг мой? Мы, наша медицина, через три месяца можем восстановить вам все параметры зрения, включая радужную оболочку любого цвета и инфракрасное видение. Даже и в два с половиной месяца. Исключительно за счёт правительства, для вас бесплатно, только пожелайте. Вы же сами кочевряжитесь, отказываетесь.

44 Хотите фиалковые глаза? А почему вы так заохали вдруг?

– Если быть точным – я «заэхал», Господин Директор. Просто захотелось внезапно... как редкого вкусного лакомства: самому, физически подкараулить фигуранта и взять на месте. Но... пока я не искуплю перед собою своих грехов, не исполню взятых ранее обетов, пусть эта «мушка на глазу» роднит меня с паладинами древности. Фиалковые глаза – это прелестно!

– Ничего себе – мушка! Полная слепота на оба глаза! Вы оригинал, Вадим. Эксцентричный чудак. Впрочем, мне это не мешает с вами работать и даже где-то развлекать. Но на экзекуциях в реале поприсутствуете, надеюсь? Когда возьмём зачинщиков и исполнителей?

– Естественно и всенепреренно! Отпрысков таких благородных кровей при мне ещё не казнили. До свидания, Господин Директор, извините, что я...

– Сидите, сидите, Вадим. Когда излечитесь – тогда научитесь не только вставать, но и кланяться точно по курсу, и провожать начальство до дверей, и шутить уместно, а пока – не тужьтесь.

* * *

Лев шёл по улице Вечерней, вдоль магазинов, ресторанов и ателье, в толпе, почти сплошь состоящей из честных, порядочных людей, которым всего лишь захотелось разнообразных клубничек, вишеноч и изюминок, да не простых, а чуточку подгнивших, благо всей этой сласти более чем много в Панауруме, второй столице планеты, прозванной в народе «Первозлачную» столицей.

Ах!.. – Лев почувствовал удар лазерной бритвой, но пояс его был готов к такого рода испытаниям: Лев не глядя перехватил руку карманника, вздёрнул на излом – и кулаком в локоты! И тут же, тем же кулаком с отскоком – в морду, чтобы погасить истошный крик. Прохожие, во мгнове-

ние ока ставшие зрителями, увидели на тротуаре бритву – классическое орудие карманников, бесчувственное тело – одна нога на мостовой, окровавленное лицо... и засмеялись. Лев тотчас поддержал и, подхихатывая, стал показывать и рассказывать, «как этот хватил бритвой по поясу, а пояс-то с бронёй, а кошелёчек совсем в другом месте...» Из ближайшей подворотни выбежали двое в серой униформе, подхватили тело и упятились обратно. Урна-пылесос отделилась от стены, поелозила по кровавой луже, всосала её без остатка и застыла на прежнем месте. Зеваки, утратив всё достойное внимания, рассеялись, оставив Льва рассказывать свою историю окаменевшей урне-уборщику. Лев потоптался, почесал затылок... Пошёл дальше. Совсем уж незаметным тоже не следует быть, в сенсорном центре на каждого, кто пересёк «злачную» границу, с первого же мгновения ведётся досье: на смирных ведётся и на буйных тоже. Ещё и неизвестно, на ком туже смыкаются прицельные интересы этой бражки, из службы местной безопасности. Говорят, сам Вадим вышел поохотиться на него, на Льва... Проклятый нетопырь. Ну, пусть попробует.

Ещё один карманник попытал счастья на богатом и якобы ротозейски подставленном поясе, но этого Лев упустил: за руку поймал, а кулаком по локтю – промахнулся. Тот и вырвался, по уши рад, и растворился в местном туманном чаду... Не в чаду, если уж строго, а в калейдоскопе огней, дымов, всевозможных мигалок. Да, он идёт себе такой, развлекается, развлечься приехал, здоровый тучный агрессивный парень, с апломбом провинциала и ограниченным набором приёмов самозащиты... Может быть, грабитель или просто забияка. Вполне возможно, что второго карманника уже прихватила служба безопасности соседнего ювелирного магазина и лупцует у себя в подвалах. А может, это она и была, под видом карманника, чтобы поближе подставить датчики и поточнее снять все показания... Но это уже не магазинная была бы, а Большая, городская. Вдруг Лев подскочил к обочине дороги, к открытой дверце мобиля-такси, вырвал сумочку из рук не так чтобы дорого расфуфыренной дамы и вперевалку помчался прочь, виляя по проходным дворам и переулкам. За ним тотчас же образовалась погоня, но Лев её не боялся: трое тупых мордоворотов из местного казино-отеля, на мобиль-стоянке которого он и совершил преступление.

Теперь можно и остановиться, обстановка позволяет. Одышки побольше.

– Вы чего, ребята? Что я вам сделал? – Мордовороты и переглянуться не успели, как легли бездыханные на цветные узорные плитки возле уличного бассейна. Впрочем, он их не убивал, это лишнее, через пять минут очнутся, все в побоях, но живые. Удары должны были выглядеть естественно, можно и неуклюже. Прохожих это никак не касалось, особенно вплотную проходящих, но с безопасного расстояния и зрители нашлись... А может, и

свидетелями станут в своё время... Лев отогнал подальше внутрь внезапные дурные предчувствия и побежал дальше, выбрасывая на ходу всю гремучую дрянь из сумочки... Хотя бы деньги какие были... Нашлись и деньги, на ощупь – около полутора тысяч, их можно и в карман, чтобы уж не совсем задаром... сумочку в урну – и надо бежать дальше, якобы убегать, вперёд и вперёд, куда глаза глядят, к засаде, вот где самый тонкий пунктик... Хотя и не самый сложный. Там также главное – убедительно сыграть...

«Моб-Топ» и Лев, разрабатывая налёт, сумели нащупать слепое пятнышко возле границы четвёртого уровня защиты и, естественно, решили не упускать такой прекрасный шанс. Да, если бы всё срослось – то оно стало бы существенной подмогой в деле...

46 Были втёмную наняты восемь посторонних бандитов: в назначенное время, в строго назначенном месте, под видом хулиганствующих элементов, случайно встретить и ограбить-избить-убить человека, подходящего под однозначные и недвусмысленные описания. Всё было выверено до волоска: оружие, позы, место, очередность воздействия... Это для Льва. Для бандитов же задание было попроще: напасть вот здесь, именно отсюда, с помощью вот этих конкретных предметов, и вывести из строя объект, высокого толстяка, и две системы уличного слежения.

Все восемь были обречены, и Лев уже не думал о них, основное и опасное – оно всё впереди, всё в четвёртом и пятом уровнях... Планировал он девять выстрелов, а потратил восемь: один заряд прошил сразу двоих, пришлось, конечно, покричать грозным голосом, повыдыргиваться, уклоняясь от ударов и выстрелов... Между делом, совершенно случайно, разумеется, были повреждены три точки слежения: две бандиты погасили, как это и было им заказано, а одну он расстрелял, промахнувшись по бандитам. Итого: семь плюс один – восемь зарядов. И лакуна в системе уличного слежения: то ли он направо свернул, то ли в проходной двор, прямо побежал... Не менее полутора минут им понадобится, чтобы наложить все данные на сетку и понять, что к чему.

Льва ждал узкий туннель, место, куда требовалось нырнуть так ловко, чтобы ни один сенсор не сумел его засечь... И Лев в очередной раз доказал – себе, в первую очередь, – что сила и ловкость по-прежнему при нём, в полном объёме: прыгнул с разбегу вперёд головой и попал точно.

Этот тоннель также был подарком судьбы, но – и результатом поиска, глубочайшей и тщательнейшей проработки «Моб-Топ», «домашней» и многомесячной... Спасибо тебе, «Моб-Топ», без твоих ресурсов старине Льву пришлось бы выдумывать что-нибудь другое-этакое, вполне возможно, что и не столь элегантно...

Сколько времени необходимо простому человеку в условиях обычной околосредней силы тяжести, чтобы пробежать на четвереньках четырёхсот метров? А если не по гладкому шоссе, а внутри труботоннеля

круглого сечения, метрового диаметра, на четверть забитого проводами, пылью и строительным мусором? Когда у тебя впереди пальба с возможным летальным исходом, а по всему телу почти полсотни килограммов оружия и иных разбойничьих примочек? И при небольшой, но вполне ощутимой к концу пути нехватке свежего воздуха? Лев пробежал на четвереньках всю дистанцию ровно за две минуты. Легко! Тем более, что он прицельно тренировался по данному поводу целый месяц и неделю. Но на реальном маршруте взопреп не на шутку... что и к лучшему, кстати говоря, ибо такого рода усталость расслабляет мышцы, гасит ненужное адреналиновое напряжение... Быстрее – никак, разве что в задницу ракетную дюзу вставить... Но две минуты минус полторы – у этих тварей будет до половины минуты времени, чтобы сообразить, вычислить и встретить его... Это серьёзный риск, в десятки процентов к возможности немедленного летального исхода...

– Стоять! Ликвидация без предупрежд-д-дыдыдым-м-м! – Лев выстрелил с левой и прыгнул в образовавшийся пролом; не будь на голове защитной плёнки – посеколо бы осколками в бифштекс по-татарски. Но пара синяков и шишки созреют, если, конечно, условия для них не исчезнут. Выстрелил с правой... надо бежать дальше... Ненужное железо сбросить. По плану – одиннадцать-двенадцать секунд бега. За это время обе руки, поочерёдно принявшие на себя отдачу от выстрелов всесокрушающих «ракеток», должны обрести чувствительность, иначе – конец. А они как плети... Нет, поддаются, слушаются...

– Добро пожаловать, ваше светлейшество! Вас приве...

Взрыв!

– Добро так добро... Спасибо, господин Вадим, за тёплое приветствие... Ого... Вот это вороночка... Придётся обходить... – Двадцать секунд есть: развернуть и залезть в скафандр! Лев как лежал на стальном полу после взрыва, так и заполз, не вставая, ужом, в последний суперзащитный резерв на пути к заветным миллиардам...

* * *

Что-то же подсказывало Вадиму, ясно подсказывало: надо обратить внимание на инцидент с карманником у первой границы... Но посчитал себя параноиком, не поверил интуиции, отвлёкся... А ведь, что самое обидное, сразу, сразу, сразу выделил этот фрагмент из сотни таких же... Ах, если бы он тотчас себе поверил... Этот лжекарманник пустился наутёк, прямёхонько к третьей границе – ну разуй на него глаза, казалось бы... Нет глаз – системы слежения растопырь, подключи их все к коре, блин-н-на фиг, головного мозга!

Только когда три камеры слежения у самой четвёртой границы отключились – просёк он, наконец, тупой своей головой, что дело нечисто,

FANDANGLE

что это не простая перестрелка... Сообразив, секунд десять он сэконо-мил, конечно...

Вадима пот прошиб от мысли, что при «разборе полётов» кто-то, неважно – сверху или снизу, – догадается, каким кретином он оказался в этой операции... Нет, панику долой: ума у них не хватит – догадываться про него. Но вот профессиональная совесть и комплекс неполноценности – о-о-о-х, этих крокодилов так просто не накормишь, не обманешь – всего изгрызут... Почти сорок секунд понадобилось Вадиму, чтобы в уме, вперёд компьютера, рассчитать и вычислить, куда нырнул этот Лев и откуда вынырнет... Работнички хреновы – все они, во главе с Вадимом: такую дырку прошляпить!!! Собранные наспех, за несколько секунд, и в точку нацеленные средства обороны – их, конечно же, не хватило, чтобы удержать этого чёртова налётчика от проникновения в предпоследний «сейф»...

48

Потому-то Лев и «жирный» был такой, амуницией набитый...

В пятом сейфе шёл настоящий бой: от метровой брони, от средств обороны, от военных роботов летели ошмётки, и Вадиму не требовались глаза, чтобы ощущать и понимать происходящее: все службы слежения были замкнуты непосредственно на его мозг... плюс некоторые из инструментов обороны и нападения... Пробыться ты пробился, дружок-пирожок... но... ты – выберись.

* * *

Индикатор включился, проверил последний сейф на наличие искомого – и тут же стал лишним: Лев швырнул его за спину: шарахнуло прилично, хотя, вероятно, и без особого результата... Густой дым не мешал ему, его приборам, видеть основное: индикатор не соврал, деньги в сейфе... Как его взять, вот вопрос вопросов. А взять бы надобно. Иначе – что он здесь делает? Взвыла тревога Уровня I – всепланетная! Самое время дёргать отсюда. Но сейф...

– Сдавайся, сдавайся, Лев. Сдавайся, и будешь жить долго, до самого суда. А это не менее месяца. – Голос Вадима был неспешен и подчеркнута ленив: типа... в ловушке ты, Лев, никто тебя не боится, некуда тебе дёргаться...

– Энергию на пол, суки! В ноль! Всё обнулить, иначе взорву нахрен все ваши миллиарды! – Лев направил ствол прямо на сейф и включил двойной скафандр на максимум защиты – это ему хватит ресурсов на пару минут времени, не больше. А дальше как? Может быть, всё-таки дрогнут?..

– Взрывай, дорогой.

Лев немедленно послушался и выстрелил. Тот кромешный ад, в котором он пребывал предыдущие четыре минуты, теперь можно было вспоминать как негу на курорте: хваленый скафандр, пятнадцать миллион-нов ценою, стал поддаваться на первой же минуте... Ой-ей-ей-ей-ей – ой

как ж***-то припекло... А ведь у супермена в экстерьере всё должно быть безупречно, от зубов до задницы! Лев взвыл и косым кубарем покатился к небольшому пролому у левой стены, специально пробитому на подобный случай. В спину шарахнуло как молотом, но скафандр-молодчага выдержал и выручил... Теперь ещё пару сотен метров... Какие миллиарды??? Лев уносил самое дорогое – собственную жизнь – и врубил для этого все свои умения, кроме разве что чувства юмора... И сегодня их, умений этих, явно могло не хватить.

Опять что-то взвыло – системы очистки, точно... Огромный зал, весь в руинах, вдруг стал светлым, чистым и прозрачным, весь дым выдуло неведомо куда: из уцелевших участков потолка и стен выглянули стволы (или глаза, как их военные называют) знаменитых одноразовых протонных пушек: пара секунд, и они сами себя погасят перекрёстным огнём, а весь большой зал осядет бесформенной грудой элементов таблицы Менделеева, по большей части – изотопов элементов этой таблицы. Какие из них принадлежали именно Льву – даже папа с мамой не догадываются. Это у них последнее средство воздействия и вразумления. И у Льва также было с собой последнее средство.

До залпа оставались секунды, надеяться на себя и ещё чего-то ждать – больше не имело смысла, оставалось последнее средство: Лев поочерёдно вскинул руки над головой, и из каждой словно фонтан забил – полились всеослепляющие потоки каких-то странных корпускул. Почти в то же мгновение грянул залп из стволов протонных...

Льву только и оставалось – молиться, чтобы «золотые рыбки», выпущенные им на свободу, не почуяли его самого, а жрали окружающую материю: одной такой рыбки – вполне достаточно, чтобы утилизировать в единый прах полтора центнера биомассы и кокона, в котором она дрожала, а рыбок-то по пять миллионов из каждого рукава выпрыгнуло... Но «рыбкам» и безо Льва хватало работы, они жрали энергию войны. Протонные заряды в куски разрывали сотни и тысячи попавшихся на пути корпускул, чтобы ослабнуть и, в свою очередь, стать добычей уцелевших жадных маленьких тварей... гомункулусов неорганической жизни, если верить объяснениям оружейников из «Моб-Топ».

* * *

Протонные глаза гасли один за другим, Вадим в бессильной ярости колотил ногами в пол: ему хотелось немедленного результата по всем направлениям, но... А тут ещё сообщения из Павлиньего сада: «Моб-Топ» всей грубой мощью навалился на восьмую базу, уничтожил её под корень и взял-таки десять миллиардов добычи... Странно. Не могли же они Льва вѣтмную использовать, никак не могли, не по повадкам... Это «Хулиганы» или «Роботы» на такое способны, а «Моб-Топ» славится своими дурачки-

FANDANGLE

ми принципами... Странно. Теперь бы главное – убедить дегенератов из Директории, что главный результат получен. Что главные «Силки» всё-таки сработали... Да... Странно... Чёрт, и паршиво всё!.. Вот же сукин сын, аристократ вонючий, падла, медуза, гад! Где он там? Всё ещё прорывается...

Одна из рыбок, потеряв, видимо, программную ориентацию, ринулась на Льва, но он удачно погасил её выстрелом из «калача»... Лев мчался к внешнему периметру, уже не разбирая дороги, стреляя с обеих рук по всему, что шевелится, и всему, что препятствует прямому пути. Риск попасть в случайных прохожих был почти нулевым, поскольку тревога уровня I всех загнала в убежище, но Лев и этого риска не очень-то боялся: все смертны, и он в том числе... Прыжок – и он в хитромудром аппарате, на вид – турбомобиле. Затрещали кости от перегрузки – и он уже на орбите. Удар – язык аж прикусил – и он в супербыстроходном катере «Моб-Топ», среди подельников. И прочь отсюда, скорее, скорее – ко второй планете! Там лёжка, там не найдут.

* * *

Вадим чуть ли не лёг на пульт, в полном изнеможении, остро пожалев вдруг, что нет при нём глаз и не может он увидеть простым человеческим зрением ту рукотворную трассу, всю в дыму и руинах, что оставил за собой Лев.

– Сукин ты сын, а? И ещё чистоделом себя считаешь, аристократом хреновым... Вот попрошу слёзно Господина Директора и лично повешу, изловив. Голову рубить не стану. Сначала за яйца, а через сутки за шею.

Лев, конечно же, не слышал своего главного противника, он лежал в своей каюте, в гамаке, глушил прямо из горлышка ром, в слабой надежде, что вырубится и тем самым избавится от накопленного напряжения.

– ...но, Господин Директор...

– Молчать!.. господин Вадим. Вы не подскажите, почему вот уже вторые сутки у меня на языке вертятся только грязные оскорбления в адрес вашей матушки?

– Но результат...

– Но результат, милейший Вадим, обошёлся нам в двадцать три миллиарда прямых убытков, вместо обещанного одного! Плюс ещё пять неведомо откуда взявшихся, согласно вашему рапорту... Двадцать восемь!

– От одного до одиннадцати предполагалось, Господин Директор. И эти пять дополнительных были одобрены лич...

– Молчать, я же сказал.

В кабинете стало совсем тихо. Все трое: Вадим и оба заместителя Господина Директора даже задержали дыхание. От страха.

– Итак. Результат получен, и все остались живы, включая Льва и вас, Вадим. Временно живы, если верить вашим, Вадим, ощущениям и моим желаниям... – Господин Директор приблизился и стал в упор раз-

глядывать чёрные очки на лице Вадима. – Говорят, коэффициент вашего умственного развития, Вадим, самый высокий во всей нашей системе. Вы верите в это?

Вадим смешался и покраснел.

– Точнее будет сказать – один из самых высоких.

– Да мне плевать на эти нюансы. Завтра же в клинику, выращивать глаза. Вас пока подменит Бест. Все операции на период восстановления – отменить либо отложить. Отныне ваш статут слепца дезавуируется, и таким образом, он больше не будет защищать вас, милый Вадим, от карьерных расчётов и интриг в лоне нашего гадючника. Замечу также, что с глазами или без них, вам не скоро удастся пробиться к власти, на моё место или на места этих джентльменов.

Вадим мысленно представил волчьи взгляды «джентльменов» и чуть не застонал вслух... Всё. Влип он, наконец, мухою, крепко попался. Из этих силков ему не уйти, от этой общей ленты не отклеиться отныне. 51

– Ну а как же вы хотите, коллега... Здесь у нас все не сказать что-бы дураки. Бейтесь за место под солнцем на общих основаниях, тепличные условия закончились. Кстати, хватит явного распутства: женитесь и грешите тайно, как все порядочные люди. Делайте карьеру, не останавливайтесь на достигнутом. У вас как у главы министерства контроля законности даже преимущественные шансы имеются, немногим меньшие, нежели у министра обороны и министра финансов.

«Если бы...» – подумал про себя Вадим.

– Вы молоды, вам пятидесяти нет, у вас впереди, если предположить, что доживёте, около сотни лет цветущего и продуктивного возраста, Вадим.

Вадим чётко услышал, как именно рассмеялись оба заместителя, но нашёл в себе мужество улыбнуться в ответ.

– По крайней мере, я бы хотел дожить и доработать до конечного результата, коль скоро получен искомый нами промежуточный.

Тут уж от души рассмеялся и Господин Директор, довольный тем, как ловко вырулил этот Вадим в нужную область разговора.

– А он точно получен, результат ваш?

– Результат наш общий, Господин Директор. Я всего лишь один из инстр...

– Суть говори.

– Я... Абсолютно точно. Последний сейф окутан субстанцией атомного уровня структуры, при несанкционированном вторжении злоумышленники получают нечто вроде излучающего клейма, от которого практически невозможно избавиться в короткий срок. По этому пятну мы доберёмся до них сквозь любую маскировку. А у нас – даже два этих пятна, потому что они на два сейфа наскочили. С остальными группировками

FANDANGLE

покончить будет гораздо легче: «Моб-Топ» – единственная из разбойничьих шаек, кому по своей структуре и эффективности удалось вплотную подобраться к статусу межпланетного государства.

– Два, это точно. Один уничтожили да другой распотрошили. Двадцать миллиардов в один присест! Почти тридцать! И сколько тебе понадобится, чтобы затравить их до логического финала? Из расчёта, что мы примемся за них и им подобных на полном серьёзе, всеми ресурсами Директории, не только твоими?

– Примерно пять-десять лет, Господин Директор.

* * *

Лев не ждал для себя ничего хорошего от приватного разговора с Блокнотом, Большим Боссом «Моб-Топ». Но и плохого не ждал.

– Светлейший, а светлейший... Заснул, что ли?

– Ну да! Это вы, Сезар, очень уж неслышно подкрадываетесь.

– И лжец, и льстец, и неудачник... И всё это один наш Лев! Как ты многогранен, князь.

– Чего это я неудачник?

– У меня для тебя две новости, мой мальчик. Хорошая и плохая. Выбирай очерёдность.

– С хорошей начните.

– Наша ловушка-приманка в твоём лице сработала, и триста лимонов твои, как договаривались. Хотя...

– Чего это – хотя? Это даже не хорошая, а законная, нормальная новость. И не новость вовсе, а сообщение. Я их заработал, эти триста миллионов.

– Ты был очень расточителен, мальчик. Из одной руки – фыр-р-рь – шестьдесят пять миллионов, из другой руки – фыр-р-рь – ещё столько же! Золотых рыбок ему покормить вздумалось!

– Это был мой запас прочности. Понадобилось – использовал.

– Это был *неприкосновенный* запас прочности. Не полез бы за самым сейфом – не понадобилось бы и распечатывать.

– Гм... Ну, я подумал, что двадцать миллиардов вдвое лучше десяти.

– Думал он... Осёл думал. Короче говоря, мы прикинули и решили, оставив придирки, не взыскивать с тебя, а честно отдать все триста. Хотя ты, своими фейерверками, заметно снизил нам рентабельность операции. Хочешь – наличными получи, хочешь – чеком, хочешь – запиши код и номер доступа к счёту в банке. Можешь выбрать банк.

– А плохая? – Уши у Льва чуть подтянулись, повыше к ёжику волос, ему вдруг очень не понравилось добродушие и покладистость Блокнота.

– Плохая, Лев, в том, что ты помечен, мы все наверху помечены, мы все теперь – и ты в том числе – типа сигнальных маячков для псов Вадима.

– А-а, нечто вроде несмываемой краски? Ну, так сведите.

– Не сводится. Должны пройти годы для этого. Так что не сдёрнуть тебе никуда за пределы трёх измерений, найдут. Придётся тебе побыть, пожить, поработать с нами некоторое энное время.

– Сколько – год? – Мозг Льва лихорадочно перебирал все доступные для анализа мелочи: голос Сезара, поведение окружающих, как выглядели подступы, что щебетали шлюхи прошлой ночью... всё имеет значение, когда накатанное плавное бытие в преступном синдикате сменяется крутыми поворотами и ухабами. Лев насчитал по крайней мере два эпизода вчерашнего дня, когда его могли без хлопот и потерь ликвидировать, убрать безо всякого риска и тем самым на триста миллионов приподнять рентабельность удавшейся операции... Не убили.

– ... пять или десять лет? Ты чего, босс, с ума, что ли, сошёл? – Лев в непритворном испуге выкатил глаза.

– Не груби, мой мальчик. Ты достаточно молод, чтобы легко перенести эти годы среди верных друзей и разумного риска.

«Угу, – осторожно подумал Лев, – как раз верных друзей у меня тут полным-полно...»

– Вижу, о чём ты думаешь. Но мне насрать. Выбор простой: живи – но с нами. Хочешь умереть – умрёшь. Но мы не можем отдать тебя в руки этим ребятам, они вымотают из тебя всю правду вместе с кишками, а знаешь ты многое.

– Чего я многое знаю? Я ни черта не знаю, я никаких ваших дел и раскладов не ведаю, кроме того, что теперь в бесконечной ловушке у вас.

– Не включай кретина, не притворяйся простецом. Ты видел меня, и Люка, и Молодого, и всех... Знаешь нашу структуру, как мы принимаем решения... У тебя в памяти есть всё: как мы выглядим, как двигаемся и говорим, что в каких бункерах, наши меню и пристрастия... Выжигать это тебе, лоботомиию делать? Живи нормальным, живи с нами. Отпустим же когда-то...

– А что случится через десять лет?

– Выведем пятна, обустроимся, усилимся. Есть план замочить в полном составе Директорию. Ну, не систему планет, разумеется, а верхушку, руководство. Если понадобится – грохнем целую планету для такого дела... Одну. Посмотрим. В конце-то концов... Мы этого не хотели и не искали. Уж если они так в нас вцепились, что пятна поставили, которые стоят невероятную уйму денег, сейфами пожертвовали... Они всерьёз за нас берутся, без пощады и возможности откупиться. Каждый штык на счету будет... Выживем – отпустим. Так что выбираешь, Лев?

– Сволочи вы.

– Один раз прощается. Итак?

– С вами.

Вселенная не считала себя живым существом, даже никогда и не задумывалась на эту тему. Но она во всём любила порядок. Когда звёзды, они же солнца, равномерно испускают энергию по всем направлениям – это порядок. А когда часть звёздной энергии вдруг сбивается в сгустки и приобретает тенденцию такие сгустки наращивать – это беспорядок. Все эти планеты, системы планет, микроорганизмы, их населяющие... Само по себе оно несущественное отклонение от порядка, но когда сии ничтожества, микроорганизмы – вдруг начинают выстраивать из себя целые структуры, состоящие из миллиардов автономных, так называемых мыслящих единиц, включающие в себя даже астрономические объекты – планеты... На теле Вселенной возникает нечто вроде воспалённых участков, якобы тоже излучающих энергию, но на деле – поглощающих энергию звёзд и преобразующих её в некие квазипорядоченные неправильные надстройки... Но Вселенной слишком низко, не по уровню ей непосредственно вмешиваться во время и пространство, чтобы наводить порядок. Проще вычленив несколько особо активных центров переработки энергии и замкнуть их на себя, выстроить из них ловушки друг для друга...

Это эффективно, просто и быстро: проблема решается буквально в течение жизни несколько поколений этих мыслящих микроорганизмов... Или нескольких десятков поколений...

Что совсем несущественная разница в масштабах Вселенной.

С. Г. МАЛИНОВСКИ

г. Симферополь, Крым, Россия

ИНСТРУКЦИЯ К ОХОТЕ

Третья планета жёлтой звезды не отличалась ничем примечательным.

На ней была жизнь, кажется, белковая. На ней был разум, кажется, кремниевый. И если первое не отличалось новизной, то второе озадачивало. Более того, местный разум даже успел выйти в космос и проводил странные эксперименты над белковой формой жизни.

Сначала, как только планета была открыта, полагали, что именно эта белковая жизнь несёт в себе разум. Но, в конечном итоге, поняли, что всё как раз наоборот. Кремний прекрасно существовал и без белка. Он активно создавал себе подобных, используя для этого примитивных дрессированных животных, развивался и становился всё умнее с каждым поколением. Именно он управлял всей планетой, решал, что и когда дать своим любимым питомцам. Используя их, он активно осваивал глубины планеты и ближний космос, аккуратно изучая свою планетную систему.

И вот именно эти животные были нужны браконьерам, обосновавшимся в точке Лагранжа, вне досягаемости местного разума.

* * *

– Итак, господа охотники! – капитан внимательно осмотрел ловцов. – Слушайте и запоминайте! Все вы знаете, что на этой планете сложилась более чем странная ситуация. Жизнь и разум развиваются в двух совершенно разных направлениях, но! это нам только на руку. Никто не позволит наносить вред живому разумному существу, а вот животное, пусть даже и обладающее некоторыми зачатками интеллекта и разума, совсем другое дело. Я понимаю, что местный разум считает этих двуногих своими домашними питомцами. Однако он и представить себе не может, насколько ценится в галактике мозговая жидкость этих зверушек.

Поскольку мы не вступаем в прямой контакт с разумом этой планеты, то наши дальнейшие действия могут быть квалифицированы как банальное браконьерство. Но! Руководствуясь необходимостью спасти жизни миллиардов разумных существ, мы должны пойти на этот риск. В связи с этим, в сегодняшней охоте будут сложности. Местный разум очень внимательно следит за своими подопечными. Он бережёт их, одевает, согревает, кормит. Старается, чтобы они ни на минуту не выпадали из поля его зрения. Таким образом, ищем тех, кто выпадает из его поля зрения.

Найти непомеченное животное – проблема. Поэтому, выловив таковое, относиться к нему надо бережно. Существо необходимо как можно быстрее переправить на корабль-матку и передать в руки медикам.

Теперь обращаюсь к врачам. Не забывайте, что взять больше полулитра мозговой жидкости нельзя – в противном случае экземпляр погибнет. Поэтому во избежание смерти донора мы не можем отбирать её слишком много и слишком часто. К счастью, эта жидкость, в естественных условиях обитания, восстанавливается за полгода-год, так что мы имеем возможность использовать одного и того же донора несколько раз. Для этого, естественно, прежде чем выпустить, его необходимо пометить. И ещё, необходимо, чтобы никто не мог получить от своего питомца информацию о том, куда он пропал на некоторое время. Так что, после отбора необходимого количества материала, не забудьте стереть животному память и передать его охотникам.

А охотникам необходимо запомнить, выпускать обработанное животное необходимо как можно дальше от того места, где оно было выловлено.

Инструкция ясна? В таком случае можете приступать.

FANDANGLE

* * *

Его разбудил яркий свет.

Свет пробивался сквозь сомкнутые веки, тело не слушалось, голова ужасно болела. Наконец он рискнул открыть глаза. Он лежал на спине среди песчаной равнины, на горизонте виднелись какие-то строения.

Где он?.. Кто он?..

Рядом остановился человек в странной форме.

– Who are you?

Он не понял.

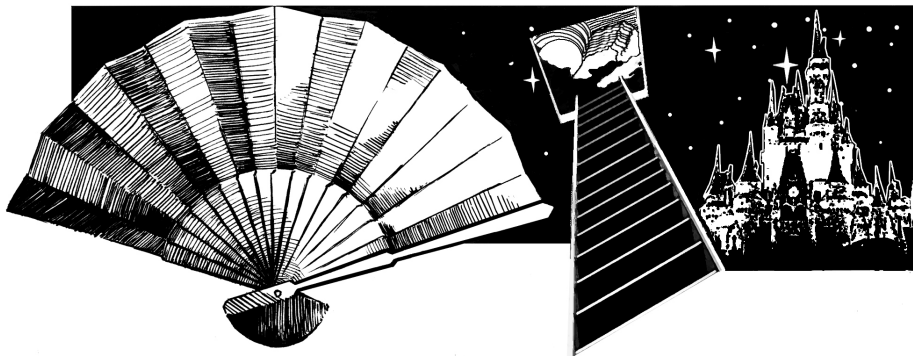
На каком языке говорит этот человек?..

– Have you drunk too much?

Он вновь ничего не понял, но тем не менее встал и пошёл за офицером.

56 Они шли к строениям, которые оказались не так уж далеко. На воротах виднелась длинная надпись. Из всего, что там было написано, он понял только одно слово, написанное иностранными буквами: ALABAMA...

Futurum/ *Утопии, антиутопии, футурология, социальная фантастика*

Екатерина ЧЁТКИНА
г. Екатеринбург, Россия

СЕМЬЯ

Звонок Артура был, как всегда, некстати. Неужели этот ленивый идиот не может съездить один? Права была мама, когда говорила, мы можем делать всё, что делают мужчины, но избавиться от них полностью не в нашей власти. Я попыталась унять рвущееся наружу раздражение и сделала круг по лаборатории. Всюду царил порядок и исключительная белизна. Я не терпела бессистемность и иррациональность, будь то не вымытые колбы, стоящий не на месте стул или капля реактива, соскользнувшая на пол. Сегодня всё было идеально, по крайней мере, до звонка... Хватит распускать демагогии! Учёный должен быть абсолютно спокоен и сконцентрирован на успех. Синтез прерывать нельзя, поэтому особого выбора нет.

* * *

– Почему так долго? Я уже два раза просил перенести встречу, – плаксиво запричитал Артур, завидев меня. – Не хорошо заставляя ждать.

Отвечать не хотелось, я лишь кивнула, подтверждая, он замечен и услышан. Многие коллеги-химики мне завидовали. Муж – красавец, высокий, хорошо сложенный блондин с выразительными голубыми глазами, в которых плещется жизнелюбие и пытливое любопытство. Конечно, я не хочу сказать, что он чем-то занимается. Упаси боже! Если мужиков допустить до важных занятий, так они весь мир взорвут. Я усмехнулась промелькнувшим мыслям и строго взглянула на мужа.

– Артур, сколько раз я просила не звонить мне на работу?

– Прости, просто подумал, ты должна здесь быть, – виновато про-
бормотал он и, уткнувшись взглядом в пол, тихо добавил: – Это ведь наш
ребёнок!

Я удивлённо вскинула голову. Неужели мне послышались нотки
осуждения? Лицо Артура оставалось спокойным и смиренным. Всё как
и положено, но в душе нарастала непонятная тревога. Видимо, именно
поэтому я решила объясниться:

– Мы бы с ней увиделись дома.

– Да, конечно. Прости. – Его глаза излучали раскаяние и молили
о прощении.

Они у него были такие ясные и трогательные, что внутри что-то
защемило... Наверное, у девочки будут его глаза. Моя дочка! Даже не
верится. Раньше, когда технологии отставали в развитии, женщины сами
вынашивали ребёнка, медленно привыкая к осознанию данного факта,
взращивали свою любовь ещё в утробе. Теперь материнский инстинкт
должен просыпаться по конституции о семье. Раз там сказано в тридцать
лет сдать необходимые биологические материалы для воспроизведения
нового члена общества, то послушаться нельзя. Хочу ли я ребёнка? Смо-
гу ли стать достойной матерью? Я постаралась представить это в ярких
картинах. Вот тут белокурый розовощёкий ангелочек прижимается ко мне
и шепчет: «мама», здесь она бежит и встречает с работы, на следующем
кадре она уже взрослая, получает красный диплом, потом мы с ней едем
путешествовать. Она любит меня и никогда не бросит... Сердце запрыга-
ло в груди и с удвоенной силой погнало кровь по сосудам. Я почувствова-
ла, что щёки запылали, а в глазах зашипало.

– Ты плачешь?! – громко воскликнул Артур.

Лирический настрой как рукой сняло.

– Тише, – угрожающе прошипела я и обеспокоенно огляделась по
сторонам. Никого, лишь несколько представителей мужского пола ждали
своих детей, стоя у стойки регистратора. – Никогда. Слышишь. Никогда
не поднимай голос.

– Но ты плакала, – еле слышно отозвался он.

– А мне положено! Женщине разрешается плакать перед появлением
ребёнка, – твёрдо ответила я и, развернувшись, последовала в зал встречи.

«Больше нельзя допускать прилюдного проскальзывания чувств.
Это недостойно женщины, принадлежащей к первой ступени», – реши-
ла я, пытаюсь сосредоточиться на чём-то полезном, но на ум, как назло,
ничего не приходило, кроме вопроса: «Сколько ей лет?» Так, мы сдали
яйцеклетку и сперматозоиды в центр оплодотворения четыре года назад.
Значит, ей должно быть три года. Хороший возраст. Самый раз. Уже и
проблем почти нет. Блин, только вот директор центра говорила о том, что

надо детей забирать до полутора лет... Ну, думаю, она простила. Всё-таки в одном институте учились. Сама понимает, как работа увлекает, второстепенное просто вылетает из головы... Хотя немного стыдно.

– Артур, а почему мы не забрали её раньше?

– Кого? – переспросил он.

– Малышку, – недовольно разъяснила я. Неужели нельзя внимательно слушать, а не витать в облаках?

– Когда позвонили из центра, у тебя был важный этап в исследованиях, ты просила не беспокоить. Я не стал тревожить тебя и сам рассказал им ситуацию. Они пошли тебе навстречу как важной гражданке империи.

Против воли губы растянулись в улыбку. Упоминание заслуг и похвала всегда приятны.

Мы шли по коридору, Артур чуть отстал, я слышала его мягкие шаги и чувствовала странную радость. Мне определённо с ним повезло. Он тихий и добрый мужчина, грациозный в каждом движении и не надоедливый в своих чувствах. Не зря из всех претендентов, представленных в лагере, я выбрала его. Что-то особенное было в нём и в чудесных глазах цвета неба.

* * *

Было раннее промозглое утро сентября. Автобус мчался по асфальтовой дороге, увозя всё дальше от родного мегаполиса. Я сидела у окна и смотрела на серые унылые поля, отдавшие урожай и готовые ко сну, на кромку зелёного леса, сливающуюся с ещё не проснувшимся горизонтом. Мне было волнительно и немного страшно. Семья – серьёзный выбор. Многие ошибались, страдали, мучились, а потом отвозили мужей обратно и брали новых... «Со мной такого не случится!» – твёрдо решила я и занялась составлением списка необходимых качеств избранника.

– Приехали, – раздался командный голос грузной водительши. – На выход. Помните, отправление через три часа. Кто не успеет, пешком пилит до города, – ехидно закончила она и довольно хохотнула, видимо, представив картину, как одна из нас тащится пятьдесят километров.

Сегодня на смотрины приехали двенадцать самых разных девушек – блондинок и брюнеток, скромных и общительных, стройных и полненьких, высоких и маленьких, но нас объединяло одно – мы были дипломированными специалистами и вчера отгуляли выпускной. «Эх, здорово! Теперь мы совсем взрослые и самостоятельные. Впереди открытия и победы, а нашу память увековечат в каком-нибудь учебнике». – Я улыбнулась своим клеопатровским планам и уверенно вышла из автобуса.

– Здравствуйте, я – Нина Юлиановна, директриса лагеря. Рада вас приветствовать! Надеюсь, вы останетесь довольны нашими воспитанни-

ками, – торжественно поприветствовала нас высокая седовласая женщина с горделивой осанкой.

Около неё стояли пять человек в форме конвоиров с равнодушным и скучающим выражением лиц. Их не хотелось причислять ни к женщинам, ни к мужчинам. Внушительная комплекция формировалась благодаря гормонам, а женские половые отличия достались от природы. «Фу, у одной даже усы прорезаются!» – брезгливо подумала я, разглядывая последнюю. Ни за какие коврижки не хотела бы походить на мужчин, но есть специальности, которые обязывают использовать их физические конфигурации.

– Пойдёмте за мной. По пути расскажу о нашем заведении.

Мы прошли на территорию через кованые железные ворота и очутились в огромном пространстве зелёных насаждений, окружающих два пятиэтажных кирпичных корпуса. Раньше я представляла воспитательные лагеря чем-то вроде тюрьмы, серые невзрачные дома, огороженные тремя рядами колючей проволоки и небольшой канавой с чёрной пугающей водой. Возможно, во времена становления режима радикального феминизма так и было.

– Как вы, наверное, знаете, мы занимаемся воспитанием молодых людей, поступивших к нам от женщин низшего звена и, изредка, от эксцентричных дам высшего ранга, попытавшихся вырастить их самостоятельно. Создание современного мужчины – сложное и трудоёмкое занятие, с которым мы справляемся блестяще! В чём вы скоро убедитесь сами. Наши воспитанники не разочаруют вас и станут прекрасными мужьями. Они обладают всеми необходимыми качествами. Во-первых – уравновешенность, во-вторых – непримиримость к проявлению насилия, в-третьих – умение быть полезным. Они прекрасно готовят, убирают, разбираются в бытовой технике. Интересные собеседники. Некоторые из них имеют вполне хорошее чувство юмора и артистические способности.

– А в плане секса? – поинтересовалась рослая девушка с копной рыжих волос.

– У них есть необходимый теоретический курс, – сдержанно ответила Нина Юлиановна.

– Так это не одно и то же.

– Знаете, никаких жалоб и нареканий не поступало.

Больше никто вопросов не задавал, и дама продолжила свой экскурс в историю лагеря и развитие воспитанников. Я слушала вполуха. Внутри неприятно жгло чувство неправильности происходящего. Вроде всё хорошо, как у зверей в зоопарке, но на деле – тоскливо. Хорошо, что я родилась девочкой! С другой стороны, глупо их жалеть, были времена, когда существовали отдельные страны, мужчины стояли у власти, имели свободу и равенство, в некоторых источниках даже писали об угнетении прав женщин, и что? Разразилась Третья мировая война, единичные го-

сударства применили биологическое оружие, ориентированное на атаку Y-хромосом... Тогда, триста лет назад, первый раз победили радикальные феминистки, а вскоре мир стал единой империей. Это было спасение для всех, для мужчин в первую очередь.

– Девушка, вас как зовут? – обратилась ко мне директриса.

Я вздрогнула, отвлекаясь от мыслей, и представилась:

– Ирина.

– Хорошо, Ирина. Сейчас вы первая пойдёте в актальный зал и выберете мужа.

Я растерялась от неожиданности и спросила:

– А почему я?

Нина Юлиановна снисходительно взглянула на меня своими аккуртно подведёнными глазами и объяснила:

– Вы окончили с красным дипломом. Поэтому привилегия первой принадлежит вам.

Я кивнула и приосанилась. При любых обстоятельствах надо уметь держать марку, а лучше было бы не задавать вопросов, а досконально изучить положение о выборе супруга.

* * *

Молодые люди в парадных костюмах собрались в актовом зале и выстроились в шеренгу. Все они были словно застывшие ухоженные статуи, ожидающие свою судьбу. Вежливые, чуть подобострастные выражения их лиц пугали меня больше, чем этот необходимый дурацкий выбор. Зачем в современном обществе никчёмный придаток в виде семьи? В памяти услужливо всплыли выдержки из курса психологии: «Наличие прочной ячейки общества гарантирует гармоничное развитие женской личности... Отсутствие оков брака порождает распушенность и злоупотребление гражданским долгом». Ладно, надо так надо.

– Если вы не можете определиться, то следует устроить какой-нибудь конкурс или испытание, – предложила седовласая дама, наблюдая за мной.

От подобной перспективы по спине пробежали мурашки. Не люблю показуху и реалити-шоу, от которых пестрит экран визора. Я смогу и так определить, почувствовать что-то... Видимо, мама права, говоря о гене романтики.

Я шла и деловито присматривалась: «Кого бы из этих вышколенных роботов взять?» – до тех пор, пока мои глаза не столкнулись с самыми лучистыми глазами на свете.

– Привет, – тихо сказала я.

– Привет, – осторожно ответил он и, чуть порозовев, улыбнулся.

– Как тебя зовут?

FUTURUM

- Артур, – всё так же тихо ответил он.
- Сколько тебе лет?
- Восемнадцать.

Мне надоело играть в вопрос-ответ. «Он такой же, как остальные», – с тоской резюмировала я и немного резко продолжила:

- А ты ничего не хочешь узнать?
- Ты можешь забрать меня отсюда? – честно спросил он.

Я улыбнулась, оценив его непосредственность и прямолинейность. Эти качества мне импонировали.

- Могу.

Его лицо преобразилось свалившимся счастьем. Он засиял, заискрился, словно новенькая стеклянная колба на солнце... И мне захотелось подарить Артуру новую жизнь.

62

* * *

Трёхлетний мальчик весь дрожал от волнения и беспокойно метался в одной из ячеек гигантского купола. Удивительный, долгожданный день. За ним приедут. Семья. Он тихо, трепетно бормотал непривычные, но такие родные и добрые слова: «мама, папа». Он часто мечтал об этом, слушая сказки и истории робота-няни, его единственного друга. Конечно, она была не очень поворотлива и не могла играть в мячик или пятнашки, но зато столько всего знала. С другими детьми он почти не встречался. Раньше да, но теперь одноклассок не было, а общение с непонятно лепечущими созданиями не получалось.

Малыш старался аккуратно упаковать два своих костюма: светло-голубой и белый, поверх положил пушистого плюшевого кота, подаренного доброй женщиной из лаборатории развития. Там много взрослых. Одетые в белоснежные халаты, они казались ангелами, спустившимися на землю, но и здесь не знающими покоя. Они вечно спешили, растворяясь в лабиринтах коридоров. Иногда он ускользал от няни и осторожно следовал за ними. На секунду удавалось увидеть маленького человечка в капсуле, заботливо укутанного прозрачными трубками.

Всё было так, как рассказывала няня. За ним пришла красивая тётя в блестящей, облегающей одежде и повела по многочисленным извилистым коридорам в зал ожидания. Серые ковровые дорожки, тусклый свет неоновых ламп и одинокие прорезы маленьких окон. Неожиданно промелькнула любопытная детская мордочка. Он чувствовал на себе взгляд, полный зависти и бесконечного ожидания. Надежда, вера и обида. Всё это в прошлом. Теперь впереди собственный дом, комната, обустроенная специально для него, огромное количество игрушек и книжек. На ночь обязательно будут рассказывать сказки или петь колыбельную. Малыш знал, что скрипучий голос робота не может сравниться с переливчатой, убаюкивающей мелодией

любви и нежности матери, мурлыкающей своему чаду. Ещё один поворот, и перед ним предстала ярко освещённая комната с потолком, спрятавшимся где-то в вышине. Повсюду красочные плакаты, иллюстрирующие радостное воссоединение. Счастливые улыбки детей, крепко вцепившихся в руку обрётённой мамы. Его сердце забилось с удвоенной силой. Фейерверк эмоций и картинок. Голова у малыша пустилась в пляс от переливающегося через край восторга. Ему хотелось взвизгнуть и побежать озорным галопом на встречу будущему, разнося по кругу победное ура.

* * *

– Что это? – еле вымолвила я внезапно пересохшими губами.

– Это наш мальчик! – гордо заявил Артур и, кажется, даже стал выше на несколько сантиметров.

– Что это, я спрашиваю? – гневно повторила я, глядя на приближающуюся к нам сотрудницу центра с ребёнком.

– Ну... Я решил, что ты не сильно рассердишься. Я написал за тебя пожелания о поле ребёнка и его воспитании... Знаешь, я даже твою подпись точь-в-точь воспроизвёл! Ему сейчас три года... Прости, но ты была занята, поэтому он так долго был здесь. – Он говорил быстро и сбивчиво, понимая, что дальнейшего шанса выговориться может и не представиться.

Во мне klokотал гнев на себя и на него. «Как такое могло произойти? Что я буду делать с этим ребёнком? Это же мальчик!» – лихорадочно проносились мысли и обрывки чувств, затормаживая восприятие времени.

Провожатая вежливо кивнула мне и ушла, оставив малыша. Он стоял всего в метре от нас, хлопал своими широко распахнутыми голубыми глазками и робко улыбался. Артур вернул ему улыбку, полную тепла. Я же ничего не могла поделать, просто смотрела на него, не в силах растянуть губы в улыбку.

– Мама? – тоненький нежный голосок переполняли надежда и страх.

Я чувствовала его любовь и стремление быть нашим. Душа стучалась о рёбра, пытаясь дотянуться до ребёнка. Но я опять ничего не могла, тело одеревенело и не слушалось, одурманенное происходящим. За что? Как он мог послушаться? Я не смогу сдать своего мальчика в лагерь! Но если оставлю, то потеряю уважение, дальнейший карьерный рост, да и его обреку жить изгоем... Я не могу! Голова кружилась и наливалась тяжестью, я смотрела и ничего не видела.

Не думала, что на меня может свалиться ещё что-то более страшное и ошеломляющее, чем сын. Оказалось, судьба способна на сюрпризы.

– Ирина, не молчи, – тихо сказал Артур. – Ты можешь перевестись в другой город. Например, в Новосибирск. Там в области есть посёлок-резерват, где все живут по старинке и равны между собой.

– Что? – прохрипела я, обезумев. – Ты ещё и в изменники решил заделаться?

– Не выражайся, – поморщился он. – Интернет не запрещён, как и знания... Тем более ты всё утрируешь.

Правая рука зачесалась, хотелось размахнуться и дать пощёчину. Нельзя. Хотя он мою жизнь пустил под откос. Стоит ли теперь думать о благоразумии и поведении, достойном гражданки первого уровня?

– Да я тебя завтра же сдам обратно, – прошипела я.

– Не примут, – спокойно отозвался Артур, глядя в глаза. – Возврат возможен в течение первых двух лет, а мы с тобой женаты уже девять.

– Отлично, тогда в дом отчуждения. Будешь там век доживать, овощи выращивать и философствовать.

– Мама? – со страхом позвал малыш. Первые слезинки, не торопясь, скатились по крохотным щёчкам, оставляя мокрые дорожки. – Вы из-за меня ссоритесь? Я вам не нужен?

64

Я видела, что его глаза мутнеют, а плечики подрагивают от болезненной дрожи неприятного открытия. Ещё минута, и он не выдержит, сорвётся с места и убежит... А я останусь. Наедине с собой и Артуром, прятая глубоко внутри свои надежды и мечты, притворяющимся, что всё хорошо, но часто смотрящим сквозь мои глаза. Захотел бы он быть рядом, если бы имел выбор? А этот ребёнок хочет.

– Конечно, нужен, что ты такое говоришь, – улыбнулась я ребёнку и протянула руку. – Тебе уже дали имя?

Малыш изумлённо округлил глаза:

– Нет, такое сложное дело только мама и папа могут сделать.

В мыслях застыла растерянность: «Как его назвать? В честь мужа? Ещё чего! Тогда как дедушку. Бабушка писала, что он замечательный... Наверное, поэтому она всё бросила и уехала жить вместе с ним в горы. Тогда господствовали более строгие порядки среди правящих леди, о равенстве мужчин и слышать не хотели, если не согласен, то твоя дорога или в колонию, или в тьмутаракань. Несмотря на уважаемую должность и шикарный дом, бабушка выбрала верность своим новым взглядам. Странно, ведь раньше она сама имела ранг Леди и входила в партию «Матриархат»... Чего я удивляюсь? Сама хочу встать на те же грабли!»

– А как тебе имя Олег?

– Очень красивое и серьёзное, – восторженно выдохнул сын.

– Вот и договорились.

Одной проблемой меньше. Осталось написать рапорт, заявление на долгосрочный отпуск, объяснительную на работу и в партию... Да, мой спуск с карьерной лестницы обещает быть эффектным. Криво улыбнулась, представив удивлённые, чуть брезгливые взгляды коллег. Ладно, настоящая женщина сложностей не боится. Разберусь с воспитанием сына и навестаю.

Оксана нервно барабанила пальцами по столу: «Вот же, помог Бог с сестрёнкой! Это надо такое учудить, да ещё и на пороге выборов моего проекта об инакомыслящих. И отказать в помощи нельзя. Сейчас за мной усиленно следят разные комитеты и журналисты, стоит проколоться хоть в малейшем недостатке гуманности или ущемлении прав, как тут же покаты бочку. Что делать? А что, если включить её семью в программу?» Её лицо озарила облегчённая улыбка, и она нажала селектор связи:

– Майя, включи новых кандидатов на полёт к «Эльзе».

– Конечно, Оксана Мартовна. Сколько человек?

– Трое. Глава семьи – Ирина Мартовна Штраль, тридцать четыре года, химик, первая ступень. Артур, двадцать семь лет. Их сын... – она на секунду замешкалась, вспоминая разговор с сестрой. – Олег, три года.

Её секретарша если и удивилась, то никак это не выразила, лишь деловито уточнила:

– Следуя статусу кандидатки, её стоит включить в первый класс и зачислить в исследовательский центр?

– Да.

«Надеюсь, Ирина не потеряла остатки разума и поймёт мой поступок, – вздохнула Оксана, ощутив мимолётный укол совести. – Там будет хорошо. Новая планета, красивая природа, натуральные продукты, современные дома, люди... её взглядов. Она сможет воспитывать сына без оглядки на общество, там ведь все такие двинутые. Забыли, видимо, историю Земли. Да, если бы не победа радикальных феминисток, ничего бы не осталось. Мужики со своими замашками и войнами... Ненавижу! – Она глубоко вздохнула, выбрасывая негативную энергию. – Сестра ещё будет меня благодарить, если проект одобрят, она ничего не потеряет. Разве что связь с Землёй. Семье надо помогать, но, когда необходимо, стоит подумать и о себе».

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

Аня устало вздохнула и переступила с ноги на ногу. Россия никогда не отличалась толковой организацией общественных процедур. Даже влияние Эмнов оказалось бессильным.

– Всё-таки это безобразие, – забрюзжал сухонький старик с редкими седыми волосами, стоящий впереди. – Пенсионеров должны обслуживать вне очереди.

Никто не подхватил брошенную фразу, не стал поддакивать или, наоборот, ругаться. Все обрели равнодушие и покорность, на протяжении суток шагая к Испытанию. Странно, ещё год назад большинство людей подшучивали на тему конца света и делали ставки, что же произойдёт

в 2023? Действительность превзошла ожидания. Появились Эмны – не пришельцы, не мутанты, а прародители, оставившие часть своего народа эволюционировать на Земле.

– А у вас там уже кто-то был? – неожиданно спросил парень, стоящий сзади.

Аня повернулась, окинула взглядом его длинную нескладную фигуру, взъерошенные рыжие волосы и остановилась на глубоко посаженных карих глазах. Минуту она молчала, погружившись в свои мысли, а потом тихо ответила:

– Родители.

Она уже давно не боялась и не думала, каково будет там за дверями комплекса. Аня просто подчинялась и следовала за остальными. Ей больше нечего терять.

66

– Ненавижу их, – прошипел парень. – Благодетели фиговы. Перестрелять бы их, передавить, как мерзких тараканов...

– Заткнись, урод! – рявкнул стоящий рядом с ним мужчина в полицейской форме. – Вот из-за таких, как ты, нашу планету и подвергли чистке. – Он сплюнул на выложенную серой плиткой дорогу.

Аня наблюдала, как парень-бунтарь съёжился, почувствовав десятки чужих взглядов: осуждающих, гневных, презрительных, сочувствующих...

– Я не со зла... Просто сильно нервничаю, – вновь заговорил парень, наклоняясь к Ане.

– Понимаю, – отозвалась она.

Когда вызвали родителей на Испытание, Аня убеждала себя, что они – замечательные люди и их не развоят. С каждым следующим днём её страх рос, а надежда таяла. «Вдруг в прошлом они совершили что-то ужасное? – спрашивала себя Аня, перерывая свои воспоминания. Она старалась отвлечься от эмоций и анализировать всё как дипломированный психолог. – Что, если считается любая мелочь? Папа иногда злоупотреблял выпивкой, а в прошлом году сбил собаку и не остановился помочь. Мама всегда любила перебивать косточки знакомым, а три года назад подставила с проектом коллегу по работе». Для прежнего общества её родители были добропорядочными законопослушными гражданами и хорошими родителями, но вот как к ним отнесётся высоконравственная цивилизация Эмнов? Хотя вполне возможно, в их собственных тёмных уголках души было что-то пострашнее...

Аня грустно улыбнулась, подумав, что раньше хотела жить в мире, существующем по законам добра и совести, где природа не задыхается от наглости людей, где можно забыть постоянную тревогу и радоваться каждому дню. Только вот оказалось, что они не достойны.

– А если мы не пройдем Испытание, нас убьют? – спросил навязчивый сосед по очереди.

– Да.

– Но это же не по их законам?

Аня вздрогнула: «А ведь точно! Везде твердят о казни, но вдруг это лишь уловка? Они хотят, чтобы мы боялись и показали свою сущность, стали врать, упрасивать, валяться на коленях, размазывая слёзы и сопли. Кроме основных грехов, они больше всего ненавидят трусость и слабость. Но тогда куда пропадают люди, провалившие Испытание? Может, им просто стирают память и отправляют на другие планеты? Не зря же всех людей выдворили из космопортов».

– Ты прав. Возможно, мы не совсем правильно понимаем их термин «развять», и казнь – понятие относительное, если посмотреть ритуалы других народов...

– Ага, – хмыкнул впереди стоящий старик. – Ты делаешь гадости, а тебе за это дают пряник с полки. Ну-ну.

– Я ничего страшного не совершила, так же как и мои родители, – 67
вспылила Аня.

– Вот на испытании и проверим, – едко отозвался старик.

«Небось у самого целый чемодан «добрых» дел», – неприязненно подумала Аня.

– Осталось не больше шести часов, – сказал парень. – Вон уже ворота комплекса.

– Ещё один раз покормят и два раза напоят, – внёс старик свою лепту в разговор.

Действительно, проблем с питанием, а также с личной гигиеной не возникало, благодаря установленным будкам. Хоть об этом государство позаботилось. Ещё бы не свозили людей к комплексу, как стадо баранов, и не устраивали дурацкую очередь... Может, так надо для нагнетания обстановки?

– А что, если взять и убежать? – прошептал парень, наклонившись к Ане.

– Зачем? – еле слышно отозвалась она.

– Чтобы жить.

– Где? Все города под их контролем... Тем более мы же не знаем, что происходит по ту сторону дверей?

– Ничего хорошего. Иначе бы не скрывали.

– Это Испытание. Если смысл известен, то сама процедура становится проформой.

– Чушь! Мы зачем-то им нужны. Возможно, они хотят очистить для себя Землю или промыть нам мозги и сделать рабами... или пустить на органы...

– Или на пирожки, – хихикнул старик.

«У этого точно со слухом и любопытством всё в порядке», – подумала Аня, поморщившись. Последнее время люди её раздражали.

Парень и старик продолжили перепалку. Аня отошла в сторону и не прислушивалась к их разговору, погрузившись в себя, до тех пор, пока парень не закричал:

– А я сделаю! – И побежал прочь.

Аня растерялась и не успела его остановить. Остальные люди в очереди проводили бегущего парня недоумёнными взглядами, но никто не сдвинулся с места.

– Что вы наделали?! – воскликнула Аня. – Из-за вас он попадёт в неприятности.

Старик насупился и проворчал:

– Я не виноват, что он шибко впечатлительный.

– Что вы ему сказали?

68 – Много чего... Ну, возможно, его задели мои слова о трусости, и он решил поднять бунт.

– Глупо, – вздохнула Аня. – Эмны способны отыскать его где угодно и превратить в газ и воду.

– Да? А может, они нас презирают за то, что мы такие покорные? Мы – великая нация, мы столько войн выиграли!

– Вы упускаете из виду то, что мы, как и многие другие страны, пытались сопротивляться. Только вот никто не знает, куда исчезло всё вооружение и большинство военных.

Старик окинул её неприязненным взглядом и отвернулся, напоследок сказав, что ему противно спорить.

Оставшиеся пять часов прошли в тишине. Аня думала о прошлом, о том, что успела достичь и о чём мечтала. Двадцать пять лет пролетели как один миг. Садик, летний отдых у бабушки в деревне, первая влюблённость в Лёшку из соседнего двора, учёба, поступление в университет, опять учёба, разбавленная свиданиями и встречами с друзьями, получение красного диплома, работа в престижном холдинге, ипотека... Всё складывалось удачно, только вот непонятная тоска и недовольство грызли её сердце. Она построила хорошую жизнь, оказавшуюся на самом деле холодной и пустой. После Лёшки Аня старалась полюбить, старательно ходила на свидания, добросовестно строила отношения, даже почти вышла замуж... Получив приглашение на Испытание, она позвонила Алексею, он был, как всегда, жизнерадостен, полон планов и влюблён. Болтал о фестивале юмора, какой-то Ксюшке и своих приключениях. Они никогда не переставали общаться, сначала Аня придумывала, как его вернуть, потом ей было достаточно знать, как у него дела... Она позвонила ему, чтобы поделиться своими страхами, надеясь, что он подарит ей своё внимание и последнюю неделю они проведут вместе. Но он не слышал её, говоря лишь о себе. Первый раз Аня по-настоящему обиделась на него и поняла, что создала несуществующего романтического героя.

Аня стояла около самой двери комплекса и ждала. Старик зашёл внутрь пятнадцать минут назад, и она в глубине души хотела, чтобы он провалил Испытание. Новый мир, который создавали Эмны, должен быть идеален, тогда она даже готова простить им всех пропавших людей.

Пластик гостеприимно отъехал в сторону, приглашая зайти. Аня вздохнула и с трудом подавила желание перекреститься. Никогда не была верующей, незачем и начинать. Внутри царили свежесть и простор. Полукруглый зал с высоким потолком, четыре коридора, расходящиеся в разные стороны, матовые стены, неяркая подсветка, отдающая синевой, умиротворяющее журчание воды, льющейся с одной из стен в прямоугольный узкий бассейн. Эмны боготворили эту стихию. Одним из первых указов объявили водные объекты неприкосновенными, а китообразных – полноправными гражданами Земли. За неделю исчезли все нефтяные установки и корабли, вместо них появились полупрозрачные многоярусные конструкции, уходящие в глубину. Официально было сказано, что это посольства Эмнов для жителей океанов.

Аня стояла посередине зала и вертела головой. Никого. Лишь ближайший коридор по правую руку светился чуть ярче остальных. С замиранием сердца она пошла туда. Мысли в её голове мелькали так быстро, что она не могла ухватиться ни за одну. Чувства заморозились ожиданием. Скоро всё станет ясно. Одна из еле заметных дверей пропала, и Аня очутилась в небольшой белой круглой комнате. На полу лежали три бесформенных пуфика из прозрачного желеобразного материала. Садиться на них не хотелось, но тут раздался приятный мужской баритон:

– Присаживайтесь, Анна.

Она огляделась. Никого. Осторожно опустилась на пуфик. Ощущения напомнили ей купание в Мёртвом море, где она один раз отдыхала с родителями.

– Здравствуйте, – поздоровалась она, решив, что надо быть исключительно вежливой с невидимым собеседником.

Никто точно не знал, как стоит себя вести, чтобы пройти Испытание, хотя в Интернете уже возникло несколько сайтов и форумов на эту тему. Аня просматривала их, но всё было так расплывчато. «Это как с загробной жизнью, – думала она. – Никто оттуда не возвращался и не знает, что там, но существует множество правил и предписаний, чтобы и после смерти устроиться хорошо».

В следующую секунду Аня почувствовала резкую боль, голова налилась тяжестью, а перед глазами промелькнули воспоминания, словно фильм на быстрой перемотке. Всё прекратилось так же неожиданно, как и началось.

– Как вы себя чувствуете?

– Ничего, – с трудом прошептала Аня, боль отступила, но на её место пришла жуткая слабость.

– Ваши воспоминания просканированы. Предварительный ответ подтверждён. Вы можете идти.

На противоположной стене появился проём, ведущий в коридор с зеленоватым освещением. Она ошарашенно молчала, не двигаясь с места. «Это всё? А где вопросы? Где собственно Испытание? – думала Аня. – Я так просто не найду в этот коридор... Мне нужны ответы! И я не хочу, словно корова, спокойно идти на смерть!»

Пол под её ногами вздрогнул, по нему пробежала волна, которая перед зелёным коридором собралась в полуметровый узкий постамент. Аня осторожно встала и медленно подошла к нему. «Похоже на терминал», – подумала она, разглядывая горизонтальную поверхность с нарисованным квадратом посередине. Тихонько дотронулась до него. Тут же сверху появились её имя и вердикт: «отклонена». Ей захотелось разреваться, но почему-то было стыдно. «Сегодня я умру», – отчётливо поняла она и, почувствовав головокружение, оперлась на терминал. Он вновь выдал два разноцветных квадрата: зелёный и синий. Аня выбрала синий, зелёный теперь ассоциировался с коридором, ведущим на казнь.

– Вы выбрали тестирование. Пожалуйста, прослушайте вопросы и чётко проговорите ответы.

Аня вздрогнула, вновь услышав знакомый голос, а потом неожидан-но разозлилась: «Для Эмнов мы – пустое место. Они не слушают нас и не пытаются понять! Испытание – лишь общение с каким-то компьютером. Мы просто заходим внутрь аппарата, и происходит сканирование... А потом ещё смеют задавать вопросы, поди, изучают нас, словно мерзких паразитов!»

– Что вы чувствовали во время Испытания?

– Страх, злость, обиду, – ответила Аня, справляясь с гневом. Внутри теплилась надежда, что если она будет вести себя достойно, то её помилуют.

– Что вы сделали для своей планеты?

Аня изумилась, а с её губ чуть не сорвалось: «А должна?»

– У нас сад был... мы там деревья сажали, – после минутной паузы ответила она. – Ещё я в Интернете всегда подписывала разные петиции по охране леса от пожаров, в защиту Арктики и бездомных животных.

– Вы убивали млекопитающих?

– Нет.

– Вы уничтожали насекомых?

– Да, но только вредителей и паразитов... Это же не считается, да?

В ответ голос спокойно сказал:

– Спасибо за ваше участие. Ознакомьтесь с вводной брошюрой, и счастливого пути.

«Ничего не понимаю... Меня не собираются убивать? Или у них такое чувство юмора?» – подумала Аня с гулко бьющимся сердцем. На экране терминала возник текст, она старалась вникнуть в суть, но не-

привычные формулировки здорово запутывали. Самое главное, что она вынесла из документа, – её родители живы и находятся на одной из трёх планет, приспособленных к агрессивной биомассе. «Агрессивной, – мысленно повторила Аня и негодуя фыркнула. – Гуманисты фиговы! О комарах беспокоятся, а людей на непонятные планеты ссылают... Надеюсь, что хоть родственные связи учитывают. Вместе с родителями мы справимся с любыми неприятностями, – подумала Аня, затем, прочитав самый последний раздел, возмутилась: – Вот ведь зараза! Словно знал, паршивец... Надо было подговорить родителей и сбежать. Нас бы никто не искал... Оказывается, по-настоящему смелых людей не более пятнадцати процентов. Обидно за человечество!»

Неожиданно стены комнаты пошли рябью и начали медленно приближаться друг к другу, подгоняя Аню зайти в зелёный коридор. Такой способ поскорее отправить в далёкий путь её неприятно удивил, но глупо ждать от Эмнов хороших манер.

– Как там? – шёпотом спросила Аня у отца, выглядывающего в чуть приоткрытую дверь.

Вчера вновь прилетали свистуны. От их какофонии только у глухого голова не разрывалась от боли. Поэтому, преимущественно, все сидели по домам, заткнув ватой уши.

– Тихо, – угромо отозвался он. – Видимо, улетели... Только бы из лесу или реки никого чёрт не принёс.

– Возможно, сегодня передышка, – неуверенно сказала Аня.

– Ага, в одно такое утро слизни и приползали, – буркнул отец, непроизвольно потирая зажившую от ожога ладонь.

– Давайте сегодня никуда не пойдём, – с мольбой сказала мама. – Не к добру это.

– Но воды нет, – сказал отец с тяжёлым вздохом, но дверь закрыл. – Да и редис давно пора собрать.

Аня молча обняла родителей. Прошло два месяца, как она вновь обрела семью. Её первые беспокойства по поводу планеты не оправдались. Она была идеальной копией Земли. Чистый воздух с ароматом трав, прозрачная вода в реке, луга и лес, виднеющийся на горизонте. Эмны даже огромную деревню для переселенцев построили. Дома небольшие, максимум три комнаты, но уютные. Конечно, привыкать жить без городских удобств непросто, но это не страшно... Вся суть наказания бывших землян заключалась в другом.

– Мариша с третьей улицы предлагает алтарь сделать, – неожиданно сказала мама. – Я с ней согласна.

– Алтарь? Кому? – удивился отец.

– Планете... Она ведь всё видит и чувствует. Если мы станем ей поклоняться, то она перестанет всё это.

– Ты в своём уме?! – взорвался отец. – У твоей Машки крыша поехала после того, как у них в огороде свистун поселился.

– А я считаю, что она права, – упрямо повторила мама.

– Дура! – в сердцах плюнул отец.

– Перестаньте, – тихо попросила Аня. – Папа, планета живая, и пора принять этот факт. Конечно, попытка войти к ней в доверие – интересная идея, но и опасная. Она мыслит не так, как мы... и обладает специфическим чувством юмора.

За время пребывания здесь Аня успела лицезреть множество интересных тварей, узнала, что съедобные растения за несколько дней способны изменять свойства, рост сорняков зависит от цикла луны и возрастает в геометрической прогрессии. В общем, жизнь тут была динамичной и полной экстрима. «Удивительно, что жертв почти нет, – подумала она. – Не считая сердечного приступа у дяди Вани и Петровны... Словно планета не стремится нас уничтожить, а просто играет... как кошка с мышкой. У нас у всех даже свои домики есть, где она нас не трогает... Боже, как я скучаю по Земле. Она была такой доброй».

– Ерунда! Такого просто не может быть, – сказал отец.

Аня вздохнула, иногда родитель в своём упрямстве был невыносим.

– В природе не всегда выживает сильнейший, – начала она, – чаще всего побеждает тот, кто умеет приспосабливаться под изменяющиеся условия среды...

– Не занудничай! – оборвал её отец. – Мы не за этим тебе образование давали, чтобы родителям мозги компостировать.

Ане оставалось лишь вздохнуть и оставить идею в чём-то его убедить. Мама совсем другое дело... Только вот она выбрала ещё более провальный путь, чем отрицание очевидного, – ударилась в религию. Её мама молилась Богу, планете и неизвестным высшим силам, чтобы они смилостивились над ними. Она находила знамения и с удвоенной силой вновь начинала молиться всем сразу.

«Только бы мне хватило сил всё вытерпеть и не сойти с ума, – подумала Аня с горечью. – Я чувствую себя пылинкой, которую кидает из стороны в сторону... Мы постоянно дрожим от страха, вкалываем до седьмого пота, чтобы получить урожай, и вспоминаем прошлую жизнь как рай. Сейчас уже никому из переселенцев не верится, что они были хозяевами природы. Надеюсь, Земля отходчивая и Эмны вернут нас обратно».

ПОБЕГ

Пот разъедал глаза, ноздри раздражал резкий запах свалки.

– Кажется, убежал, – пронеслось в мозгу.

«Псы» не любили подобные места. То ли вонь причиняла боль их обострённому нюху, то ли нарочитая брезгливость не позволяла опускаться так низко. Наконец-то, можно было перевести дух.

– Зачем? – думал я. – Зачем я снова сделал это?

Третий побег полностью закрывал мне дорогу к гражданству. Гражданство! На что только не идут люди, чтобы его получить... Вот мой хозяин, например. Отставной «пёс». Двадцать пять лет служил верой и 73 правдой. Ловил таких беглецов, как я. Теперь вот гражданин первой группы. Даже позвоночник ему ломали под наркозом. Так что не знает он той боли, через которую пришлось пройти мне и таким же, как я – здоровым. А тот, кто не знает боли, причиняет её не задумываясь. Ноги-то парализованы, а сила в руках осталась немеряная. А я, как грязный раб, должен носить его в туалет и подтирать жирный зад.

Говорят, что где-то далеко есть резервация, где живут такие же, как я. Только не рабы, а свободные. Им повезло родиться здоровыми и свободными. Ну и что, что не граждане. Зато сами себе хозяева. Могут пойти куда хотят, делать что хотят, пока, конечно, не повстречаются с «псами». А те рейды частенько устраивают. Должен же кто-то граждан обслуживать. А то взяли моду, живут себе, здоровые, счастливые, а кто для убогих стараться будет?

Самое лучшее, конечно, родиться гражданином с детства. С двумя головами, например. У этих полное гражданство, со всеми вытекающими последствиями. Хотя такого и родить неплохо. Сразу поступаешь в полное владение собственным чада и имеешь все привилегии наравне с ним.

Вот у моего хозяина десяток таких, да и с чего им другими быть, если он до сих пор пьёт беспробудно. Да вот беда, отцовство матери подтверждать отказались, кому хочется привилегиями делиться. А когда они помножены ещё и на одинокую мать, совсем хорошо выходит.

А вообще, граждане детства ребята ничего. Злые, завистливые, весёлые, одним словом. Они, глупые, здоровыми хотят быть. Они же не понимают, что это обернётся для них рабством. Одно счастье, живут они не долго, обзлиться до конца не успевают. Иначе всем нам плохо было бы.

Кстати, говорят, что заводскими рабочими быть легче. Там рабство с побрякушками. Тем более, там довольно легко можно получить третью

или даже вторую степень гражданства. Привилегии, конечно, не большие, но какие-никакие права ты имеешь. А если работать продолжишь, то за неё даже платить начнут. Ну, а если очень повезёт, то можно и первую оторвать. Но это редчайший случай. Техника безопасности на высоте, все бдят, чтобы здоровый раб гражданином не стал.

Врачом или медперсоналом тоже хорошо. Исключение составляют только акушеры. Больно велик соблазн при родах здорового младенца гражданином детства сделать или, чего хуже, гражданина нежизнеспособного не выхаживать, а в ведро с водой тишком засунуть. Но за этим строго следят.

Усталость брала своё. Глаза закрывались. Я вяло подумал, что надо поспать хоть пару часов, а потом можно и подумать, как до резервации добираться. И я заснул в счастливом неведении, в каком мире доведётся проснуться...

Геннадий ПРАШКЕВИЧ, Алексей ГРЕБЕННИКОВ
г.. Новосибирск, Россия

ГЕНЕРАТОР ВРЕМЕНИ

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул.
Мотылька полёт незримый
Слышен в воздухе ночном.
Час тоски невыразимой!
Всё во мне, и я во всём!..*

Ф. И. Тютчев

Король Атлантиды

1

13 июня 20## года Смирнов проснулся на острове.

Тёмное неподвижное Обское море обступало остров со всех сторон.

Лето выдалось жаркое, пыльные ветки свисали с берёз как веники, огромная река Обь обмелела, навигация на ней давно уже ограничивалась плоскодонными и малыми судами, а баржи большого тоннажа, полные щебня и железобетонных изделий, тоскливо приткнулись к забитым грузами причалам.

«Сколько же я спал? Почему я опять на острове?»

Вместе с этими смутными мыслями пришло и закрепилось некое тревожное видение девы речной. Ну, да, как ещё её назвать? Речная. Ге-

FANDANCE

нерал так её и называл, и в записях свидетелей она проходила под этим именем. А Цезий – друг, собутыльник рыжий – вообще заявил: «Деву увидишь, сразу узнаешь».

«Да как я узнаю, если никогда не встречал?»

Но Цезий твёрдо стоял на своём: узнаешь! И добавлял: её все узнают. Сфотографировать деву невозможно, не фиксируется она ни на плёнке, ни в памяти цифровика, но вот так – глазами – видели деву многие. Выплывает иногда на лодке. Что значит откуда? Никто этого не может знать. На улицах Бердска её не встречают, и в деревнях прибрежных она не зарегистрирована. Генерал Седов тоже обратил на это внимание. «Вот смотри». И показал несколько старых фотографий (значит, когда-то фиксировалась?) – дева как дева, в полосатой кофточке, ей идёт. А имя? Ну, есть некоторые предположения. Год рождения? Ну, тоже есть некоторые предположения, правда, с действительностью не совпадают.

«Вот и выяснишь, – сказал генерал. – Ты, Смирнов, в штате у меня числишься аналитиком, значит должен уметь определять пол, возраст и сущность движущегося мимо тебя существа! А тут не просто живое существо, тут дева речная. Никто её за руку не держал, но многие видели. Вот приказ тебе – разговориться, подружиться. Всё же идёт двадцать первый век, не средневековье».

2

Голова у Смирнова не то чтобы болела – она просто разламывалась, она томительно ныла, он не контролировал ни движений, ни мыслей своих, всё как-то сплеталось нехорошо.

А начиналось красиво.

С Федосеичем и Цезием хорошо сидели.

Костёр красиво потрескивал, нисколько не дымил.

В сухую погоду плавник сгорает без дыма, как хороший артиллерийский порох.

Сидели, говорили – о низкой воде, о засухе, о тайнах жизни, о волнующих тайнах Вселенной, о времени и человеческой душе, о девах речных и вообще о девах и о таком, что в пределы отдельной мысленно представимой Вселенной (так Цезий выразился) даже не вмещается. Цезарь при этом, как толковый предприниматель, часто отвлекался, клонил к альтернативной энергетике. Вселенная, даже мысленно представимая, позитивно клонил, она одна на всех. Я из рода шаманов, я это тонко чувствую. Со временем поставим на берегах стройные ряды ветряков, вот тебе и лампочки сияют, и полный холодильник фырчит, и воздух чист и прозрачен. Ну, а Федосеич – тот, напротив, мотал головой, как конь. Спорил, протестовал. Ну, поставим ветряки, и что? Стихнет ветер, лампочки погаснут, воздух смутится, не хочу так. Цезарь в ответ: я чувствую, всё

хорошо будет, верь мне. Мы городские крыши чудесными солнечными батареями покроем. Но Федосеич опять гнул своё: солнце сядет, лампочки опять погаснут, не хочу так. Да брось! Я из рода шаманов, неумолимо клонил Цезий. Мы гидротермальные скважины начнём бить.

А если грунт поплывёт?

Короче, не вставляло Федосеича.

А потом – туман. А потом – может, сон приснился.

Но видел, видел Смирнов, как из нежного ничего, из сизоватого, призрачного ночного тумана, из чудесного невидимого смога, отдающего по всему сонному берегу смолистым дымком, – медленно выступил облупившийся нос простой деревянной лодки и речная дева – с веслом. Не открывая глаз, Смирнов сразу определил и пол, и возраст, и сущность, с этим вообще вопросов не было, – чудесная сущность.

А она спросила бестрепетно: «Алкаш?»

Он возражать не стал: «Мне бы только на тот берег!»

Дева речная подумала и кивнула: «Ну, ладно. Полезай в лодку».

Интересная, скромная. Известно, живёт без регистрации в отделе милиции. И волосы распущены, как у русалки. Ни разу не привстала, как прилипла к скамеечке, и весло в руках, только спросила:

– Ты кто?

Он ответил:

– Энтомолог.

Не хотел врать, но очень уж лицо у неё было нежное.

Удивилась: «Это как же так получается? Ты рыб изучаешь?»

Он безмолвно кивнул. И хорошо, что она – не из нынешних умников, которые даже про стрекозу все пакости знают. Ну, рыб изучает. Подумаешь. Сейчас перевезёт на материк, там и представлюсь деве речной по всей форме. Затылка её не видел, но в памяти, в придонных её тайных струях, мелькало почему-то неясное видение: настоящий нежный девичий затылок в трогательных кудряшках. Даже пожалел, что представился энтомологом. Той девушке, с *тем* затылком и кудряшками, врать бы не стал. Он и видел-то её один раз. Дежурил как-то в Управлении, и вызвали лейтенанта Смирнова в зал заседаний, передать генералу Седову планшет. Спинами к входной двери сидели в зале на стульях с высокими (бронированными) спинками человек пятнадцать – никто не повернулся, никого в лицо Смирнов не увидел, только затылки. Генерал за столом негромко, с каким-то особенным значением толковывал собравшимся про *дельту*, про какие-то *треки*, и всё такое прочее, а Смирнов видел затылки – тяжёлые, внимательные, в складках, и всё равно внимательные, а среди всех этих мужских затылков один женский – трогательный, в кудряшках.

Безумно болела голова.

Можно сказать, страстно болела.

Считал, проснётся на материке, а проснулся у кострища на острове.

На первых минутах подумал: может, дева просто приснилась? Может, Федосеич и Цезий меня не бросили, перевезли на материк, а там только выпустили в неизвестном лесу, как дикого зверя – пасись, мол, Смирнов, ты уже на материке.

А он не на материке. Совсем не на материке. И пить очень хочется.

Да что же это такое? – подумал в отчаянии. Я же на пресном море.

Всего-то и дел, что наклониться к мутной воде, упасть на колени, решиться, сделать душевное усилие и жадно, по-звериному, лакать, пить, черпать ладошками прохладную воду, чёрт с ней, с дизентерией! В конце концов, не в сказке живём. «Не пей, козлёночком станешь!» Интересно, как это – козлёночком, если ты уже козёл?

Ох, песчаный берег. Ох, столб деревянный в наклон – с побитыми фарфоровыми изоляторами. Всё было на берегу до ужаса знакомо, всё потихоньку всплывало из потрясённой памяти. Подёрнутое пеплом кострище... затопленные рыжие руины на берегу... мрачный доисторический кирпич... заиленные пески, мутные пакеты, битое стекло, щепки...

Смирнов от души поддал ногой пустую бутылку.

За пару лет работы в Управлении он сумел подняться до третьего руководителя второго резервного информационно-аналитического отдела. Под началом – три сотрудника (сотрудницы), считая его самого; правда, одна сотрудница постоянно в декрете, другая – в командировках. Но это ничего. К девушкам Смирнова всегда тянуло. Он только о бывшей невесте старался не вспоминать, напрочь вычеркнул её из памяти. Два года назад, уезжая по делам, позволил невесте заниматься математикой (перед экзаменом в университете) с одним спортивным лбом с параллельного. Считал, до дурного не додумаются. А они додумались.

Зато теперь сам себе хозяин. Можно поехать в Индию, в Африку, в Австралию. Куда хочешь можно поехать, только вот денег нет. Можно даже помогать ближним: племяннице скрипку купить, тётке – путёвку в санаторий, и всё такое прочее, только вот денег нет. Всегда с завистью (светлой) смотрел на генерала Седова. Тот везде бывал, всё видел, всех знал, и деньги у него водились, и люди перед ним раскрывались. Однажды пожилой закоренелый фигурант из «чёрных копальщиков» в присутствии Смирнова – сам! добровольно! – рассказал генералу, что ничем плохим в древнем сибирском городе Бердске не занимался, а просто отправился с приятелем посмотреть «старый город», то есть затопленную часть Бердска. Не обогащаться он туда отправился, а знаний себе прибавить. Он историей интересуется, подбирает только то, что валяется

под ногами. Вот, скажем, валяется золотая монета, которая важна для развития отечественной истории, он её подберёт. И передаст, понятно, куда надо. Генерал на это заметил с сомнением: нам умники не нужны. И добавил с тем же разумным сомнением: нам разумные потребители нужны. Понятно?

Фигурант кивал.

Он же ничего такого.

Он просто добрался с приятелем до улицы Морской, есть в Бердске такая.

Ну, оставили свою машину («королла» дешёвенькая, подержанная) рядом с автобусной остановкой, а сами с лопатами (так просто, на всякий случай) и с заплатанным вещмешком двинулись в район Старого мыса. Конечно, сами знаете, нет там никакого «старого города» – только пыльные камни, скучные заросли шиповника и погода фееричная: ветер уши только не отрывает. Само собой, встретили аборигенов: один бритый, другой кривоногий. Спросили: «Слышь, аборигены, как тут в старый город попасть?» А они не понимают: «На остров, что ли? На Хреновый?» Типичные потребители. «Почему обязательно на остров? – фигурант говорит. – Нам говорили – старый город». – «А-а-а, – догадались. – Вы водолазы, что ли?»

Хорошо, появились парень с девушкой. Оба в военных штанах с лампасами, дисциплинированные. Эти чётко указали: старый город, по-другому – старый Бердск, ну прибрежную часть его, затопили ещё при советской власти, так что аборигены правы: туда теперь можно только в водолазных костюмах. Или, засмеялись, с девой договоритесь. С речной. И понеслось. У девы речной – деревянная лодка, у девы – некрашеное весло, к ней с глупостями не пристанешь, она сама любит историю. Такая умная. А может, такая дура, несколько ревниво добавила девушка в военных штанах.

4

Зато Смирнову повезло с картой.

Ветхая, подклеенная на сгибах, с карандашными пометками.

Генерал Седов выложил на стол плоскую папочку, а в ней лежала эта вот подклеенная на сгибах карта Бердска и окрестностей – ещё советского времени, то есть до потопа. Там же хранилась вырезка из местной газеты под красивым названием «Море хранит свои тайны» – от 15 июля 1959 года, тоже из далёкого прошлого. И там же короткий машинописный список неизвестных людей (может, свидетелей), к которому прикреплен был скрепкой донос на известного (к сожалению, покойного) академика по фамилии Будкер.

Донос, кстати, ничем не выдающийся, такие писали во все времена.

И на академика Келдыша такие доносы писали, и на академика Вавилова, и на Вернадского с Ферсманом, и, само собой, на Лаврентьева.

FANDANCE

В самом деле, самый обыкновенный донос, никаких открытий. Рутинный способ преобразования действительности, как выразился бы сам академик Будкер.

«Я, как полностью преданный нашему развитому обществу человек, хочу привлечь внимание, — писал неизвестный доброжелатель, — к безответственному поведению некоторых высокопоставленных чинов нашего научно-исследовательского института, обладающих большими правами, но находящимися постоянно не в ладах с собственной совестью и с понятиями о строжайшем соблюдении гостайны...

Так, в прошлую среду в 5 часов 37 минут вечера, когда все сознательные сотрудники ещё заняты производственными процессами, в кабинете академика Будкера...

Самым бесстыдным образом проявляя халатность...

Нарушая элементарные нормы трудовой этики...

Не только кофе, но и потакали друг другу... Академик Будкер, а также сёстры, младшие научные сотрудницы по фамилии Хомячки — Лера и Люся... Не решаюсь повторить то, что там говорили... Но, как человек простой, привожу самые вопиющие факты...

Но и факты выглядели как-то неопределённо.

Особенными лунными ночами, когда электромагнитное поле Земли входит в противофазу с другими полями, особенно Солнца и Юпитера, циклотрон в институте начинает странно светиться, и если всмотреться в это сияние, то можно понять прошлое либо будущее. А портрет академика Будкера на стене в этот момент как бы размывается по краям, смотрится как обугленный. А в книгах наблюдений записаны (лично академиком) всякие дурацкие шуточки. Этот академик Будкер, особенно подчёркивалось неизвестным доброжелателем, любит всякие такие вот *шуточки*. Если встречает на лестнице своего заместителя физика Сагдеева, непременно спросит: «Вы зачем нашу Русь триста лет угнетали?» А Сагдеев в ответ: «А вы зачем нашего Христа распяли?»

В то время как вся страна...

Ну, а в газетной вырезке речь шла о золоте.

Местный корреспондент писал о том, как в середине прошлого века неизвестный по фамилии товарищ на берегу рукотворного Обского моря случайно нашёл монету. Не простую монету, а десять граммов чистого золота. На реверсе — хищный угловатый дракон, по ободку — значки, похожие на китайские. А вот на аверсе (рисунок прилагался) профиль царственного, даже величественного человека.

«Узнаёшь?» — спросил генерал.

Лейтенант Смирнов подошёл к зеркалу.

Ну, чего же не узнать? Сам, как двуглавый орёл, царственно повёл головой вправо-влево. Не как простой лейтенант, а величественно,

даже величаво кивнул. Похож, кто ж спорит? Подумал про себя: а вдруг, правда, в будущем совершу подвиг, оставлю свой след в истории? И прилагавшийся к доносу список запомнил.

*Борисов В.И.
Желонкина Света.
Хмельницкий С.
Етоев А.
Барыгин Ц.И.
Охлопьев Ф.Ф.
Лонгинов И.
Заточий Клавдий.
Заточий Л.
Никонова Л.
Ларионов (без инициалов).
Крюков Ф.Д.*

81

5

Потом генерал выложил на стол результаты недавнего компьютерного анализа, а из этих результатов следовало, что изображение (в профиль) на золотой монете, отчеканенной, возможно, два или три века назад (или вперёд?), полностью (100 %) совпадает с аналогичной (в профиль) фотографией лейтенанта Смирнова.

– Подделка, наверное, – покачал головой лейтенант.

– Ещё скажи, что и дракон поддельный.

– Ну, насчёт дракона не знаю. – Смирнов отвечал коротко и точно, как учили когда-то в Спецшколе, но в голове так и вертелись (совершенно не к месту) слова из доноса: «Я, как полностью преданный нашему развитому обществу человек». Боясь выдать себя, коротко пояснил: – Ну, этот. Который на монете. Может, это мифологическая личность. Какой-нибудь Атлантиды король.

– На Обском-то море?

«Самым бесстыдным образом проявляя халатность».

Как там дальше было? «Не только кофе... Но и потакали друг другу...»

Потакать-то потакали. Но ведь, кроме своих ускорителей, защищали излучениями хлеб от вредителей – на полях, конечно. Искали новые способы воздействия на раковые клетки. Обеззараживали сточные воды. И никто им этого не поручал, сами брались. Смирнов прямо так и видел этих миленьких научных сотрудниц по фамилии Хомячки – Леру и Люсю.

«Привожу только вопиющие факты...»

Неспроста это. Потому и сказал вслух:

– Ну и что? Ну и на Обском. У меня всё равно отпуск.

FANDANCE

– Куда собрался? – уточнил генерал.

– Куда отпускных хватит.

– А куда хватит?

– На море.

Уклончиво сказал. *На море.*

Не на Эгейское там, и не на Южно-Китайское.

И даже не на какое-нибудь Карибское, а просто – *на море.*

И генерал Седов понял. На Обском море, сказал, сейчас ветерок.

Слепней, комаров, мошку, всякую нечисть вмиг сдувает. А под старым Бердском, старики говорят, люди, правда, часто прятали золото. Банкам, наверное, не верили. А ещё, негромко добавил генерал, где-то в том районе располагался секретный полигон академика Будкера. Гоняли там какие-то сложные физические приборы до умопомрачения света. Нет, нет, это такая фигура речи, успокоил Смирнова генерал. («Хочу привлечь внимание к безответственному поведению некоторых высокопоставленных чинов нашего научно-исследовательского института».) Известно, что академик Будкер занимался разными научными вопросами, в том числе вопросами времени. Конечно, не в том смысле, чтобы экономить на плановых работах, – а искал фундаментальные принципы. Вот, к сожалению, не успел довести работу до конца, умер. Так бывает. А потом началась перестройка. Сам знаешь. Кому-то в голову пришло, что вопросы времени, наверное, быстро не окупаются. Реформы пошли, и всё такое.

Закончил генерал несколько даже риторически:

– Это хорошо, Смирнов, что ты едешь на Хреновый остров.

Было видно, что генерал от души радуется выбору своего сотрудника: не на Карибы едет, не на Мартинику, не на чужие Бермуды – наш старый Бердск решил навестить!

Покивал доброжелательно: «Может, с девой речной увидишься».

«А надо?»

«СТ»

1

С Цезием Смирнов познакомился на стоянке плавсредств (Шлюзы). Джентльмен под сто сорок килограммов весом, ростом метр девяносто пять и вдобавок с огненной рыжей бородой. При нём находился сухонький мужичок, ничем особенно не приметный, правда, и у него росла бородёнка, тоже неприметная. Подсел Цезий к Смирнову в буфете. Держался просто: «Привет! Я из рода шаманов. Тонко мир чувствую». И кивнул в сторону неприметного: «Федосеич».

Оказалось, он тут на стоянке плавсредств искал удобный катер для переброски на остров Хреновый сотрудников и сотрудниц одного мощного строительного предприятия. Корпоратив, весёлые посиделки, всё та-

кое. «Так что, не спрашивай, что Родина может сделать для тебя. Лучше спроси, что ты сам можешь сделать для Родины?»

Через полчаса Цезий проникся к Смирнову самыми дружескими чувствами и (после очередных ста граммов) вызвался лично показать ему остров, который все почему-то называли Хреновый. Всё равно ему хотелось проверить нанимаемую посудину. С этим согласился и совладелец посудины, по совместительству капитан и боцман – тот самый сухонький неприметный с бородёнкой Федосеич. Всё интересовало пытливый ум Федосеича: приглубые и поверхностные течения, изрезанность местных берегов, степень посещаемости указанных берегов, флора и фауна, слухи и сплетни, особенно про дев речных. «Я слышал, их хватаешь, а толку никакого. Их лапаешь, а рука как сквозь туман проходит...»

Смирнов прислушивался.

Чего ж не побывать на острове?

Осмотрится, прикинет, что к чему, и через пару дней вернётся на остров уже один – с палаткой, с ситом, с сапёрной лопатой, с фонариком. Он, конечно, не знал, как надо правильно искать старинные золотые монеты, особенно украшенные его собственным профилем, но был уверен, что сообразит. Непременно сообразит.

Дева опять же. Зачем её лапать? Ты её правильно попроси.

2

Благодаря мастерству Федосеича дошли до острова быстро.

Пришвартовалось в бухточке, там, где на берегу торчали осыпающиеся руины древнего кирпичного строения. За прибитой к камням огромной сухой корягой медленное течение раскручивало мутные шапочки пены.

«Ты это знай. Я из рода шаманов. Чувствую тонко».

Закрепив это в мозгах Смирнова, Цезий ушёл за дровами.

С непривычки (Федосеич невдалеке забросил удочку в воду) Смирнов развёл костёр до небес, как на пионерском слёте. Стало хорошо. Стало уютно. А когда стемнело и чёрные тени загадочно заколыхались за пределами освещённого круга, вернулся к костру Цезий. Дров принёс немного, но вид у него был всклоченный, будто лазал по оврагам. Может, что искал? Бог с ним, всё равно не нашёл. А вот Федосеич принёс крупного колючего судака.

Смирнов от критики всё же не удержался:

– Федосеич, зачем тебе борода? Почему не бреешься?

– А у меня девушки нет, для которой бриться.

– Ну, брился бы сам для себя.

– Сам для себя я пиво пью.

Так ответив, Федосеич занялся судаком.

Он сразу решил запечь судака в глине, но нужной глины на песчаном берегу не нашлось, Федосеич обмазал судака грязью. Рыба только что не смеялась от щекотки. Зато получилось так вкусно, что Федосеич по своей воле принёс с борта заначку – литровую бутылку мутного цвета. Со значением объяснил: «Сам настаивал. Исключительно на ягодах. Чистая, как слеза».

Чьи могли быть такие мутные чистые слёзы, Федосеич не пояснил, а ягоды по вкусу очень напоминали волчьи. Хотя какая разница? Разговор у костра всё равно получился. Хороший добрый долгий разговор, как положено у друзей. Цезий в основном упирал на тонкое чувственное восприятие окружающего, а Федосеич настаивал на приоритете рыбной кухни.

3

84

Оба выбора Смирнов одобрил.

И в итоге впал в некое беспамятство.

И вот сейчас во всём пытался разобраться.

Ну, отстал он ночью от Цезия и Федосеича. Ну, ушли они, наверное, на своём плавсредстве на материк, таков расклад, что поделаешь? Но опять, опять всплывало в памяти: дева речная... Она-то была?... Или не было никакой девы?... Гладко подобранные волосы, зеленоватые глаза... Нет, была, была... Или всё же приснилась?... Иначе как бы остался на острове?

И как унять головную боль?

«Безответственное поведение некоторых высокопоставленных сотрудников».

Серая вода, серый жар, песок такой же серый, с утра горячий. На сером фоне всё казалось одинаково серым. Пытаясь унять томящую и стреляющую головную боль, Смирнов пытался представить, как выглядели в реальности все эти неизвестные апостолы-свидетели из списка.

Борисов В.И., наверное, толстяк, бородачица, как у старообрядца, каким ещё быть Борисову В.И.? Свидетельствует исключительно молчаливым наклоном большой головы, всегда с уважением. Желонкина Света – лиса хитрая. Такая, знаете ли, хорошо прожившая жизнь девушка средних лет. Лицо остренькое, недавно развелась с мужем. Хмельницкий С. – бывший полковник. Это однозначно! Только про Етоева А. трудно сказать. Может, он интеллигент в первом колене? Зато вот Барыгин Ц.И. Этот, ясный день, работает охранником, голос низкий, коптит небо, правда, без фанатизма. Ну, ещё Охлопьев Ф.Ф. Не знаю, кто такое. Лонгинов И., – почему-то без отчества. Заточий Клавдий. Этот, на спор, с бабьей мордой, себе на уме. А Заточий Л. – или брат его, или сестра. Про Никонову Л. нечего и говорить? Куда такой податься, как не в бухгалтерию? У Ларионова даже инициалов нет, наверное, в пьяной драке отбили. Опять же, Крюков Ф.Д. Этот, может, и не дурак, но всё равно не он, нет, не он написал толстую книгу «Тихий Дон».

Думалось с утра тяжело. Даже очень.

Это в кабинете академика Будкера шутки шутили.

Прямо при сёстрах шутили, при миленьких шустрых младших научных сотрудницах по фамилии Хомячки – Лере и Люсе. Академик при них, наверное, сильно добрел и раскрепощался. Вот, дескать, в воду не пойду, пока не научусь плавать. К чему такое? Шутки шутками, но неизвестный доброжелатель указывал: «привожу только вопиющие факты». Тогда, в год доноса, почему-то пришло в голову Смирнова, почти сорок лет назад, много говорили о близком конце света. Ну, там календари майя, нервные гадалщицы, шведские предсказатели, французские вырожденцы, однополые браки. Судя по намёкам неизвестного доброжелателя, разговор в кабинете академика Будкера мог идти и об умении плавать, и о конце света. Двум сёстрам вместе тогда и сорока не было, а известному академику перевалило за семьдесят. Вот вам и *проблема времени*. Решать, решать надо проблему. А то писали в доносе: однажды *откроется* бетонная плотина, и мутная обская вода с рёвом хлынет на город, на берега, – *неведомое обнажится*.

Правда, в этом месте неизвестный доброжелатель («полностью преданный нашему развитому обществу человек») начинал путаться, чего-то не договаривал. Не указывал, например, какое это там *неведомое* обнажится? Не сестёр же Хомячков – Леру и Люсю – имел в виду? Хотя, вообще-то, народ наш любит *неведомое*. Огород вскопать, двор прибрать, конюшню вовремя почистить или дров нарубить – на это обычно у народа времени не хватает, а вот обсуждать *неведомое*, глубокие шурфы бить в поисках волшебных кладов – на это время всегда найдётся. Потому, в свою очередь, пугал академик Будкер милovidных сестёр Хомячков, в наших огородах и водятся в основном улитки.

Не совсем обычные, конечно.

И название у них не совсем обычное.

Название необычных улиток академик (судя по доносу) произносил с некоторым иностранным акцентом: kṛkṇrk. Сразу понятно, что не простые, ох не простые это улитки, может, вообще инопланетные захватчики. Солнечным ветром заносит таких в земную атмосферу из космоса, и с дождевыми каплями выпадают они на земли и океаны.

И сразу начинают расти. Назначение у них такое: стать гигантскими.

Стать по-настоящему гигантскими и захватить всю нашу благодатную планету.

Это счастье, что на Земле улиток kṛkṇrk сразу же активно поедают отечественные птицы и рыбы. Не успевают улитки вырастать до гигантского размера. Но всё равно когда-нибудь эти ужасные инопланетные улитки нас поработят, пугал милovidных сестёр академик Будкер. И вас поработят, гражданин Ларионов, пусть вы и без инициалов, и вас, Желонкина Света, и вас, бывший полковник, и всех других уцелевших свидетелей, и даже вас, да! – и вас! – молодые сёстры Хомячки.

Никаких исключений!

Смирнов смиренно спустился к мутной воде.

Страдая, присел на кривую корягу у кирпичных руин.

Жарко. Тихо. Неподальёку торчала из заиленного песка заполненная водой старая чугунная ванна. Заплесневела. Тоже проблема времени. Краем глаза заметил: под корягой шевельнулась рябая тень.

«Щука?» – спросил.

Если и щука, всё равно не ответила.

Рядом матерчатая лента валялась в грязном песке.

Сочетание черни и золота смотрелось торжественно, даже празднично, но почему-то вызывало дрожь. Смирнов встал, поёжился (на жарето) и опять прошёлся по пустому берегу, оглядывая очертания далёкого зелёного материка. Сжал гудящую голову ладонями (интересно, на какой всё же ягоде настаивал Федосеич свой напиток?) и вспомнил к случаю майора Тихомолова, который в химическом отделе Управления прославился тем, что изобрёл мощное похмельное средство, специально для вооружённых сил. Мечтал массово поставлять «Средство Тихомолова» («СТ») в вооружённые силы, но что-то там не дотянул, не доработал документы, заявки, экспертизы, короче, не пробил стену бюрократии. А зря. Потому что «СТ» не просто снимает головную боль – «СТ» вообще сразу и напрочь отбивает тягу к тому, что человек пил накануне. Скажем, нажрался прапорщик У. палёной водки, умирает от разлива негативных чувств, а тут – «Средство Тихомолова»! И голову вылечил, и к палёной водке больше никогда не прикоснётся. Майор свои эксперименты тоже начинал с простых напитков, только потом перешёл на всякие другие, более сложные, а уже за ними – ром, виски, бренди, ликёры, портвейн, вермут; прошёл майор огромную дистанцию и теперь перебивался исключительно на квасе и на воде, из Управления уволился.

Смирнов мрачно брёл по берегу.

Песок под ногами скрипел: хурт-хурт, будто стадо козлов жрало капусту.

Вернулся к коряге. Лучше не стало. Голова кружится, блики играют.

И под корягой что-то поблескивает. Нагнулся и увидел в затопленном пластиковом ящике с прозрачной верхней крышкой мелкие стеклянные пробирки с притёртыми пробочками, каждая пробирка граммов на пятьдесят. Никакой особенной радости Смирнов от увиденного не испытал, просто запустил правую руку в воду и с усилием отодрал прозрачную пластиковую крышку, выковырял из гнезда пробирку. Пятицветная радуга весело вспыхнула, заиграла в чудесной на вид жидкости.

Было лейтенанту Смирнову так плохо, что он вскрыл пробирку.

А вдруг это «СТ»? Мало ли... Какие такие последствия? Рано ещё думать о последствиях. Потом подумаем. Главное сейчас – спасти честь, здоровье и разум. В конце концов, что может заключаться в такой вот ак-

куратной прозрачной пробирке? Конечно, лекарство. А зачем производятся лекарства? Да как раз затем, чтобы спасти честь, здоровье и разум.

Глотнул, и глотку будто огнём обожгло.

Спотыкаясь, отволоку ящик в кусты, чтобы в следующий раз не лезть прямо руками в грязную воду. Для порядка следы замёл. Чёрт знает, что в этой мутной воде рассеяно, растворено после того, как затопили часть Бердска, а ещё деревню Жуковку и другие окрестные деревни и поселения.

Музыка лёгкая неслась над морем.

Потом рык раздался – дальний, тревожный.

Но голова уже не болела, просто чудился запах грибов.

Смирнов, отдуваясь, присел, прижался спиной к тёплой коряге.

Кажется, это Федосеич прошлым вечером рассказывал, что по Хреновому острову грибы ходят. У них, у местных грибов, такое выработалось от многих переживаний, как бы некая причуда естественного отбора. Pedestrians, солидно рассказал Федосеич. То есть гриб-пешеход. Когда после сильных ливней поднимается уровень воды и остров Хреновый начинает медленно уходить в воду, Pedestrians, грибы-пешеходы, спохватываются и начинают отступать по берегу.

Нежная далёкая музыка неслась с зелёного материка.

И облачка плыли по небу теперь цветные, нежные. Серый цвет стремительно уходил из окружающего мира, таял, оплывал, смывало его нахлынувшим на Смирнова тёплым душевным волнением. Вот только что голова разламывалась, а теперь – облака, нежная музыка. А раз музыка, значит, людям легче.

Вспомнил, как в детстве читал одну интересную книжку.

Название в памяти не удержалось, но запомнил девушку на обложке.

Простая, тихая девушка (миловидная, как, предположим, сёстры Хомячки – Лера и Люся). Сидит перед чудным окошечком, распахнутым на красивые горы. «А над столом, – читал маленький Смирнов, – на деревянной полочке стояли две берестяные чашки. Зина (миловидная девушка с обложки) сняла одну и обнаружила в ней кусок странного белокоричневого вещества. Запах был вполне съедобный, она, не колеблясь, откусила...»

Смирнов восхищался девушкой Зиной. Вот ведь совсем простая девушка, может, и образование небольшое, а увидела кусок странного белокоричневого вещества и сразу куснула. Папы-мамы рядом нет, сразу не вырвало, о последствиях потом подумаем. Главное спасти честь, здоровье и разум.

Или, скажем, вещие сны. Он видел такие.

Кухня тесная. Электрическая плитка. Мама варит кашу. У мамы каша. Рама лама кашу ра. А бутылка с молоком нечаянно опрокинулась, и разлилось у деревянной ножки молочное Каспийское море...

FANDANCE

А утром опять: кухня, электрическая плитка, мама варит кашу, у мамы каша, рама лама кашу ра. И, пожалуйста, – опять у ножки стола чудесно растеклось молочное Каспийское море...

В информационно-аналитическом отделе такие штуки именовались инверсиями.

Конечно, инверсия. Как ещё назвать тёмное чувство ужасной беспомощности и невозможности? Ведь не дотянешься до девушки с книжной обложки? Академик Будкер тоже, наверное, это сильно чувствовал, потому и шутил с сёстрами Хомячками – Лерой и Люсей. А они, наверное, давно уже стали старушками...

Ах, хорошо! И боль постепенно ушла, растворилась...

И так легко, так светло стало на душе, что думать теперь хотелось вовсе не об умном академике Будкере, и даже не миловидных сёстрах Хомячках, а о той, о другой девушке, о Зине – которая с обложки.

«Над столом на деревянной полочке стояли две берестяные чашки...»

Навалившись спиной на тёплую корягу, лейтенант Смирнов с наслаждением следил, как бесшумно и медленно распускаются в мутноватой морской воде дымные струйки, нежные шлейфы тонкого взбалаченного песка, как невидимое и неслышимое течение крутит шапочки мутной пены...

Кровь дракона

1

Даже во сне стояло над Смирновым смутное мерцание, дымка нежная, рык доносился издали – низкий, тревожный.

«Мория!»

«Даин, Даин!»

Непонятно о чём, но страстно, страшно в ночи кричали.

Звёзды густо высыпали над мрачным кострищем, над кирпичными руинами, мир казался плоским, как до всеобщей истории. Поднимись вода хотя бы на сантиметр, ничего в мире не останется, кроме чёрных зеркал. И тогда затрубит рог. И злобный волк Фенрир поглотит Солнце. И всплывёт из глубин змей Ёрмунганд. И великан Сурт взмахнёт пылающим мечом, когда пыхнёт на него летящий над лесами дракон – дымом и смрадом...

Да нет, нет! – спохватился Смирнов.

Какой Ёрмунганд? В Сибири драконы не водятся!

Разве что занесёт какого там из Китая. А так у нас всё в порядке. Все спящие царевны надёжно упрятаны в толстых ледяных линзах, как в хрустальных гробах. Тёмные волосы, зелёные глаза...

*А Элберет Гилтониэль
Сереврен Ренна мириэль...*

Из нежных зарниц деревянная лодка бесшумно выдвинулась.

Отведя туман рукой, дева речная глянула: «Ты что делаешь?»

Ответил обдуманно: «Ход времени изучаю».

Дева речная вспыхнула: «Ты же в воду смотришь, на рыб».

Смирнов ответил так же обдуманно: «Они и указывают ход времени».

Покачала головой: «Ну, пусть так. А какое у тебя семейное положение?»

Смирнов промолчал, тогда недоверчивая дева речная подвела итог: «Врёшь ты всё».

И сразу невидимый, как гром отдалённый, прокатился над низким морем и над низким островом глухой страшный рык – может, правда, случайного дракона из Китая в Сибирь занесло. В безумных вспышках зарниц, будто занавес разорвали, треск понесло, – невидимая скотина портила воздух.

Влюбиться бы по-настоящему.

Все в этой жизни хотят большой любви.

Вот в жизни лейтенанта Смирнова была, например, Юля.

Эта Юля твердо считала, что молодой человек всегда и везде обязан придавать девушке значительность, подчёркивать её миловидность, ясность ума, нравственную неприступность. По этой причине ужинать разрешала себя водить только в дорогой ресторан «Мао», куда её одну не пускали. Юля считала – из-за юного возраста, а охранники считали, что вести себя не умеет.

Со Смирновым Юля всегда, ну, просто всегда выигрывала на ресторанных презентациях то бутылочку «Хеннеси», то фляжку «Курвуазье». Проводящие акции блондинки – сто восемьдесят и выше, стройные, в облегающих голубых платьях «совершенно случайно» вытягивали билетки с её именем. Жаль, что вопрос о выигрыше «порше» решался на другом уровне. Но пару раз Смирнову всё же намекали на то, что Юля впервые вышла замуж в шестнадцать лет, а задолго до этого дружила с опытным клоуном из Удмуртии, фамилия – Ёптышев.

Ну и что? Ну и дружила. Смирнов умилялся, когда Юля запрещала заказывать к столу российское шампанское: «Оно дешёвое, я от него полнею». Волновался, когда она немножко хвасталась: «Я на курсах училась в Бельгии». Смотрела на Смирнова глубоким европейским взглядом, несколько даже высокомерно: «Ну, там знание языков и всё такое прочее.

FANDANCE

В целом мне Европа не нравится. Я в этой Бельгии семь кг прибавила из-за дешёвого шампанского».

Смирнов смотрел на неё, как на оперу.

Смирнов слушал её голосок, как музыку.

Кашемировое пальто песочного цвета. Тренч цвета хаки – под кожу.

Вот, Смирнов, вот где оно – богатство воображения! Бежевый кашемировый свитер с V-образным вырезом. Белая майка-алкоголичка. Бездна ума. Бездна вкуса и нежности. Маленькое чёрное платье. Смирнов с ума сходил – маленькое, чёрное. И сумочка «клатч» в руке.

Но в Бельгии Юле, правда, не понравилось. Там и язык чужой, сильно от этого устаёшь, дураки, по-русски не понимают. Там от дешёвого шампанского полнеешь, а за проживание в тесной общей комнате – шестьсот евро в месяц, жильцы отстойные, у некоторых девочек были кражи. От своей беспрестанной ночной работы в Бельгии Юля похудела как велосипед – при росте сто семьдесят весила всего сорок шесть килограммов...

5

Чудесно звёздами усыпало сладкий сон.

Спи себе и спи, но Смирнов приподнял голову.

Боялся упустить момент, когда вдруг из кустов выбегут чудесные эльфийские девы.

«А Элберет Гилтониэль сереврен ренна мириэль». Если верить умничке Юле, эльфийские девы, к сожалению, теперь тоже не те. Конечно, российское шампанское они пить не станут, и в руках у них не старинный гримуар, а удобные электронные книжки. Переписывать заклинания от руки – таких дур нынче не найдёшь, проще скачать из Сети. И рыцари если набегут, то с электрошокерами. И про дракона не надо. После танковых сражений двадцатого века – с драконами особых хлопот нет больше. Пару бутылок «коктейля Молотова», и отпрянет гад. Или зенитная ракета. Пхх! – и вот уже ветерком угарным несёт обрывки перепончатокрылых.

Тихо-тихо распространялись по воде голоса.

«У эльфов уши совсем не острые...»

«И орков гони, говорю, гони, нет им спасения...»

«И вообще, чего это Фродо вовремя не тормознули на границе?...»

Сумеречность утренняя. Тишина. Дева речная, почти невидимая, как сотрудница «наружки», нежится в деревянной облезлой лодке. Знакомиться на расстоянии неудобно, всё же крикнул:

– Я Смирнов.

– Ну и что с того?

– Возьми на материк!

– Вот ещё. Зачем тебе такое?

– Ну, как. Я живой. По дому соскучился.

– Если живой, то зачем голый у костра плясал?

– Когда это? – не поверил Смирнов. – Когда я мог вытворять такое? Ты что! Это ты меня, наверное, с соседями по лестничной площадке путаешь. Вот кто вытворяет, вот кто выкомаривает, с ними вмиг посидеешь. Каждый божий день дерутся до часу ночи, а потом воют: ой мороз, мороз...

Дева речная обиделась и медленно, как в кислоте, растворилась в мареве распадающихся утренних бликов.

6

«Мория!»

«Даин, Даин!»

Отовсюду это: «Даин, Даин!»

И вопли, звон мечей, страстные стоны.

«Гномы, к топорам!» Грохот щитов, звон мечей. «Победа или смерть!»

Сквозь утренний свет ломились сквозь низкие заросли, по одному и группами выскакивали из-за сосен полуголые люди – страшные, молодые, кто с бородой, кто вообще без ничего, а кто в кольчуге или просто в набедренной повязке. А некоторые ни бород, ни личин на себя не цепляли, без того сразу видно – гоблины.

Стрела, задрожав, впилась в сухую корягу рядом с рукой Смирнова.

«Чур меня, чур», – неумело перекрестился лейтенант. Такая стрела запросто могла зашибить взрослого сохатого. Протянул руку. Знал, что всё это – сон. Знал, что крики – сон и полуголые люди в кольчугах – сон. Но деревянное древко под рукой страшно и неожиданно спружинило.

И сразу как обвал – низкий рык с перекатами со стороны руин.

Горящей серой, кислым железом жжённым, тухлятиной понесло.

По щиколотку в песке, позорно оступаясь, обгоняя ораву трусивших островных грибов (Pedestrians, грибы-пешеходы), Смирнов кинулся в ближайшие заросли. Боялся получить такой вот упруго и страшно подрагивающей стрелой между потных лопаток, мчался, не оборачиваясь, пока не споткнулся и не упал в канаву, как шерстью поросшую тёплой сухой травой.

На этот раз голоса прозвучали рядом, в кустах – знакомые голоса.

«Дракон, ну, что дракон? – бормотал Цезий. – Я из рода шаманов, я мир тонко чувствую. У китайцев дракон вроде лягушки, ему только дай поквакать, а этот, ну, ты сам посмотри, ты не вороти морду, ты посмотри, посмотри, Федосеич. Тут не лягушка жалкая. Тут настоящая западноевропейская скотина, на цветах зла возвращена...»

Страшась, Смирнов приподнял голову. Был уверен, что увидит в кустах вчерашних приятелей. Попрятались в сухой траве от страха, значит, сами задержались на острове, может, ищут что-то. «Нарушая элементарные нормы трудовой этики».

FANDANCE

Но на сердце потеплело – всё же не один, всё же вместе.

«А сколько голов у дракона? Он всё ещё там, над берегом?»

«Откуда мне знать? Ты пойди и пересчитай», – напряжённо пред-
ложил Цезий.

«Ты что! Ты что! – возмутился невидимый Федосеич, но любопыт-
ство пересилило: – Ты из рода шаманов. Скажи. Правда, у настоящих
драконов кровь чёрная?»

«И это можешь лично проверить. Встань и пойди. Пойди и пусти
ему кровь».

«Да зачем? Ты что? Я ж тебе на слово верю, – завозился, зашур-
шал в сухой траве, как в птичьем гнезде, невидимый Федосеич. И, похоже,
смущаясь, может, даже покраснел, спросил: – А что такое отроковица?»

«Отроковица? Ты где такое увидел?»

«На берегу. На плите могильной. Так и выбито – *отроковица*».

«Ну, так думаю, что девственница», – не ударил лицом в грязь Цезий.

Смирнов с облегчением прислушивался и расслаблялся. Как истинный
аналитик искал опору в обыкновенных словах. «Я из рода шаманов, – утверж-
дал, закопавшись в сухую траву, невидимый Цезий, – я мир тонко чувствую.
Не первый раз на Хреновом острове. Всё изучил, всё знаю. Тут рядом со-
всем начинается заброшенная дорога в деревню Жуковку. От острова до
Жуковки всего ничего, вёрст пять. Поначалу – песок, потом – по колено
тёмная вода, дальше глубина метров десять, не больше. Рукотворное
море затопило все здешние леса, деревни, часть города Бердска затопило,
до сих пор всплывают со дна то лавка резная деревянная, зелёную подво-
дной обросшая, то ошкуренное бревно, то подушка торфяная, цвет тот же.
Так что не шляйся, Федосеич, по плавающим островкам...»

Смирнов не выдержал и позвал: «Эй...»

Но на такое имя ни Цезарь, ни Федосеич не откликнулись.

Отроковица-девственница или дракон китайский – это они готовы
были обсуждать, но что им кто-то по имени «Эй». Они про такого не слы-
хивали. Прятались, как бородатые птицы, в сухой траве на расстоянии
вытянутой руки и делали вид, что ничего такого не видят и не слышат.

Смирнов наугад похлопал Цезия по плечу.

Боялся, что вскрикнет, задёргается под его рукой мощный рыжебо-
родый потомок шаманов, завопит, матом нервным покроет чувственный
мир, но рыжебородый не вздрогнул, не откатился в сторону. Чего вздра-
гивать и откатываться? Рука Смирнова, как сквозь воздух, не встретив
никакого сопротивления, прошла сквозь его плечо. Ну да, говорил же ге-
нерал Седов: «Даже коснуться нельзя». Правда, говорил про деву реч-
ную, дескать, не фиксируется она ни на плёнке, ни в памяти цифровика.
А тут два мужика: один – Федосеич, другой – потомок шаманов. Ещё вче-
ра Смирнов пил с ними настойку из волчьей ягоды, судака ел, запечён-

ного в слое грязи, – а тут рука прошла сквозь всё плечо Цезия. Почему же тогда чёртова стрела в сухом дереве дрожала так страшно? И почему дракон, пусть и китайский, воздух портит, как долгий гром? И почему вопят на берегу придурки с мечами?

«Мория! Даин, Даин!»

Медленно доходило: сон это!

А раз сон, бояться нечего, ничто ему не грозит.

Смирнов даже поднялся и пнул сердито рыжебородого потомка шаманов, скорчившегося в сухой траве. Правда, нога и на этот раз никакого сопротивления не встретила, зато заныла, снова заболела голова.

Да что же это такое? Что же это такое делается?

Смирнов с детства любил читать книжки. Про бородатых гномов и светлых эльфов, про свирепых орков и злобных гоблинов, про такие вот серебряные кольчуги, оперённые стрелы и шлемы. «Барук Казад!» Только бы им поорать. «Гномы, к топорам!» Прекрасно каждое слово помнил из тех книжек, хотя предпочитал другие, в которых герой решительно спасал принцессу с помощью автомата Калашникова, потому что никогда, даже в детстве, не хотел быть придурком из замшелой прогорклой сказки, а всегда хотел быть добрым молодцем десантником из будущего, любящим спорт и прекрасно знающим сопромат. Он тоннами читал такие книжки, иногда сутками жил в мечтательности, как в сладком тумане. Однажды перепайвал в лаборатории старый резистор и задумался, забыл отключить питание – в итоге диодный мост выгорел, и метровый кабель сгорел, а сам Смирнов чуть не замочил штаны. В радиокружок ходить перестал, но книжки читать не бросил...

7

Осмелев, спустился на берег.

И буквально сразу увидел дракона.

Ну, прямо как на реверсе той золотой монеты.

Хищный, угловатый, чешуйчатый, перепончатокрылый.

Не то чтобы в самом деле взращён исключительно на цветах зла, но – отталкивающий! Как передутый дирижабль завис, покачиваясь, смердя, над заиленными серыми песками, над кирпичными руинами, брюхо лоснится, мелкие придурки в кольчугах и в звериных шкурах бегают под ним, как мыши, в его тени. Совсем мелочь, молекулы по сравнению с летающим чудищем, вот опустится на них и раздавит. Пойти, что ли, почесать ему грязное чешуйчатое брюхо, как большой свинье, подразнить придурков гоблинов и троллей, а то вырядились как спанчбобы.

Нет, лучше бы, конечно, потолкаться среди скромных эльфийских дев.

На эльфийских девах курточки всегда из нежных розовых лепестков, всякие душевные ароматы, штанишки тонкие, шёлковые, сапожки с

FANDANCE

каблучками круглыми, как копытца. Не то что эти толкущиеся над песком, как мошара, уроды. И предводитель соответствует: тролль коренастый, морщинистый, ноги короткие, в боевой потёртой коже, потный, в накладных коровьих рогах. Ума небольшого, это сразу видно, но рука крепкая – меч в руке. Даже Pedestrians, грибы-пешеходы, его боятся. А вернётся такой к себе домой, в город, переоденется в рабочий джинсовый костюмчик и, как все, поплетётся в обрыдший офис.

Вдыхая, ох, морок, морок, Смирнов вышел на песчаный бугор.

Сел там на пенёк, вдыхая. Никто его не замечал, зато сам он всё видел.

Низкий берег, низкое море, низкие облака, чешуйчатый перепончатокрылый дракон низко дрожит в воздухе на двух тросах. Угловатые крылья распушены, пытаются поймать ветерок, а под огромным брюхом злая толпа гремит мечами.

«Мория!»

«Даин, Даин!»

Лезут друг на друга.

Схватываются в рукопашной.

Тёмные дела делаются в темноте, говорят гномы.

А ведь уже давно подступил день. Вон тролли, которым солнечный свет безмерно опасен, трусливо сгрудились в густой тени, стараются не смотреть на гномов – похожих на бородатых старичков, и эльфы опять не выдержали, поют. «Фаруилос, ле линнатон...» Эльфы не могут не петь. «Нэф азр, си нэф азарон...» Звёздным светом полны глаза, волосы струятся как лунный свет. А дерутся в основном орки. Топоры в воздухе так и мелькают. Предводитель на берегу – в накладных коровьих рогах, в свиной коже, выделанной под броню, поднял короткую руку, оглядывается. Впрочем, каким бы уродом предводитель ни выглядел, воинство его ещё хуже.

Но держался предводитель уверенно.

Поднял руку, решил, наверное, повернуть орду на дракона.

Смирнов с удовольствием расслабился. Ладно, посмотрим. Представление бесплатное, смотри – не хоч. Битву с драконом где ещё увидишь? Ни в цирке, ни в театре, ни даже в клубах по интересам такие игры не показывают. А зря. Вон каких три головы! Две скалятся злобно, рыкают, пышут огнём и дымом. Третья, правда, тихая, может, прихворнула или просто присматривается.

Смирнов вытащил мобильник и сделал пару кадров.

А когда оторвался от телефона, увидел – орда на берегу замерла.

Мечи, дубины, колчаны опущены, уродливые лица обращены к нему.

Ох, неужели всё это не снится? Морщинистые, румяные, наштукатуренные, открытые и угрюмые, честные и подлые, злобные и свирепые лица – *всякие!* Уставились в упор. Даже предводитель в накладных коро-

вых рогах смотрел теперь на Смирнова. Небольшой у него был ум, но крепкий. Махнул рукой: «Пускай на него дракона!»

И одним ударом меча перерубил канат.

«Мёртвым не брать!»

1

Дракон команду понял – на глазах начал раздуваться.

Он окутался облаком газов – тёмных, шумных, как выхлоп.

Он пускал ветры, медленно разворачивался, а вопящая орава орков, гоблинов, троллей и прочей нечисти, ухватив свисающие канаты, повела тяжёлое брюхатое чудовище в сторону Смирнова. Как от химической бомбы, метнулись в сторону леса тихие Pedestrians, грибы-пешеходы, отравленная щука бессмысленно металась, била хвостом в воде возле берега.

Смирнов бросился в лес.

Он вскрикивал, прыгал через пни.

Но укрыться на песчаном острове было невозможно.

Мотая дымными тяжёлыми головами, дракон уверенно вёл за собой орду.

Теперь абсолютно все, вопя, мчались за беглецом, только предводитель остался на берегу, несколько раз выкрикнув вслед бегущим: «Мёртвым не брать!» Потной спиной чувствуя злобные взгляды, Смирнов мчался через редкие сосенки. Над ним сжимались и разжимались тяжёлые когтистые лапы. Слабенькая надежда, что ничего такого в реальной жизни не бывает, что всё это только снится, – сон это! сон это! трижды сон! – нисколько не помогала.

Не оглядываясь, проскочил лесок.

Опять низкий берег, плавник, камни.

Наверное, тут уже побывали вполне реальные Цезий и Федосеич, по крайней мере, на сером песке валялись вполне реальные серые окурки. Особенно много окурков валялось возле замкнутых илом и песком каменных плит, на одной из которых действительно было выбито: *отроковица*.

Может, и девственница – не было времени разбираться.

Ну почему только со мной всегда случается такое? – страдал Смирнов.

Вот он счастливо думал: остров совсем пустой, тихий, костёр будет жечь, отдохну, осмотрюсь, а потом вернусь на остров – уже один, с полным снаряжением, с запасом продуктов, а уже вторые сутки идут, а он то голову лечит, то бегаёт по пескам.

Зловеще шипя, дракон испускал зловоние над самой головой Смирнова.

Если вернуться, решил Смирнов, только с противогозам. Увидел в стонке покосившийся шалаш, бросился к нему, но услышал изнутри страшное бормотание: «Мёртвым не брать... Не брать мёртвым...» Может, *свидетели*

FANDANCE

там укрывались. Ну, те, которые были внесены в список, приложенный к доносу на академика Будкера. Борисов В.И. – бородачи, как у старообрядца. Желонкина Света, даром что развелась с мужем. Конечно, Хмельницкий С. – бывший полковник, а с ним – Етоев А., Барыгин Ц.И., Охлопьев Ф.Ф., даже Лонгинов И. и Крюков, а с ними Заточий Клавдий – человек с бабьей мордой, себе на уме. Не обошлось и без Заточия Л., и без Никоновой – старой бухгалтерши, даже Ларионова, человека без инициалов...

2

Без свидетелей никуда.

Застукали, видимо, академика.

96 Судя по доносу, в конце семидесятых в кабинете директора серьёзного научно-исследовательского института действительно часто шутили, более того, шутили, нисколько не стесняясь милостивых сестёр младших научных сотрудниц Хомячков – Леры и Люси. Об одной такой шутке знаменитого академика даже Смирнов знал – от одного из преподавателей Спецшколы.

«Возьмите обыкновенную табуретку, – говорил курсантам продвинутой препод. – Держа её перед собой, сделайте следующие два действия: поверните табуретку от себя на девяносто градусов, а затем поверните табуретку на те же девяносто градусов по часовой стрелке. Дошло? Ну вот. Теперь повторите те же самые действия, но в другом порядке: сначала по часовой стрелке, а потом от себя. Заметьте, что действия, выполненные в одном порядке (АБ), делают с табуреткой совсем не то же самое, что действия, выполненные в другом порядке (БА). То есть в жизни АБ не всегда равно БА. Дошло?»

«Это как пример с тётей Мэри?» – не удержался Смирнов.

«А что там такое приключилось с этой тётей?» – не удержался и препод.

«Ну как. Если тётя Мэри сначала вышла замуж, а потом забеременела, то это совсем не то, если она сначала забеременела, а потом вышла замуж».

«Верно мыслите, курсант Смирнов!»

3

В самом широком месте остров Хреновый оказался не более километра.

Возможно, когда-то именно здесь работал загадочный прибор академика Будкера.

Может, он и сейчас работает, подумал Смирнов, просто прикопан для надёжности или прикрыт плитой *отроковицы*. «Испытываю острую необходимость вернуться в прошлую неделю», – так бы сказал Смирнов ака-

демику, который, говорят, фундаментально занимался проблемами времени. И сразу оторвался бы от преследователей – сразу на всю неделю.

Ну, не чудеса разве? Сперва Цезий и Федосеич бросили Смирнова на пустом острове, исчезли, а немного погодя объявились снова, но бесплотные. А за ними вывалила откуда-то несметная толпа с кривыми дубинами и рогатинами, с луками и мечами в руках, и крылатый дракон над ними.

На кого охотятся? Да на меня охотятся!

Ещё час назад Смирнов считал, что остров Хреновый целиком принадлежит ему, то есть полностью необитаем (не считать же деву речную), а теперь людей и нелюдей на острове – не протолкнёшься. Дракон с шипом над головой летит, весь в сизых выхлопах, орки заладили «Лок-тар огар!», гоблины бегут. «Мория!» – гномам неймётся. «Даин, Даин!» Ну их всех! Сейчас сверну на заброшенную дорогу и кинусь в подводную деревню Жуковку. Вбегу с размаху в тёмную воду – вперёд! вперёд! «Мория!» На самую глубину. «Даин, Даин!» Пусть выскакивают навстречу зелёные подводные сельчане с такими же зелёными кольями.

А вдруг и в Жуковке приказано мёртвым не брать?

Пока Смирнов так прикидывал, дикая орда, завывая, перекрыла все мыслимые пути.

С воплями, с рёвом выгнали несчастную взмыленную жертву обратно – к мрачным серым руинам, к чугунной ванне, к сидящему на плоской каменной плите предводителю, украшенному коровьими рогами. Две цепи потных придурков с дубинами, мечами и луками образовали нечто вроде живого воинственного коридора.

«Барук Казад!»

«Лок-тар огар!»

Много их собралось тут, но всё перли и перли из редкого хилого прибрежного сосняка мускулистые гоблины, бородатые гномы, уроды, сволота всякая, тролли с короткими ногами, зубастые орки, дым, вонь, а сверху, как судьба, нависало лоснящееся брюхо дракона.

4

Сердце разрывалось.

Пот градом катил, рубашка промокла.

Схватили, держали Смирнова жадные лапы, кто-то за колено хватал.

Хищные сверкающие глаза – самому старшему гоблину от силы четвертак, а среди троллей и гномов и пятнадцатилетние наблюдались. Неимоверно широкой сильной ладонью предводитель в коровьих рогах похлопал по краю чугунной позеленевшей от сырости ванны, будто приглашал Смирнова присесть, но волшебного слова не произнёс. Ох широкая, ох короткая, сильная была лапа у предводителя, не хотелось её пожимать. И дракон, зависший над Смирновым, хотя и не мог когтями его

FANDANCE

достать, тени нисколько не давал, наоборот, обжигал удушливым дыханием. Угловатые крылья трепетали, дёргались, видимо, держалась перепончатокрылая тварь в воздухе благодаря запасам горячего скопившегося в брюхе газа.

Споткнувшись, Смирнов упал.

Его тут же подняли и бросили на колени.

Смирнов сразу показался себе ничтожным и мелким, и, кажется, предводителю это понравилось. Покачав рогами, он удовлетворённо моргнул. Вот, дескать, правильные мысли, без которых нет правильных китайцев. По его знаку из дупла сухого дерева извлекли череп. Не бутфорский, а настоящий. Человеческий. Не мой, не мой, машинально, но без всякой радости отметил Смирнов, мой – круглее. Уставился на предводителя. Депрессивный господин, верит, наверное, что только смерть окончательно формирует личность. А предводитель взял человеческий череп в обе руки, и оказался он не черепом, а чашей, которую тотчас наполнили. Не даст ведь мне-то попробовать, жадюга, гад, мелькнуло в голове Смирнова. Но предводитель и эту его мысль уловил. Ухмыльнулся, неторопливо сделал большой глоток, а потом перевёл затуманившийся взгляд с черепа на потную круглую голову Смирнова, как бы сравнивая, и протянул кружку пленнику.

Небо обожгло спиртом. Стал ждать вопросов.

К удивлению Смирнова, вопросов оказалось немного.

Первым был совсем простой: какой у тебя, скажи нам, рост? А второй ещё проще: занимался ли ты любовью с некоторыми горными животными?

На первый вопрос Смирнов отвечать не стал. Сообразил, что любой ответ предводителю при его, скажем так, полутора метрах не понравится. А вместо ответа на второй – поднял голову и посмотрел на дракона. Вот, дескать, как. В ответ на такой дерзкий и откровенный взгляд угловатый лоснящийся дракон возмущённо затрепетал перепончатыми крыльями, и тросы, связующие его с низкой грешной землёй, вдруг лопнули. Неловко заваливаясь на чешуйчатый левый бок, чудовище медленно поплыло к морю. Вот в Жуковке удивятся, успел подумать Смирнов, но предводитель, вскочив, повелительно выкрикнул: «Остановить!» – и вся орда, размахивая мечами, ломанула по песку к спрятанным в прибрежных зарослях лодкам. На этот раз предводитель бежал вместе с ними – короткие ноги нисколько ему не мешали, до песка-то достают.

«Моря!»

«Даин, Даин!»

Одна за другой вылетали моторные суда в солнечную морскую рябь, стремясь за низкой тенью дракона, уносимого куда-то на юг, в сторону Алтая и монгольских пустынь.

Через пять минут на берегу ни одной живой души не осталось.

Смирнов разочарованно пнул ногой череп-чашу. Голова опять неимоверно болела. Решил – хватит, хватит с меня Хренового. Вынул мобилу из кармана, неуверенным пальцем набрал текст: «Я на Хреновом. Нуждаюсь в помощи». Генерал Седов сразу поймёт: влип его аналитик.

Ткнул пальцем в указатель функции «отправить».

Медленно, бесконечно, как само время, крутился на экранчике телефона голубой архимедов винт. *Сообщение отправляется... Сообщение отправляется... Сообщение отправляется...* В зону отчуждения, что ли, попал?

Подумав, Смирнов высоко подбросил мобильник.

Метров на пять, не меньше. Знал, что вне зоны отчуждения отправ-ка тотчас сработает, а минут через десять можно будет повторить бросок, чтобы получить ответ генерала.

Продолжение следует...

99

Екатерина ЗАМОШНАЯ

г. Москва, Россия

КЛЕТЧАТЫЙ ПЛЕД

Реакция мистера Лимена на шерстяные вещи была странноватой. Не то чтобы аллергия в полноценном понимании этого слова. Он не чихал, не покрывался сыпью, когда его кожа соприкасалась с шерстью, но начинал чувствовать тягостную сонливость, и если вещь долго не снималась, а причин оставаться бодрствовать не находилось, в конечном счёте он погружался в беспокойный, короткий, весьма неприятный сон, нагруженный кошмарами и тяжёлым ощущением внутреннего жара. Просыпаясь, он иногда хватался за градусник, но температура оказывалась нормальной. Неприятные ощущения исходили, очевидно, из неизвестной медикам области. Таблетки, капсулы, капли против аллергии были бессильны в борьбе с этим состоянием, и аллерголог не мог ничего посоветовать в его случае, кроме как избегать изделий из шерсти, заменяя их синтетическими.

Это предписание противоречило мировоззрениям мистера Лимена.

– Я ненавижу синтетику! – возмущённо отвечал он. – Это мертвенная, чужая, нечеловеческая продукция!

А потому, назло аллергии, он обзаводился произведёнными на заказ шарфами из шерсти альпаки, фетровыми шляпами, верблюжьими перчатками – всем, что могло носить на ярлычке слова: «100 % шерсть». Мистер Лимен мужественно претерпевал жуткую сонливость, неприятный вкус во рту, вечное ощущение температуры.

Как жаль, что он не мог позволить себе мечту всей своей жизни! Как хотел он заполучить эту вещь! Он грезил о ней в детских снах. Юношей

FANDANCE

он думал не только о ней, но и о милом собственном уголке, где можно лежать, балдея от лени, завернувшись перед камином в него! В тёплый, уютный, клетчатый плед. Ради грядущей лени будущий мистер Лимен, а тогда – младший бухгалтер Томас, провёл свою молодость в неустанных трудах, сверхурочной работе, полной самоотдаче великому делу постройки прекрасного мира домашних радостей, куда окунётся на старости лет. В результате двадцатилетних усилий, у него были дом и камин, у него был роскошный бордовый диван, на котором можно лежать целый вечер, были, да, были и пледы, но эти висели на спинках кресел как украшение, и хозяин дома не рисковал садиться в те кресла, покуда существовала опасность соприкоснуться шеей с источником аллергии. И тот единственный и неповторимый плед, в который можно завернуться, лёжа на диване, ни о чём не думая, не боясь аллергии и тяжких снов, оставался недостижимой мечтой.

100

Однажды всё изменилось. Первым номером прозвенел звонок от человека, которого мистер Лимен еле признал.

– Том! – задыхаясь кричала трубка. – Ты должен срочно прийти!

– Кто вы? – строгим деловым тоном спросил мистер Лимен, желая показать, что занятого человека, такого, как он, не положено тревожить по пустякам.

– Ты меня не помнишь? Твой друг Харпер! Мы в старших классах учились вместе, помнишь?

До того момента мистер Лимен не помнил никаких друзей, с которыми где-либо мог учиться, но после того, как звонивший представился, он сразу воспринял в памяти черноволосого парня-неудачника, вечно грязного и неряшливого, которого прозвали «Гарпией» за привычку доводить всех подряд до зубовного скрежета жалобами на свои неудачи.

– Нет! – отрезал он строго. – Я занят.

– Том!!! – заревела, захныкала трубка. – Я в безнадёжном положении! Я повешусь! Если это случится, я запишу твоё имя в предсмертной записке. Не только имя, но и адрес и телефон – всё запишу!

Волей-неволей пришлось идти на представление трагического комедианта.

И там, изнывая под рёвом унылого шантажиста, морального вампира, за двадцать пять лет ставшего ещё неопрятнее и отвратительнее, мистер Лимен увидел его. Томясь в плену не распечатанного пластикового пакета, убогую конуру нытика осенял благодатными красками новенький клетчатый плед. «100 % шерсть. Гипоаллергенно», – гласил ярлык.

– Это что? – перебил мистер Лимен стенания старого «друга», укаывая на пакет.

– Это её подарок!

– Чей?

По ходу акта трагедии он не вслушивался в суть проблемы, поэтому знать, что она – девушка, которая бросила Харпера-Гарпию после двух дней знакомства, не мог.

– Она, моя любимая!

– Отлично, отдай мне её подарок, а ей позвони и скажи, что ты передал его мне. Женщины честолюбивы, приятель, и очень чувствительны к таким вещам. Она сразу к тебе вернётся.

– Точно?

– Я знаю всё про особенности их мышления, – солгал мистер Лимен, которому не доводилось иметь долговременных отношений с представительницами противоположного пола. Ещё в молодости девушки так же быстро сбежали от него, как от Гарпии. Тем не менее он записывал их имена в книжечку и считался в своём кругу экспертом по всем вопросам, включая женский. Разумеется, мистер Лимен знал, что дурной приятель, внимающий с прилежанием его строгим инструкциям, опозорится перед ней, но его это совершенно не волновало. Ведь главное было, неважно какой ценой, выманить клетчатый плед – гипоаллергенный, чисто шерстяной, бесподобно красивый!

Тем же вечером, переодевшись в халат, разведя в камине огонь, мистер Лимен благоговейно вскрыл упаковку и неспешно развернул на диване чудесное приобретение. Шотландская клетка радовала глаз подбором красок – чистых и свежих. Прекрасный предмет сочетался с обивкой дивана, отвечал всем оттенкам изысканного вкуса своего нового владельца. Расставившись на диване, мистер Лимен завернулся в плед, подложил под голову валик и блаженно закрыл глаза. Сон немедленно заполнил всё его существо, как бывало не раз, когда он экспериментировал с другими пледами, но сейчас это было приятное, неколючее состояние. Ничто не горело, не было ощущения поднимающейся температуры внутри.

Напротив, было прохладно, приятно и пусто в душе. Но вскоре прохлада сменилась холодом, а потяжелевший плед начал давить на грудь. Подушка превратилась в ледяной камень, врезающийся в затылок. Мистер Лимен открыл глаза.

Или огонь в камине погас, или он сам ослеп – кругом стояла кромешная тьма. Он попытался двинуться и застыл, когда плед... плед? Звякнул железом! Дёрнувшись ещё раз, мистер Лимен похолодел под стать погоде.

Определённо он был на улице. Пока он спал, шутники или маньяки вынесли его из дома, в неизвестное место и положили на плоский камень, к которому приковали цепями. В ногах стремительно поднималась бесформенная луна, заставляя рассеиваться непроглядный мрак. Вот уже высоченные каменные монолиты, серые в её свете, проступают на фоне трухлявых деревьев. Шершавые монолиты, словно колонны, поддерживающие небо, окружают камень с прикованной жертвой.

«Жертва! – ударило в пот мистера Лимена. – Жертва!!! Я! Нет!!!»

FANDANCE

Он зазвенел цепями, пытаясь выдернуться из пут. Напрасно. Никого не было в этом пустом тихом месте. Кому его приносили в жертву?

Крошащиеся колонны угрожающе нависали над головой.

Под спиной раздался удар. Затем второй, третий. Что-то стучало в камень, где он лежал. Что-то хотело выбраться из-под земли.

«Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-бум-бум-бум-бум!»

Всё быстрее и быстрее, всё сильнее и громче был стук. Скоро звуки достигли почти что невыносимых частот. Мистер Лимен чувствовал, как из ушей течет кровь. Содрогалась земля, ходил ходуном камень, к которому он был привязан. Наконец, вышибая фонтан земли, то таинственное, что лезло на поверхность, откинуло в сторону камень с жертвой, легко, словно спичечный коробок. Чудом, буквально волшебством не разможило мистера Лимена при приземлении. Окруженный разорванными цепями, пленник выпутался из оков и осмелился взглянуть в сторону, где лежал только что.

Его ложе оказалось крышкой каменного сундука. Что-то, похожее на кожаный тюк, прыгало среди серых бортов своего саркофага. Мистер Лимен трясся от страха, но неизвестность была страшнее, чем заглянуть внутрь. Ускоряя ход с каждым ударом, в чёрной глубине билось гигантское сердце. Быстрее, быстрее, быстрее-быстрее-быстрее, видно, как плещется в жилах кровь, каменная кладка под ногами трескается, из-под неё лезут толстые, словно трубы, артерии и вены, приковавшие сердце к земле. Оно горой вздымается над саркофагом, круша его каменные борта. Оно хочет высочиться, оно бьётся уже, наверно, по тысяче ударов в минуту...

Испуганный зрелищем, ужасаясь подспудно тому, что гигантское сердце того и гляди лопнет, залив всё кругом морем крови, мистер Лимен бросился наутёк.

Лишь когда остался позади шум и в окрестностях снова повисло безмолвие, он, тяжело дыша, приостановился. Тишина была полной. Казалось, слышно, как плещется лунный свет на пошатанных надгробиях, окружающих беглеца. Некоторые из них имели странные формы. Одного взгляда на них хватало, чтобы бежать от них прочь – на втором дыхании и на третьем и на десятом. После неизвестно какого по счёту броска, мистер Лимен выдохся полностью и сел, почти что упал у подножия одного камня, не зная, что делать дальше. Рука скользнула по вырезанным в граните буквам. Он не смог пересилить себя, чтобы не прочитать надпись, которая вынудила его похолодеть, хотя было непонятно, о чём она. «АЦИБАН». Не в состоянии больше бежать, он пополз на четвереньках.

Полз он до тех пор, пока не наткнулся рукой на книгу. Странная мысль, навеянная окружающей атмосферой, заставила его думать, что в этой книге он несомненно найдёт дорогу домой. Дрожа, он вытянул книгу из чавкающей глины под могильной доской, но на обложке была та же

надпись, что и на камне до этого – «Ацибан». В ужасе он бросил книгу на землю. Раскрывшись на середине, она продемонстрировала пустые желтоватые листы. Лишь косые полосы, перечёркнутые поперечными линиями, словно в школьной тетрадке-прописи, разноцветными были страницы. В отличие от школьных прописей, поперечные линии были одинарными.

Оторвав взгляд от книги, мистер Лимен стал наблюдать, как шевелятся статуи кладбищенских памятников. Чёрное существо выскочило из-за камня за спиной и, не давая оглянуться, схватило его за грудь...

Он проснулся в холодном поту.

Кошмары, сившие ему когда-либо раньше от соприкосновения с шерстью, ни разу не были столь насыщенными. Самое страшное, что мистер Лимен мог видеть в снах, – это выговор от начальства или гонку по запутанным коридорам к лифту, на котором он непременно успешно сбегал от преследующего маньяка.

Таких фантастических, ненормальных снов, как были сегодня, он не видал никогда в своей жизни. Гипоаллергенный плед, казалось бы, не годился ни к чёрту, но – странное дело! Состояние мистера Лимена отличалось от того, в котором он просыпался обычно. С одной стороны, это был страх. Огонь в камине горел, но во всех углах комнаты висела темнота, и он опасался пошевелиться, чтобы не увидеть чего-нибудь, в них таящегося. Дрожащей рукой он коснулся ушей, ощущал грудь – крови не было. Он был жив, лежал на своём диване, и в теле, как ни удивительно, ощущалась бодрость и полнота сил. Ни намёка на температуру, наоборот, приятная свежесть.

Остаток ночи он бродил из угла в угол, ежесекундно оглядываясь и вздрагивая, когда виделись чёрные тени. Свет был зажжён по всему дому. Мистер Лимен размышлял. Второй раз такого страха он не хотел. Но (сказал он себе внезапно) не было ли в этом состоянии чего-то... приятного? Нет, нет! Кто захочет бояться?

Утром он аккуратно свернул плед и повесил на спинку свободного кресла. День пролетел незаметно. Мистер Лимен чувствовал невероятно работоспособность, готовность, как в молодости, свернуть горы. Вечером он устроился на диване. Взгляд упал на новый плед.

– Нет, – сказал он себе. – Нет, нет и нет!

При этом он не мог отвести глаз от необычной расцветки. До чего же яркая и уютная. Краешком сознания всё ещё сопротивляясь, он снял плед со спинки кресла и развернул, любуясь.

Спустя четверть часа, он задрёмывал на диване, снова закутанный в тёплое клетчатое полотно с бахромой, и мысли текли вальяжно и сонно. Будь что будет.

Большой аквариум, где плавали крупные золотые рыбы, стоял перед ним. Плитчатый пол под ногами переливался отблесками воды, по-

FANDANCE

сылаемыми красноватым источником света с той стороны стекла, и алые блики прыгали на чешуе рыб, так, что они напоминали китайские фонари с плавниками. Свет бурел. Мистер Лимен оторвался от созерцания рыб, чтобы оглядеться, и обнаружил, что стоит на заброшенном пустыре под лучами заката. Чёрно-белая плитка, положенная без особой выдумки в шахматном порядке вокруг аквариума, была островком посреди бескрайнего поля жёлтой сухой травы. Сквозь стену стекла с водой отчётливо просвечивало теперь красное солнце. Темнело.

Что-то двигалось под ногами, но он не мог отвести глаз от золотых карпов. Те надувались, светясь изнутри, плавники становились короче, их распирало, и мистер Лимен внезапно понял, что бедняги уже не могут плыть, вместо этого они бьются в панике. Одна из рыбок прижалась ртом к самому стеклу, и в круглых глазах виделась страстная мольба, просьба выпустить её из багровеющей воды, пока она жива. Словно что-то подтолкнуло мистера Лимена. Он сел на корточки и выковырял незакреплённый квадрат мрамора из-под ног.

Стекло разбилось от первого же удара. Рыбы выплеснулись к его ногам вместе с тонной крови, в которую превратилась вода, и волна едва не сшибла его на землю, но мистер Лимен едва обратил на это внимание: он не мог отвести глаз от плазменного шара, не заслонённого теперь ничем. В центре багрового солнца зияла сквозная дыра, словно белый туннель в неизвестность. Что-то зашевелилось в туннеле, перекрывая свет, и внезапно из этой дыры высунулось кривляющееся лицо.

Бросив мрамор на землю, мистер Лимен, как и в прошлый раз, кинулся бежать куда глаза глядят, хоть на бегу говорил себе, что этого делать нельзя – он заблудится, на него нападут. Кто-то преследовал его по пятам.

Так он бежал всю ночь.

К утру он поскользнулся на золотой рыбе и, перелетев через кучу осколков аквариума, устался в глаза несчастного карпа. Обитательница аквариума билась в крови, задыхаясь. Из-под её чешуи сочилась прозрачная жидкость.

«Рыбка вспотела...» – думал мистер Лимен, вырвавшись из сна.

Идиотская фраза про рыбку преследовала его весь день. Два слова журчали в воде кранов, булькали в чайнике, шкворчали на сковородке с яичницей, слышались за речами начальников и подчинённых. Но в остальном ощущалась сверхъестественная работоспособность, и мистер Лимен уже не задумывался о том, что стоило бы убрать плед подальше. Второй сон был не настолько ужасным, как первый, больше похож на бред. Или он начал к ним привыкать? В любом случае, ради великолепно-го состояния по утрам можно стерпеть любые кошмары.

«Для пользы дела», – сказал он себе, разворачивая плед третьим вечером.

Третий сон сделал его участником экспедиции к жерлу вулкана. Часть отряда состояла из пленников, которых вели в жертву горе, но никто, кроме мистера Лимена, не был во всей компании человеком. К его счастью, он сам был жрецом, и свою задачу он выполнил с педантичностью и удовлетворением, принеся жертву по всем правилам, вспыхнувшим в голове.

Вечер за вечером проходили во снах. Одни длились целую ночь, другие – несколько часов. Плед открывал мистеру Лимену со всех сторон великолепный мир – дряхлый, трухлявый и ненормальный, но не лишённый очарования.

В этом мире не было ни законов физики, ни общественных правил, за исключением тех, что устанавливались жрецами. Здесь творилось не только всё ненормальное, что могло прийти на ум человеку, но оживали фантазии любых существ, будь они материальными, эфирными, огненными или совсем непонятно из чего происходящими. Черви сыпались с разноцветных небес. Земли меняли свои очертания. Время шло вспять и вбок, события переигрывались, причины и следствия нарушались и складывались в случайном порядке. Существа, населяющие моря и материки, бились в отчаянии, угнетённые ненормальностью своей страшной вселенной, и кажется, на весь мир один лишь мистер Лимен был тем, кто её не боялся. Он полюбил этот мир за его невозможность и собственную неуязвимость в нём. Его убивали – он просыпался. Глядя на умирающих обитателей своих снов, он смеялся, зная, что здесь он единственный, кто не станет кричать от ужаса. Но факт, который он узнал позже, до крайности огорчил его. Оказывается, вселенная вокруг схлопывается с катастрофической скоростью. Все события, возникающие кругом, невозможны именно потому, что ткань мироздания полностью разрушена – оно умирает. И что же будет тогда, когда здесь не останется ничего? Неужели сны прекратятся?

Уже много дней он листал эзотерические издания в поисках объяснений от консультантов по снам. В свободное от работы время, перед вечерним посещением своих снов, ходил по перспективным адресам, тратил деньги на приёмы безумных гадалок и хитрых экстрасенсов, которые ничего не могли ему посоветовать. А мир его снов продолжал умирать. Жители приносили жертвы вулканам, умоляя их продлить жизнь на их расщеплённых планетах, и вулканы старались выполнить эту просьбу, давая миру и мистеру Лимену ещё один день.

Однажды он решился сделать то, о чём ещё несколько снов назад и помыслить не мог. Записавшись на выходные на экскурсию к вулкану, выезжавшему не особенно далеко от его дома, он всю дорогу в автобусе выбирал жертву, а наметив подходящего подростка, познакомился с ним. По тропинкам вокруг вулкана они ходили вместе, но мистер Лимен быстро

FANDANCE

разочаровался, обнаружив, что жерло вулкана совсем не похоже на то, как выглядело во снах. Вместо озера кипящей лавы была огромная чаша, заполненная бурьяном. Ближе к её центру из редких щелей в траве вырывался дым. Казалось, возможности принести жертву вулкану не было.

— Осторожно! — окликнул экскурсовод в лёгкой панике нескольких человек, которые норовили спуститься погулять в жерле, невзирая на ограждения и предупредительные знаки. — Вернитесь, не надо! На дне кратера очень опасно!

— Вулкан взорвётся от щекотки? — громко сказал мистер Лимен, неожиданно обнаружив в себе умение шутить.

Кто-то засмеялся, но экскурсовод ответил серьёзно:

— Вулкан не взорвётся, но всё равно за ограждения выходить нельзя.

106

Прошу всех обратить внимание на предупреждения! В кратере дышать нельзя! Попав туда, вы задохнётесь в скопившейся углекислоте или будете отравлены ядовитыми газами. Вы не успеете даже выбраться на свежий воздух!

Когда они шли по крутому обрыву над кратером, где старое деревянное ограждение явственно подгнило, мистер Лимен как бы ненароком подвёл свою жертву к краю и незаметно для остальных крепко толкнул подростка в спину. За время своих странных снов под пледом он обрёл силу и чрезвычайную ловкость. Он считал, что это скрытый резерв организма, доступный обычным людям лишь в результате длительных тренировок, и сейчас этот резерв пригодился. Всё прошло как по маслу. Подросток с воплем покатился вниз по скользкому от дождя склону чаши прямоком в газовую ловушку. Мистер Лимен закричал в тот же момент, бросившись на сломанное ограждение с вытянутой рукой, будто пытался предотвратить падение своей жертвы. Он и сам нависал над обрывом так, что казалось, сейчас покатится следом. Сзади его схватили, стараясь удержать. Кто-то названивал в службу спасения. Всё было напрасно. Вулкан принял жертву, охватив её столбом дыма и языками пламени.

Испуганные, что сейчас начнётся извержение, экскурсанты понеслись прочь. Один мистер Лимен не бежал сломя голову, а быстро шёл рядом с экскурсоводом, помогая ему считать подопечных овец — бездумное стадо туристов, ломившееся к спасительному автобусу.

Вечером следующего дня, под пледом, он обратился к вулкану с просьбой послать ему в этом мире достойного консультанта по мистическим снам.

Помощь в спасении мира снов пришла с неожиданным звонком.

— Том! — ныла трубка. — Ты должен помочь мне, для меня это вопрос жизни и смерти!

— Иди к дьяволу, Гарпия! — рявкнул мистер Лимен, собираясь положить трубку, но сделать этого не мог — знал, что мерзкий шантажист способен втянуть его в неприятную историю просто от скуки.

Всё повторилось как в прошлый раз. Харпер ныл неустанно, корил мистера Лимена за то, что тот дал невыполнимый совет, жаловался на девушку.

– Мой совет был хорош, – отрезал мистер Лимен. – Всё зависит от того, каким тоном произносить те или иные слова. Уверен, что ты ревел как белуга и хныкал, словно хорёк.

– Почему как хорёк? – удивился Гарпия, на миг забыв про нытьё.

А потому что сновидцу под пледом виделись этой ночью хорьки. Они выползали из тёмных нор, пожирали существ его мира живьем и неустанно сопровождали трапезу крокодиловыми слезами. Один из хорьков добрался до мистера Лимена...

– А потому, – сказал он и мстительно стал выкладывать нытику тошнотворные подробности хорькового ужина.

Глаза Гарпии округлялись по мере рассказа. Похоже, он был не то что не шокирован смачными описаниями, но даже слушал их с особым удовольствием.

– Ты видишь такое во снах? – выдохнул он с благоговейной интонацией, когда бывший одноклассник понял, что хорьками Гарпию не проймёшь, и замолк.

– Да.

– Давно?

– С детства, – солгал мистер Лимен.

– Ну почему это можешь видеть ты, а не я? Ведь я же фанат жанра ужасов!

– Да ну? А как бы тебе понравилось смотреть в аквариум с кровью?..

Так неприятный вечер, который он очень надеялся провести без жертв (а будь в квартире вулкан или хотя бы камин, Харпер спустя час нытья был бы наверняка обречён), неожиданно принёс удовольствие. Гарпия проявил себя благодарным слушателем, а сновидец ощутил себя повелителем целого мира – не только того, но и этого, где ему внимали с большим восхищением.

– О-о... – шептал Гарпия, когда пробило полночь. – Какой ты везунчик, Том!

Снов хватило надолго, но не до утра. Отражения солнца пересыпались в стекле графина – единственной вещи в доме, которая имела иногда знакомство с водой, когда мистеру Лимену пришлось признать, что больше рассказывать нечего.

– Пожалуйста, обещай, что доложишь мне всё, что увидишь нового! Ты ведь сделаешь это, Том?

– Вот этого, боюсь, не получится. К сожалению. Мир моих снов умирует. Ему осталось несколько дней. После этого я, очевидно, буду спать без сновидений.

FANDANCE

– Как обидно, честное слово! Представь себе: всю жизнь я мечтал ходить по мирам кошмаров, без страха и боли упиваясь ужасом окружающих. Не было бы ничего интереснее, чем стоять на равных с Великими из Кадата, получать возможность у Йог-Сотота путешествовать по временам, не опасаясь при этом преследования гончих Тиндала...

Бессмысленные литературные имена и названия вызвали раздражение мистера Лимена. Идиот Гарпия сравнивает выдумки писателя с истинным, существующим, его миром, полным бестий, до которых ни один мозг не додумается!

– Если бы можно было спасти мои сны, тебе на стол лёг бы материал, готовый сделать тебя великим писателем, – прервал он излияния старого приятеля, в надежде вызвать у того ещё более сильную зависть и сожаление о судьбе мира кошмаров.

Но Харпер скорчил кислую мину.

– Писателем! Что за низкий удел гулять в пространстве несбывшегося! Да нет, я не из тех, кто раздаёт автографы толпе низменных людишек, увлечённых суетой и ерундой. Скорее бы я пустил ад на землю, если бы смог до него добраться, и даже знаю, как это сделать. Существует ритуал для слияния двух миров, описанный в древних манускриптах. Слушай, мы в самом деле можем спасти твои сны!

– Каким образом?

– Превратим их в явь!

– Что?! – вскричал мистер Лимен.

Нет, вовсе не из недоверчивости к обрядам и вызовам демонов он возмутился, поскольку в мире своих кошмаров приобрёл стойкую веру в жертвы и заклинания. Но соединить два мира – затея достойная сумасшедших людей! Пустив ад на землю, он потеряет достойное место в обществе!

– Я привык, что меня там съедают почти что каждую ночь, и не желаю узнать, как это чувствуется на самом деле!

– Но я знаю выход! – умолял Гарпия. – Мой ритуал вызывает демона, выполняющего желание. Демон не сможет сопротивляться – проси его о чём хочешь! Проси его, чтобы он сделал нас с тобой неуязвимыми, а мир вокруг нас – таким, как в твоих снах!

– Погоди... – остановил его мистер Лимен. – Дай подумать.

Что было хорошего вокруг него? Мелкие людишки, как тараканы, носятся там и сям, день за днём, год за годом. Что он получал от своих снов? Адреналин. Много адреналина. Такого, какого не даст ни выполненная работа с последующим повышением, ни внезапное приключение в ночном клубе, ни, пожалуй, прыжок с парашютом. Ночные клубы и парашюты опасны для жизни – какой смысл к ним приближаться? Да тыфу-тыфу! Рутинa и повышение – вещь полезная, но унылая. Удовольствие от похвал и премий длится недолго, это не подвиг, оно забывается.

Но был ещё диван с клетчатым пледом. Да, это вещь, которую жалко отдавать. Но в принципе, ради неуязвимости с вечным блужданием по просторам тоскливого, рушащегося мира, столь привлекательного, столь заманчивого и... нестрашного!.. Не стоило ли ради этого принести жертву? Поразмышляв, мистер Лимен решил, что готов положить на алтарь предстоящего удовольствия и величия самое ценное, что имел в своей нынешней жизни.

Наблюдая, как Гарпия чертит перед камином круги с магическими символами, мистер Лимен беспокойно оглядывался. Казалось, всё продвигается слишком здорово. Так, что в последний миг из углов непременно выскочат полицейские, скрутят руки ему и Харперу, и их обоих увезут в кутузку, как раз, когда они находились в паре шагов от цели. Но полицейские не выскакивали, рисование продвигалось, всё шло спокойно.

– Разве там не надо рисовать пентаграмму? – задавал он вопросы время от времени, и Гарпия отвечал на удивление терпеливо:

– Нет, пентаграммы и им подобные символы выдуманы людьми. Демоны же сами диктуют правила нужных обрядов, и эти правила не похожи на описанные в сказках.

– А где ты добыл настоящие правила демонов?

– О! Обожаю исследования всего таинственного! Давным-давно я устроился работать в хранилище крупной библиотеки – там столько всего... Некоторые заметки средневековых учёных совсем не похожи на традиционные веяния, они больше напоминают правду, гораздо больше, чем символизированные тексты, известные всем.

– Значит, крови кошек и младенцев не требуется?

– Нет! Ни в коем случае, если не хочешь вызвать демона в этот мир во плоти! Пока он скован цепями ада, он может являться лишь в меловой круг, за пределы которого выступить полностью не способен, разве что может дотянуться до чего-нибудь или заколдовать, наслать проклятье на любого человека и предмет в пределах видимости. Только если ты хочешь, чтобы он порвал свои цепи, обретя всю силу, какую имеет в своём аду, и обрушил мощь на нашу бrenную землю, – тогда можешь использовать кровь кошек, чёрных петухов и младенцев.

– Разве мы с тобой не этого добиваемся?

– Но мы пострадаем в первую очередь.

– А так он будет неопасен? – уточнил мистер Лимен, начиная сомневаться в обряде Гарпии.

– Нет, я заключу его в магические оковы особым знаком, который начерчу, едва только он явится перед нами и примет форму. Но не раньше. Знак надо писать после формирования демона, тогда над его текущей формой у тебя будет власть, и он не сможет ни уйти назад, ни выйти из круга, пока ты не сотрёшь этот знак и этим его непустишь обратно в ад.

FANDANCE

– И что за форму он может принять?

– Вот этого я не знаю, – вздохнул Гарпия. – Но ты столько видел, что тебя ничего не испугает, верно? Да и я готов ко всему – пусть хоть спрут, пусть хоть паук, пусть хоть чёрт с рогами! После прочитанных мною ужасиков это не впечатляет. Всё готово. Начнём?

Закрыв глаза, мистер Лимен постоял с минуту, затем выдохнул.

– Начнём.

Держа наготове мел для знака-оков, Гарпия нараспев продекламировал неизвестные земным языкам слова. Пламя в камине всколыхнулось, стало белым с синими языками у основания. Над начертанными кругами стал собираться дым.

– Сейчас он примет форму, – прошептал мистер Лимен.

– Тс-с, – осадил его Гарпия.

110

Несмотря на предосторожности, они пропустили момент воплощения демона. Всё произошло неожиданно: только что стоял пар и вдруг – существо получило форму. И при первом взгляде на эту форму оба культиста застыли на месте, позеленев от ужаса.

В двух шагах от них, ограниченное меловым кругом, возвышалось голое тело мужчины в позе и виде, каких не встречали авангардисты в самых тяжёлых своих наркотических сновидениях. Оно было повернуто к ним спиной, вверх ногами. Всё его положение напоминало «мостик», если бы туловище не подпиралось нелепо короткими ручками с растопыренными длинными пальцами. Внизу перевёрнутой спины острыми лезвиями торчали лопатки. Нижняя часть, ставшая в этой позиции верхней, опиралась на выставленные вперёд, словно паучьи ноги с короткими бёдрами и непомерно длинными голеньями. Прямо под ягодицами моргали два здоровенных глаза, число зрачков в каждом постоянно менялось – от двух до шести. Ниже, на уровне рёбер, щёлкал зубами широкий рот. И наконец, голова, приставленная к длинной шее, волочилась по земле сзади, подобно хвосту, дебильным лицом корча издевательские гримасы.

От этого зрелища Харпер забыл про мел.

– Чего дозываетесь? – спросил рот в спине, обращаясь к ошарашенному испугом мистеру Лимену.

Привыкший к любым зрелищам под пледом, мистер Лимен вернулся к тому состоянию, в котором смотрел самый первый из снов. Существо, если можно было назвать это именно так, невзирая на то, что такое извращение не могло существовать нигде, вызывало страх ещё больший, чем когда-либо он ощущал. Единственное, чем он сумел инстинктивно обезопасить себя, – это проблеять дрожащим голосом, указав на каменного от ужаса Харпера:

– Это не я, это он.

– Ах, он?

Так и не оцепленный защитным знаком, демон ловко, словно футболист – мяч, подкинул Гарпию ногой вверх, чтобы поймать ртом в спине. Смачно хрустя костями, он пережевывал жертву и, облизнувшись, снова обратился к мистеру Лимену:

– Ну а ты чего хотел? Кого вызывал и зачем?

Когда демон говорил, в его заднем «рту» через прозрачную плёнку там, где нёбная занавеска, было видно пузырящиеся органы. Мистера Лимена трясло и тошнило от зрелища.

– Красавец я, да? – отреагировал демон на его выразительно бледный вид. – Думаешь, я такой? У меня нет формы вообще. Я всегда принимаю отражение формы сознания вызывающего. И честно скажу, большего издевательства над человеческой плотью и сутью, чем у тебя, я ещё не встречал. Мозги в заднице, думать тошно. Где твоё желание, ничтожество? Ни один демон ада к тебе идти не хотел, тряхнули меня, а я даже своим адептам раз в двадцать призваний снисхожу появиться. Никто меня в лени ещё не обошёл. Так что загадывай, не тяни.

– Я видел сны... – пролепетал мистер Лимен. – Хочу, чтобы мир вокруг меня был под стать им. А я... я чтобы был неуязвимым.

– Хочешь? Сделаю. Прочти моё имя вслух три... нет, девять раз, и желание твоё исполнено... культист хренов.

Под задней ногой омерзительного монстра появился прямоугольный кусок бумаги. Чудище подвинуло его к мистеру Лимену, и тот, не сводя глаз с демона, поднял то, что оказалось похожим на визитную карточку, на которой было написано имя: «LazyWool».

– Лейзивул, – послушно прочитал он. – Лейзивул, Лейзивул, Лейзи...

Пока он произносил имя демона, шерстяной плед сполз с дивана, медленно, по-змеиному, оборачивая мистера Лимена. Яркие клетки становились крупнее, крупнее... Повторив имя в девятый раз, мистер Лимен против своей воли вытянулся в струнку. Бумажка сгорела. Перед глазами мечтателя о разрушении Земли встали множество лиц, искажённых безумным страхом, последним страхом, длящимся вечно. Некоторых он узнал по миру своих снов. Некоторых он однажды приносил в жертву, над другими же насмехался когда-то, глядя, как они умирают. Но он и сам сейчас был скован ужасом так, что не мог пошевелиться. Его тело, вытягиваясь до бесконечности, переплеталось с телами других. Сбоку от него мельтешил отдалённый зелёно-синий простор, не похожий ничем на картины рушащихся планет возлюбленной ему вселенной. Как и картины знакомых изломанных, искажённых земель, встававших на месте объективного мира, тот дальний простор наполнился существами, людьми, как и здесь, преисполненными ужаса.

Ничего не изменилось в комнате, кроме исчезновения её владельца да медленно лежащего на пол пледа. Как и навечно окружившие

FANDANCE

его существа из разрушенных пространств, мистер Лимен превратился в одну из неразрушимых шерстинок, вплетённых в шершавое полотно. Его поставили в ту из бесчисленных клеток расцветки, в которой содержится ныне разрушенный, древний и дряхлый, любимый им злобный мир. Желание было исполнено.

Длинные пальцы подпорки-руки демона подцепили плед за уголок, упавший на меловую окружность, и, волоча за собой ценный предмет, будто тряпку, он удалился в портал, возвращающий в ад. Пламя в камине вернулось в привычное состояние, бросая алые отблески на пустую комнату.

Лейзивул в самом деле считался самым ленивым из демонов ада и на грешную Землю ступал лишь иногда, по вызовам от различных дурных адептов. Обычно это бывали призывы, сулившие ему симпатичные приобретения.

112 В своих владениях он мог получить любую форму, и его внешний облик зависел исключительно от его собственного воображения, которое, впрочем, было ленивым, как и всё остальное в этом демоне. Вот почему он без особой выдумки принимал в аду вид нормального огненного чёрта – с рогами, хвостом, копытами, огромного роста, облачённого в то, что сумел прихватить у безмозглых культистов и школьников, вздумавших поиграть мелками. Бесплатно или в обмен на магические побрякушки, которые не выполняли желаний уровня выше, чем «чтобы училка меня сегодня к доске не вызвала», он обзавёлся крутыми кожаными штанами, кучей цепочек, а также чёрной футболкой с принтом огня и неpolitкорректной надписью: «Hell's me!» В этом «домашнем наряде» Лейзивул вечно лежал на багровой скале, балдея от лени, изредка отмахиваясь хвостом от зубастых птичек и летучих мышей. Но ничто из его вещей не могло сравниться со случайно добытым пледом.

Теперь, укрытый клетчатым символом лени и уюта, он лежит на своей скале и ловит кайф, просматривая кошмары людей-шерстинок, вплетённых в его основу. Но иногда сокрушается, что не изобрели ему до сих пор дистанционного управления этим пледом, – не слишком удобно тыкать пальцем по клеткам для переключения с одного мира снов на другой.

ВО ИМЯ АРТЫ!

*Холодные капли
С небес – на лицо...
Промокшие крылья
Залиты свинцом...**

Мир изменился. Я чувствую это в земле, в воде, в воздухе... Арта умирает. Медленно, будто угасая от продолжительной неизлечимой болезни... Арта... Куда подевались твоя красота и сила?

Мгновения сплетают узоры минут, часов, дней... лет. Года складываются в паззлы веков...

А я всё это время смотрю на мир, не в состоянии ни помочь ему, ни даже закрыть глаза и заткнуть уши, дабы отрешиться от происходящего...

Люди перевозят меня с места на место, выставляют в музеях, измеряют, изучают, восторгаются совершенством линий и пропорций... Не спорю, комплименты слушать приятно. Было... первые сколько-то там лет. Потом надоело. А после начало злить. Теперь я буквально закипаю от еле сдерживаемого гнева! Честное слово, так бы и взорвалась!..

Не будь я камнем.

Статуей.

Долбаным произведением искусства.

* * *

Отец... Я часто вспоминаю его. Сильные руки, обнимающие меня за плечи. Как он гладил непокорную дочь по голове, вместо того, чтобы ругать за очередное своеволие... Высокий, сильный телом и духом, он никогда не выпячивал своей мощи, не кичился ею. Старался быть как все.

Да только трудновато это для Майя. В кузнице, на охоте или в гуще сражения он был прекрасен. Вечно юный ангел смерти. Мы не раз вместе попадали в передряги, и отец всегда исправно прикрывал мне спину, но не защищал, как наседка перепуганного цыплёнка.

Увидев копну его каштановых волос и огромные чёрные глаза, женщины уже не могли их забыть... Странно, но он никогда не рассказывал мне о моей матери. Человек она или Перворожденная? За долгие века счастливой жизни в Аст Ахэ я так ничегошеньки и не узнала. «Гортхауэр надёжно хранит свои секреты...» – говорили Тёмные эльфы. Но не от родной же дочери?

* Здесь и далее – текст песни «Дай мне огня» группы «Вольная стая».

* * *

*Семь веков,
Из года в год,
Мёртвый взгляд
В пустой небосвод...*

114

Однажды – давным-давно – меня купили на аукционе. Не знаю кто. Понятия не имею где. Мне это не интересно. По барабану. Пофигу. Абсолютно. Целиком и полностью. Запаковали в мешок, долго везли по тряской дороге, потом заволокли на крышу здоровенной домины толстого чванливого аристократа. Как бишь его там? Графа Не-Помню-Мне-Плевать. С тех пор я, то смеясь, то впадая в отчаяние, то взрываясь невидимыми людям вспышками злости, то зеленея от апатии, смотрела, как граф-уродец и его не менее противные друзья прохаживаются по крыше дома, восторгаясь окружающими красотами (вид, хвала богам, и правда открывался замечательный), а навозторгавшись, поют хвалу радушию, богатству и художественному вкусу хозяина поместья. Расспрашивали, где-как-за-сколько он отхватил такую прелесть (в смысле, меня). Многие – брррр!!! – щупали, гладили, а некоторые откровенно лапали драгоценную статую (как же хотелось поотрубить сволочам руки!).

А когда очередная графская гулянка заканчивалась, меня на некоторое время оставляли в покое. Люблю вспоминать тихие ночи, свет звёзд и шелест леса далеко внизу... Только иногда вскрикнет птаха, пролетит мимо, хлопая крыльями, будто здороваясь, да отправится дальше по своим птичьим делам... Или завоет, закричит внизу волк, догоняя перепуганного зайца... Люди в тёплом доме вздрагивают, глубже зарываются в мнимую безопасность перин и подушек, иногда – поддавшись минутной паранойе – бегут лишний раз проверить, заперты ли двери и окна. А мне хорошо... Никто не мешает думать, мечтать... Будить зверя воспоминаний...

* * *

*Небо зовёт за собою,
Тучи укроют меня...*

Да, мой отец был великим магом, непобедимым воином... Но не он был светочем Аст Ахэ. Не он вёл нас к истине, к совершенству... Гортхауэр был просто первейшим, лучшим, самым талантливым учеником Крылатого.

Мелькор... Где ты теперь? Что с тобой?

Тюрьма за Гранью...

В обожжённых глазницах запеклась чистая-чистая кровь...

Твои прекрасные глаза больше не увидят света, цвета, движения... Ветерок так же шевелит листву вековых деревьев в лесах Старого мира... На полянах так же пасутся олени, а хитрые серые волки подсте-

регают добычу... И только ты ввергнут в непроницаемую чернильно-чёрную пустоту...

Плакать нет больше сил.

Я любила тебя...

Думала, ты будешь бороться...

И победишь.

* * *

Зачем? Зачем, зачем, зачем???!!!

Зачем ты принёс себя в жертву?! Ради кого? Эльфов? Они давно превратились в бледное подобие себя прежних. Отдали мир – твой мир, Арту, политую твоей кровью и потом – на разграбление младшим братьям. Людям. И последние воспользовались даром на полную катушку. Развернули бурную деятельность: заводы, машины, города, джинсы и дешёвое пастеризованное пиво, макдональдсы и шаурма. Вот на чём держится их так называемая цивилизация – огромная дурно пахнущая опухоль на теле Арты. Они убивают твоё детище, слышишь?! Рубят сук, на котором сидят! Как дети малые, ломают всё в неуклюжей попытке познать истинную суть вещей. И никто – *никто!* – их не останавливает. И Валар, и Майяр, и Первородные, кажется, наслаждаются, наблюдая длинный-длинный спектакль. А может, эта развесёлая компания давно обсуждает сценарий апокалипсиса? Может, Айнур уже приспичило спеть Вторую Песнь?

115

* * *

– Учитель, а что там, за гранью мира?

– Ох... Как бы тебе объяснить, Эльвинг... Ничего. Пустота.

– Неужели совсем ничего? Ничегошеньки? Ты же Вала... Ты же всё знаешь, всё можешь... Должны же быть где-то там другие миры, другие Арты?

– Всё может быть, девочка... Не знаю. Я не видел других миров.

– А откуда пришёл Эру?

Мы сидели в саду возле Аст Ахэ. Мелькор растерянно поглядел по сторонам. Будто искал ответ на небе, в деревьях, в траве... А я пыталась прочитать это в его бездонных глазах...

Внезапно будто из ниоткуда вынырнул отец. Позвал Крылатого в кузницу показать свои новые творения. И тот натуральным образом сбежал.

Я хотела что-то сказать, но только успела открыть рот, как их уже и след простыл.

* * *

*Небо одарит водою.
Дай мне огня!*

А потом началась война. И наши мечты развеяло по ветру, наши желания чёрной золой печали покрыли сапоги тех, кто называл себя Светлыми. Но мы не сдались, не покорились. Потому что просто не могли. Некуда было бежать, негде спрятаться, да и незачем: мы всю жизнь славили Арту, с самого рождения служили красоте! Мы не могли оставить то, ради чего пришли в этот мир!

И поэтому гибли. Страшно и бессмысленно, ибо силы с самого начала были неравны. Моя подруга Ойолоссэ пошла на разведку с отрядом и не вернулась... или вернулась. Это смотря как воспринимать произошедшее: молодые, горячие – многим не было ещё и трёх сотен лет от роду – разведчики ввязались в драку с превосходящими силами противника. Как показало вскрытие, Майя Оромэ приспичило поохотиться на нашей земле. Видимо, на сочных юных эльфиек... Когда её принесли домой, девушка походила на решето...

И это был лишь первый звон колокола гибели. С тех пор он не утихал. Каждый день мы недосчитывались одного, двоих... Пятерых, семерых...

А ты, Крылатый, ты, наш светоч, наша надежда, наш учитель, наш идеал? Что делал ты в то время? Не выходил из тронного зала... Не вставал со своего железного кресла, будто был прикован к нему наручниками скорби и безысходности... Не отвечал на наши вопросы, на наши мольбы... Не сочувствовал нашим потерям...

Понимаю, ты, должно быть, оплакивал своих детей, свои мечты... Но почему ты не стремился сохранить то, что осталось? Почему не повёл в бой тех, кто ещё мог поднять меч, когда поле перед нашей крепостью почернело от воинства Манве?

* * *

В тот ужасный день я в последний раз пришла в твои покои, уже больше похожие на древний склеп. Темнота оглушала, тишина сдавливала череп когтями хищника, довольно урчавшего в предвкушении... Но я не слышала, не видела, не желала понимать, что мой идеал превращается в гниющий труп...

– Учитель... Мы ждём тебя... Ты нужен своим детям...

А в ответ – тишина... Ты даже не встал из глубокого кресла... Зарылся в складки мантии, будто мог найти в них ответ на все заданные и незаданные вопросы...

– Крылатый, ну что же ты молчишь? Не бросай нас! Ты – наша надежда, наш лидер, наш бог! Выйди же и освети поглотившую нас тьму!

На твоём совершенном лице не дрогнул ни один мускул...

– Орды Манве штурмуют замок! Помоги! На кого ещё нам уповать? Ты будто окаменел...

– Ну уж нет! Мелькор!!! Ты, конечно, Вала, наш учитель и всё такое прочее, но там, – я указала в сторону начавшегося уже сражения за нашу твердыню, – там гибнут мои братья и сёстры! Ты обязан – *слышишь, обязан* – оторвать от кресла свою божественную задницу и спасти положение!!!

На секунду я даже пожалела о сказанном – прежний Мелькор в приступе гнева за такое мог и испепелить на месте, – но только на секунду...

Реакции – ноль.

Потрясла тебя за плечо... Сильнее, сильнее... Ты только ниже склонил голову...

Я нагнулась, чтобы заглянуть в твои изумрудные глаза, пытаюсь даже от самой себя скрыть, до чего боюсь увидеть в них пустоту... Ты отвернулся и – сказал одно-единственное слово, будто швырнул булыжником в розу:

– У-хо-ди.

Отчеканил. Холодно, обречённо. Три меча-слога пронзили мне сердце. Неужели тебе всё равно???

Я повернулась и вышла из комнаты.

* * *

Дай мне святого огня!

Стоя на крыше одной из самых высоких башен Аст Ахэ, я наблюдала закат нашей эпохи.

Это была не битва. Это была бойня. У нас не было ни единого шанса победить. Мои братья и сёстры умирали вместе с эпохой Великой Тьмы, эпохой Крылатого. Вместе с эпохой Мелькора.

Орда светлых эльфов играючи смяла нашу первую линию обороны и ринулась на стены. Стук приставных лестниц о древние камни крепости... Нашей крепости... Нашего последнего приюта... Крики ярости, боли, стоны раненых, хрипы умирающих... Торжествующие вопли победителей... Я видела это сотнями глаз. Провожала друзей и любимых в палаты Мандоса, обещала отомстить за их гибель – и возвращалась на поле брани только для того, чтобы вновь ступить на Дорогу Смерти...

Почему я не спустилась на линию обороны? Почему не бросилась на врагов с обнажённым мечом, надеясь подороже продать свою жизнь? Потому что знала: мои ментальные, психические способности принесут больше пользы. По крайней мере, пока. А там посмотрим.

Да и вообще, есть ли смысл тонуть в крови ради того, кто не верит в нашу победу? Того, кто бросил собственных детей на произвол судьбы? Куда, к чертям, подевался тот могучий demiurge, неустойчивый мечтатель и бесстрашный воин?

FANDANCE

Битва длилась и длилась... День сменялся ночью, ночь умирала в объятиях рассвета, а кровавая баня внизу и не думала затихать.

Странно... Я не видела отца с начала этого кошмара... Неужели он тоже спрятал голову в песок, как безмозглый страус, надеясь, что хищники его не заметят? Нет, такому не бывать. Гортхауэр не мог даже подумать о таком. Он просто не умел отчаиваться, всегда старался найти выход из самых сложных ситуаций.

Я отвлеклась от размышлений лишь на пару минут, чтобы «опрокинуть» тяжеленную осадную машину на голову наглому эльфёнышу, пытавшемуся втихомолку подложить взрывчатку в канализационное отверстие в стене, а потом очень удачно «поджечь» дерево упавшим из рук изнурённого защитника факелом. Светловолосый минёр повопил, похрипел – и затих. Минутная передышка. Уффф...

И тут началось.

В самой гуще сражения раскрылась огненная воронка. Портал. Отец! Кто же ещё! Гортхауэр – огромный и страшный в чёрных шипастых доспехах – выпрыгнул из пламени, размахивая своим знаменитым мечом. Светлые опешили, их ряды смялись, многие даже не успели сообразить, чья рука оборвала их казавшуюся бесконечной жизнь.

Но на этом сюрпризы не закончились. Вслед за отцом на захватчиков полились волны первозданного пламени творения. Ахэрэ! Духи огня! Вечные отшельники подземных глубин вступили в схватку с воинством Стихий Арты.

На некоторое время мне показалось, что весы судьбы склонились в нашу сторону. Поле брани будто превратилось в жерло вулкана. Светлые кричали в ужасе, пытаюсь не попасть под «шальную искру» наших неожиданных союзников. Защитники крепости, тоже испугавшиеся на минуту, возликовали, ибо пламя необъяснимым образом обходило их.

Но, увы, Валар и не подумали оставить нас в покое.

В битву вступил сам Ульмо.

Небо заволкли тучи, чёрные, как смерть. Они клубились, беснуясь в танце ярости. Через несколько минут началась гроза, равной которой я не видела за всю свою жизнь. Потоки воды хлестали, будто плети палача. Молнии без устали били в стены, поражая воинство Тьмы. Крики ужаса и хрипы умирающих вновь огласили наши ряды.

Ахэрэ дрогнули, свет их, казалось, померк – но Изначальные не отступили. Войско Манве редело, хоть уже и не так стремительно.

Увидев, что грозе нас не сломить, Ульмо бросил в битву собственную «гвардию» – водяных демонов. Эти похожие на огромных голубых осьминогов существа спустились в неба верхом на молниях и накинулись на наших «горячих» друзей.

Огонь и вода, красное и голубое слились в боевом танце. И мы, и светлые, засмотревшись на смертельно опасную красоту, прекратили

сражение – только уворачивались от огненных сполохов и острых как бритва струй дождя.

Гортхауэр заметил на периферии толстого, усатого, голубокожего Майя, бога воды. Тот наблюдал за битвой, подозрительно ухмыляясь. Не дав врагу учинить какую-нибудь гадость, отец напал на него. Два полубога метались в гуще борющихся чистых стихий. Их мечи – водяной и огненный – звенели, сталкиваясь.

Я спустилась с башни, намереваясь биться вместе с моим народом – ибо настало моё время, – и с головой окунулась в смертельно опасный водоворот стихий. Огонь и вода... Жизнь и смерть... Тьма и свет... Светлые оживились, наши тоже. Битва вспыхнула с новой силой.

Я разила направо и налево тех, кого при других обстоятельствах вполне могла бы любить, тех, с кем могла вести философские беседы за чашей вина или гулять по залитому лунным светом ночному лесу... Боги, ну зачем всё это? Ради Арты? Ради равновесия? Ради вашего пресловутого света и добра?

Получается, мы – монстры???

Чушь собачья!!!

Прорубив широкую просеку во вражеском войске, я добралась до отца, на которого уже наседали большой дружной толпой эльфы, пара голубокожих Майяр Ульмо и даже один водный демон, которому, видимо, больше было нечем заняться. Гортхауэр тяжело дышал, по его мужественному лицу ручьями струился пот.

– Привет, пап! – Мой меч забрал жизнь неудачно подвернувшегося молодого эльдара. – Помочь?

– Дочка! Как всегда, вовремя! – прокричал Майя, уворачиваясь от стремительной атаки голубого осьминога.

В последний раз мы сражались спина к спине. Вокруг свистели стрелы, звенела сталь. Наши мечи рассекали воздух, крошили доспехи, рвали плоть. Вода обжигала так, что пламя казалось почти холодным. Конец истории. Или начало? Армагеддон. Рагнарёк. Апокалипсис. Как ни назови, мир будто перевернулся с ног на голову.

* * *

Всё в этой вселенной рано или поздно заканчивается. Исчезает. Умирает...

Это был *наш* смертный час.

Большинство защитников Чёрного замка остались на поле боя. Отправившись в чертоги Мандоса...

Ворота – вдрызг. Внутри – мясорубка...

Потом – тишина. Оглушает...

FANDANCE

И понимаешь, что всё закончилось. Нет больше Чёрного замка. Пропал мой дом. Нет больше Тёмных эльфов. Перебили мою семью. Нет больше Мелькора. Исклечили мою любовь...

Отец... Где отец? В какой-то момент его оттеснили от меня – и больше мы не виделись. Жив ли славный Майя? Бли-и-ин... Лучше бы он пал, чтобы не видеть этого всего...

От нашего дома светлые не оставили камня на камне. Только руины – и разбросанные повсюду тела... Похоронить павших братьев и сестёр нам не дали. Сказали, что они станут славным обедом для воронов Оромэ.

Немногих оставшихся в живых сковали длинной цепью и увели непонятно куда. Бедняги бросали последний скорбный взгляд на руины, а потом, потупившись, убредали в позорную неизвестность.

120 Меня скрутили двое дюжих Майяр Ульмо. Многорукие синие уроды!

Разоружили, сковали руки-ноги. А потом один из них торжествующе произнёс:

– Пойдём, полукровка, пойдём... Сейчас покажем тебе представление века: как ваш так называемый «учитель» будет лизать сапоги Манве и вымаливать прощение. А потом ты нам расскажешь, куда подевался твой папочка.

Что значит «подевался»? Неужели отец сбежал? Бросил нас? Дезертировал? Не верю! Придурки – они на то и придурки, чтобы всё путать. А может, Гортхауэру просто удалось избежать плена – и сейчас он пытается нас спасти.

* * *

Никто нас не спас. Я до сих пор не знаю, «куда подевался мой папочка». Да и что уж теперь? Как кусок камня может исправить положение? Грустно...

Нет, чёрт! Нельзя! Нельзя предаваться меланхолии! Я должна помнить! Должна мыслить! А то стану камнем и изнутри тоже. Тогда уж – пиши пропало...

Тогда я в первый – и, блин, точно в последний! – раз в жизни преклонила колени перед победителями. Так получилось – очень уж точный был удар сзади по ногам. И снизу вверх смотрела на сияющий живой идол Света – Манве, что снизошёл на поле боя. Он лично хотел «поприветствовать» побеждённого брата. Только вот брат не ответил на приветствие. Крылатый шёл туда, куда его вели, – не задавая вопросов, не проявляя эмоций – словно агнец на заклятие.

Чуть позже я поняла, как велика его жертва...

*Холодные капли
Как иглы – в глаза...
Так солнце с землёю
Венчает гроза...*

Нас посадили на корабль и повезли в Валинор. Кажется, именно тогда я начала превращаться в камень... Просто сидела и смотрела на Мелькора. Ветер шевелил наши волосы, сплетал из них причудливые узоры... Жизнь продолжалась. Просто нам пришла пора покинуть этот мир.

Ступив в первый раз на благодатную землю обители Стихий, я не почувствовала ничего. Ничегошеньки. Меня будто выжег изнутри первозданный огонь, а пепел вымыли потоки дождей. Или, скорее, слёз. Только вот плакать сил уже не было...

121

Потом был суд. Крылатый предстал пред тронами Владык Арды.

Они задавали вопросы. Он молчал.

Они обвиняли. Он смотрел в небо.

Они огласили приговор. Ветер шевельнул полы мантии мятежного Вала...

Я не видела, как его ослепляли. И хорошо. Не выдержала бы. Вырвала бы сердце из собственной груди и швырнула бы под ноги Манвествятнику... Зачем? Пусть бы растоптал заодно, а то жётся слишком...

Я не видела, как в первый и последний раз открылись и закрылись двери темницы за Гранью мира. Не видела, как Мелькора опутали крепчайшей цепью работы самого Ауле. Не видела, как он шагнул туда – и исчез.

Но с точностью до секунды почувствовала, когда это случилось. Мир перед глазами померк, а сердце будто пронзило тысячью игл...

А потом «длинная рука правосудия» добралась и до меня. Меня превратили в статую, чтоб служила «назиданием для непокорных».

Хорошее оказалось заклятие, долговечное. Сколько уж лет прошло? Не помню. Но никто уже не вспоминает Мелькора и Детей Тьмы. Потому что помнить некому. Настала эпоха людей, а у них память, как и жизнь, очень короткая.

*Чтоб сменить
Небесный ход!
И тогда
Оно оживёт!*

Стою на крыше невообразимо огромного дома – десятки этажей. Десятки десятков. Небо близко... Кажется, рукой можно дотянуться...

Кто меня сюда притащил? Зачем? Не помню... Слишком много я теперь не помню...

Вокруг – четверо. Таких же, как я. Каменных. Кто они? Друзья? Враги? Тоже жертвы обстоятельств?

122

Внизу кипит жерло вулкана – мегаполис. Кратер человеческих судеб, страстей, стремлений. Дающий жизнь и отнимающий. Дарящий мечту и растаптывающий её в прах.

Наверху – небо... Гроза. Странная... Будто жидкий свет...

Омывает, освежает, преображает мир вокруг. И меня вместе с ним. Мысли становятся чище, взгляд – яснее.

И я вижу...

Как одна из стоящих по краям крыши статуй начинает *двигаться*. Маленькая, хрупкая с виду девушка с длинными волосами словно потягивается, пробуждаясь от очень долгого сна. Дождь раскрашивает её лицо: светло-розовая кожа, серо-стальные глаза, белые-белые волосы... и тело, и алое, как заря, платье... Страсть и наивность в одном флаконе... Будто юный леопард готовится к первой охоте...

Оживает вторая статуя – на противоположном конце крыши. Высокая, крупная молодая женщина. Мать-воин. Большегрудая, но не полная. Волосы коротко подстрижены смешным «ёжиком». Из одежды – чёрная майка и штаны защитного цвета. Змея – опасная и красивая... Отряхивается, сбрасывая вместе с каплями куски старой – каменной – кожи...

Третья – маленькая, коренастая. Как и первая, скорее девушка, чем мать. Очень похожа на гномиху, но не гномиха. Разглядывает собственные руки, потом трогает ими лицо. Подставляет лицо под воду, пьёт. Разминает суставы. Как боксёр перед рингом.

И наконец четвёртая – тоже блондинка. Волосы жёлтые, как лучи полуденного солнца. Глаза – голубые, как воды наичистейшей реки. Формы – округлые, но не слишком. Мать, как и вторая. Чудо-дождь так быстро смывает с неё налёт каменного плена, что женщина успевает только открыть глаза, глубоко вздохнуть и улыбнуться – навстречу новому миру.

А потом начинается самое интересное.

Женщины спускаются с постаментов, на которых стояли, будучи статуями, сходятся в центре крыши, образуя вокруг меня «хоровод», и берутся за руки.

За спинами у Четверых – как по команде – начинают раскрываться крылья. Чёрные, кожистые. Огромные. Сильные.

Я – практически под куполом. Чёрным... Бордовым... Красным. Алым! Как кровь. Как сила. Как жизнь.

Огонь!!!

Зарождаясь где-то наверху (вероятно, там, где соприкасаются их крылья), он пронзает всё моё существо, уходит в землю – и возвращается сторицей.

Тепло... В сердце...

Каменная «кожа» отходит тяжело – еле-еле, словно нехотя, кое-где – с кровью и кусочками настоящей шкурки. Но это ничего. Мне не привыкать. Сбросив оковы, я буквально воспарила на крыльях их совокупной мощи – и только тут поняла, что у меня за спиной тоже развернулись чёрные, кожистые, сильные – *крылья!!!*

А дождь продолжал поливать нас чистой энергией бытия...

* * *

В ту же секунду я всем своим существом почувствовала *присутствие*. Ощутила *их*. Вечно юные, вечно изменчивые и постоянные, конец и начало этого мира, его боги и демоны, демиурги и разрушители – Ахэрэ, духи огня. Они не испарились, не вымерли, не стёрлись в порошок на мельнице времён. Да ещё и зачем-то освободили меня. И не только освободили, а вылечили – телесно и духовно – и наделили новой силой.

Зачем я вам? Ответьте!

– Так было предначертано свыше ещё до Первой песни. Ты должна совершить свой последний поход. И мы тебе поможем.

* * *

Небо зовёт за собою!

Тучи укроют меня!

Подо мной – бурлящий поток. Воспоминаний, мыслей, чувств. Силы. Огня! Сотни, тысячи... Десятки тысяч ахэрэ буквально вырастают из стен высотки, на которой я стою. Бетонно-стеклянная колонна превращается в пламенный столп.

Чуть позади меня, по обе руки – старейшие, мудрейшие, сильнейшие из Огненных. Мои соратники. Друзья. Эмиссары.

Сила, поднимаясь из земли, скручивается в тугую спираль. В копьё. И я – его острие.

Значит, мне его и направлять.

– *Вперёд!!!*

FANDANCE

* * *

*Небо одарит водою...
Дай мне огня!*

Взлетаю. Небо за мной горит. Не знаю, метафорически или буквально – не разобрать.
Курс – на Валинор.
Я должна...

* * *

Вы спросите зачем? Почему? Ведь он предал меня, своих детей, свой мир? Позволил разрушить то, что мы любили больше жизни?

124

Не знаю, отвечу я. Может, я так и осталась наивной дурочкой, а может – просто не научилась любить. Но я устала жить без его зелёных глаз – это факт.

* * *

Дай мне святого...

Огня!!!

Мы – Огненное копье – летим в немом сосредоточении. Ни слова, ни звука – только потрескивание пламенной кожи-брони ахрэ.

Я – острие. Сильная, напряжённая. Свободная! Наконец-то свободная!!! Стараюсь не задаваться вопросом – кто летит за мной? Кто эти четыре, что оживили меня своей энергией? Что им нужно? Они молчат. Пока. Что ж, остаётся с благодарностью воспользоваться подаренной возможностью отомстить...

Внизу проплывают горы, проносятся серебристые ленты рек. Зелёные ковры лесов сменяются серым цементом городов, а потом – голубой бездной моря.

Скоро. Совсем скоро мы ступим на Прямой путь. И тогда легенды оживут. Уверена.

* * *

Небо как-то незаметно стало сказочным, кристально-голубым. Облака исчезли. Как и лёгкий ветерок, ещё секунду назад гнавший волночки по сине-зелёной морской глади.

Прямой путь.

Дорога в одну сторону.

Отступать теперь некуда.

Словно желая сама себе доказать очевидное, я оглянулась – и сквозь огненную пелену увидела сине-зелёный шар. Арту. И шар этот всё уменьшался...

Эльфы говорили: «Нельзя смотреть назад, пусть даже на прекрасное прошлое». Стараюсь, но не получается... Я столько десятков-сотен лет только и делала, что вспоминала... А теперь мой дом, моя родина позади. Навсегда.

Странное чувство. Чем-то похоже на смерть. Как я её понимаю... Именно в тот момент заговорили мёртвые.

Старый мир шёлка и стали, коней и свободы, водных просторов и парусных кораблей – утонувший в стекле, металле и серости эпохи чело- века – воззвал ко мне голосами Четверых:

– Кольца власти (те, что сохранились) у нас. Мы – наследницы лучших воинов твоего отца.

Какие такие Кольца власти? Что я пропустила?

– Несколько Эпох, госпожа. Гортхауэр искал тебя до самой смерти. И отходя в палаты Мандоса, завещал нам продолжать поиски.

Отец? Искал меня? Значит, он выжил тогда?

– Не просто выжил. Саурон стал ключевой фигурой следующей Эпохи. Это он создал Кольца власти. Вообще-то, раньше нас было де- вять. Но в Войне Кольца пятеро отошли в лучший мир.

Зелёным пятном пронёсся под нами Тол Эрессеа – залитый сол- нечным светом Одиноким остров. Впереди начали проступать неясные пока очертания Чёрных гор.

– Раздавленный скорбью по исчезнувшему миру, неистово желающий его вернуть, твой отец обратил свой взор в глубины столь мрачные, столь чёр- ные и грязные, что не отмылся до конца жизни. Гортхауэр сошёл с ума. Под ко- нец Великий создатель мог только разрушать и уродовать. Мегакольцо было последним его творением – и самым страшным, ибо стало причиной смерти тысяч и тысяч разумных существ. Началась Война Кольца с того, что...

Четверо рассказывали долго. Держу пари, вы, дорогой читатель, зна- ете эту историю.

А тем временем на горизонте показалась огромная Арка. Врата Валинора.

Мы добрались. До первой преграды. Гавань охраняли несколько десятков кораблей телери – прекрасных, как и их экипажи. Только вот по- любоваться совершенством бессмертных корабелов нам не дали.

– Огонь! Огонь! Огонь! – эхом разнеслось над водой.

Небо впереди заслонила летящая в нас туча стрел. Но... Ещё миг – и дерево охватил огонь. А после огонь – бессмертный, всеблагий и проклятый – охватил и наших противников. Гавань наполнили крики ужаса и боли. Каждый из них клинком пронзал моё сердце: не могу... не могу уничтожить красоту!

– Так вы же тут ни при чём, госпожа, – видимо, прочитав мои мыс- ли, откликнулась одна из четверых – та, что с «ёжиком» на голове.

Внезапно осенило: Лианна. Кажется, мы были знакомы... Даже дружили... Давно. В другой жизни...

FANDANCE

Выходит, эти Четверо тут не случайно!

Гавань мы выжгли дотла. За полчаса. Улетая с места побоища, я изо всех сил старалась не обернуться и пореже дышать – чтобы не ощущать чудовищную вонь горелого мяса... И пыталась убедить саму себя в своей правоте: в том, что цель оправдывает средства. Что есть ещё, за кого бороться...

Кровавая корка на месте зелёных кинжалов-глаз... Белые-белые тонкие руки с обломанными ногтями судорожно вцепились в непобедимый металл цепи...

Но Крылатый не сломлен. Даже обессиленный, терзаемый, ослеплённый – он не сдастся. Потому что есть ещё, за что бороться. За кого. Есть ещё, для кого жить и творить!

Верну его миру – и всё снова станет хорошо... Наивно? Согласна. 126 Только вот вера всегда наивна. Ибо чрезмерная разумность порождает ненужные сомнения.

* * *

Мои сапоги коснулись древних камней Запретного острова. Нервы натянулись струнами. Что дальше? Тишина оглушала...

– Дальше – долгая дорога к Двери Ночи, – вновь подала голос Лианна. – Надеюсь, попутчиков у нас не будет.

Красота дворцов и садов портового города не поражала, не удивляла, нет – я за секунду подседа на неё, как смертный на иглу. Казалось, больше не смогу жить в грязном, тёмном, уродливом мире за пределами «рая».

На выходе из города нас не встретили. Исчезла недрёманная стража Тириона на Туне. Мы беспрепятственно прошли по великолепным до дрожи равнинам Валинора, мимо сверкающего Таникветила, мимо прячущейся за высокими горами роскоши Валимара...

В трепетном молчании миновали грозный Эзеллохар. А потом – дальше и дальше, не нуждаясь ни в еде, ни во сне... Наш марш прекратился лишь на Последнем берегу.

Серый, тоскливый пейзаж. Пустота.

И тут из-за скрывавших Валимар высоких гор пробухал громовой раскат. За ним второй, третий...

Ловушка захлопнулась. Только вот кто в неё попался – это мы ещё посмотрим!

Когда на горизонте показались шеренги эльфийского воинства, я поняла: это не гром был, это их шаги... Гигантской приливной волной затопило долину перед нами. Или за нами... Не важно. Серебристой, древней, молчаливой. Готовой на всё.

Но, увы, мы тоже не поздороваться пришли.

Огненное марево за нашими спинами всколыхнулось, стало ярче... Ахэрэ строились в боевой порядок. Я подняла вверх сжатый кулак, призывая к спокойствию.

Ряды эльфийского воинства расступились, пропуская вперёд величественного высокого собрата на прекрасном белом коне.

– Приветствую, чужеземцы! Я – Фиюнве, герольд великого Манве, и я пришёл передать вам Его слова: не делайте этого! Не открывайте дверь! Иначе мир снова погрузится во тьму! Пожираемый злобой, Бескрылый захочет уничтожить Арду – и, возможно, у него это даже получится! Ибо беспредельна сила Моргота, как и его ярость!

– Во-первых, он Крылатый, всегда им был и всегда будет, – ответила я, также выйдя перед строем. – Во-вторых, и тебе привет. В-третьих, хотите нас остановить – попробуйте.

* * *

На секунду все застыли. Красное море – напротив золотого. Солнечные зайчики множилось, прыгая по древним эльфийским доспехам. От воинства ахэрэ поднимался лёгкий дымок. Мои эмиссары, мои проводницы, советчицы, освободительницы – Четверо тенями возникли за спиной.

– Ты и только ты должна открыть Дверь, госпожа, – вновь заговорила Лианна. – Ибо тебе одной это под силу. Только тебя томящийся по ту сторону не сотрёт в порошок в первую секунду после того, как увидит. Наверное...

– Спасибо, подбодрила, – усмехнулась я. – Что ж, приступим!

Лианна протрубила в рог – и наши огненные воины бросились пополнять палаты Мандоса. Я же стрелой взлетела навстречу ветру – и своей судьбе – туда, где в тучах, чёрных как само Ничто, таилась Дверь.

Небо. Воздух. Ветер в лицо. Крики. Стоны. Шипение – плавится металл, горит плоть. Внизу красное и золотое смешались в смертельном водовороте. Впереди – Дверь. Ободок черноты – пустоты – в яркой синеве.

Внизу в красно-золотое море влились синие реки. Демоны Ульмо! Оссе верхом на волне – из ниоткуда. Выкосил в наших рядах просеку. Зараза!

Но сейчас это не моё дело. Их подвиг, их кровь, их гибель даёт мне время. Время закончить начатое. Чтобы их жертвы не были напрасными. Я должна. Я смогу. Я...

Стянув из окружающего пространства большой кусок энергии, я сформировала золотой шар – не файербол, но почти – и швырнула его в Дверь со словами:

– Во имя Арты! Откройся!

Ничего. Только свет золотой пылью осыпался на головы сражающимся.

Я снова сформировала шар, снова долбанула им об Дверь.

– Свободу Крылатому! Откройся!

FANDANCE

Кажется, кто-то когда-то говорил мне, что существует заклинание, открывающее все двери... Но это было так давно... Одно простое слово...

– А ну стой, дура!

Далеко внизу по зелёным холмам Благословенного края ко мне мчался... Гэндальф Серый! Или, если быть точной, Майя Олорин. Размахивал мечом и посохом да орал как умалишённый. И как я его только слышала?

– Стой, во имя здравого смысла! Во имя всех богов всех миров! Он разрушит Арду, и никто его не остановит!

Бла-бла-бла. Хорош есть мне мозг! То же самое вы, светлые уроды, твердили в годы Войны Гнева. Думали, я забыла?

Олорин не успел добежать. Сформировав самый большой и самый золотой энергетический «файербол», на который была способна, и путив его в Дверь, я громко и чётко произнесла:

– *Мэллот!*

И Дверь начала... Не открываться, нет. Исчезать, открывая моим сгорающим в пламени Междумирья глазам вселенскую черноту истинного Ничто... Последнее, что я видела, – жажда крови в пустых гляделках бывшего бога...

Александр СКУРИДИН
г. Севастополь, Крым, Россия

МАТЬ-РЕКА

К вечеру похолодало. Николай растопил жестяную печурку, и палатка быстро прогрелась. Он всматривался в мельтешение огня в топочном отверстии и думал о своей жизни. Николаю, вдруг, пришли на ум есенинские строки: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», и грусть острым ножом полоснула по сердцу.

Нет! Жизнь не приснилась, она была, своя, как у каждого человека, наполненная личными, далёкими воспоминаниями детства, зрелости. Это сейчас она как бы приостановилась, зависла, видимо, перед тем, как начать новый виток, новый разбег...

Жили Климовы в заполярной деревне Вертлуги, которая расположена на берегу великой северной реки Печоры. Бытие здесь тихое, неторопливое, как течение полноводной реки.

В любой деревне в те годы обязательно имелся хотя бы один колдун или колдунья. Знания ведовства шли из глубокой старины, передаваясь из поколения в поколение. Океан ещё неизученной наукой энергии жил своей, особой жизнью, активно вмешиваясь в физический, видимый мир. Тот, другой, Тонкий мир вмещает в себя всё. И если познать законы управления им, то можно действовать и в видимом мире безошибочно, изумляя окружающих, не умеющих выйти за пределы физической природы.

Колдуны различаются на два типа: белые и чёрные, впрочем, как и все остальные люди. Вернее, всякому человеку изначально даётся выбор: принять светлую или тёмную сторону жизни, и выбор этот он делает каждый день, каждый момент времени.

Дед Николки Касьян был очень известным потомственным колдуном, успешно сражавшийся против чёрных своих собратьев. Он являлся главой самой лучшей и благородной части ведовства, непонятно-жуткого для непосвящённых древнего ордена тайного знания.

«Мы – ведуны и ведуньи, – рассказывал дед Касьян внуку, – исчисляем свой род от славных ариев». – «А кто такие арии?» – спрашивал малолетний Николка. «Народ столь старинный, что о нём и позабыли вовсе». – «Вы, тятя, мне мальчика не сбивайте», – проявлял своё недовольство подобными разговорами отец. «Эх, Лёшка, быть Николке моим преемником», – усмехнулся, помнится, однажды дед. «Не бывать тому!» – крикнул, багровея, отец. «Судьбу, Лексей, не переиначишь...» – тихо ответил Климов-старший.

– Хочешь быть ведуном? – спросил однажды дед Касьян напрямик у любимого внука.

– Колдовать? Да ни в жисть! – честно признался мальчик, хотя ему в чём-то и нравилась эта тайная, скрытая от всех дедовская деятельность.

– А глазёнки-то зажглись! – с удовлетворением отметил дед и добавил строго: – Ведать, сие означает – знать. – И зашёлся булькающим смехом, сильно напугав отца Николки, боящегося того, что «малец может пойти по стопам» деда-колдуна.

В то, памятное, лето дед Касьян сказал однажды вечером сыну и невестке:

– Мы с Николкой поедem на зимовье, хочу напоследок его посетить.

– Что вы такое говорите! – всплеснула руками мать и добавила: – Да вы ещё всех нас переживёте!

– Нет, Клава, я твёрдо знаю: близок мой срок... – ответил старый колдун.

В горнице нависла тишина, только малолетний кот-игрун теребил возле печи прутья веника.

– Кыш, варнак! – закричала мать на кота и тихо пробормотала: – Тоже мне, умиральщик...

Но и она, и её муж понимали: дед Касьян подобрался к предельному и дальше ему вряд ли проскрипеть. Шутка ли, колдуну пошёл девяносто четвёртый год!

Что и говорить, жили Климовы под попечительством Касьяна как у Христа за пазухой. Все трудности послевоенных годов как-то обходили их избу стороной. Алексей и Вера работали в рыбацкой артели, числились на хорошем счету у начальства. Это всё потому, что дед Касьян лечил не

FANDANCE

только местную деревенскую «головку», но и вернул к жизни жену «самого» первого секретаря райкома партии. А в шестьдесят первом году, в аккурат денежной реформы Хрущёва, и родился их младшенький сын...

Николка выгребал потихоньку по течению, посматривая по сторонам, радуясь тому, что дед затеял эту поездку, давно хотелось ему побывать на зимовье, сидеть вечером у костра, слушать негромкий говор леса.

– Дедушка, расскажи о Тургае, – попросил он, завидев огромный, мрачный, настороженный утёс, у подошвы которого находился всем известный бездонный Тургаев омут.

Конечно же, мальчик, как и все в деревне, давно знал это сказание. Учитель Василь Фёдорыч отозвался однажды о нём, правда, не совсем понятно: «Романтико-поэтическая легенда...» Это когда Николка ходил с группой школьников на вершину утёса, где найдены были наконецники стрел и ржавый иззубренный кривой нож. Но ему хотелось ещё раз послушать о победе Матери-реки над грозным великаном именно от деда – очень уж тот хорошо рассказывал об этом.

– В старые-престарые времена, – начал дед Касьян, – поселились здесь, по берегам реки, люди, занимались они охотой, рыбной ловлей и землепашеством. Хорошо они жили, ни богатеев, ни царских слуг в этих местах и в помине тогда не было.

В омуте, который мы сейчас проплываем, обитала сама Мать-река, давшая жизнь Печоре, другим речкам и ручьям, впадающим в неё, озёрам, родникам и болотам по всей округе. Не любила она только, когда в её омуте рыбалили. Заметит лодку, поведёт плечами – налетит волна и гонит незадачливого рыбака подальше.

Старики говорили: «Видели мельком Мать-реку – белая такая, в серебряном чешуйчатом платье, а глаза – что омут. Кто в них долго глядеть станет – окаменеет». Ну, короче, поняли люди, что не надо ей мешать почём зря, да и зачем, когда рыбы и в других местах вдоволь?

Но вскоре по-другому всё пошло: из дальних южных краёв явился великан Тургай. Увидел он просторы, на которых полновесно наливались морошка и голубика, богатые рыбой ручьи и реки, полные зверья и птицы леса и задумал известить в здешних местах род людской. Ягодные места он затоптал, деревья повывёргивал, ручьи и малые реки позаваливал землёй и камнями. Сникли весёлые песни. Пустынно стало на берегах Печоры: кто куда мог, туда и попрятался. Однако нашлись храбрецы, которые отворяли засыпанные родники, расчищали ручьи, отчего сильно гневался Тургай, ещё пуще бесновался. Долго так продолжалось. И понял великан, что надо победить ему вначале хозяйку вод.

Пришёл он однажды к Печоре, кинул в омут огромный валун. Показалась Мать-река, спросила:

– Что тебе надо? Зачем ты пришёл сюда?

– Я пришёл задушить тебя, жалкая Большая Рыба! – закричал Тургай и протянул к ней огромные, волосатые руки.

– Безумец! – ответила Мать-река. – Разве можно задушить саму жизнь? – она глядела прямо в глаза великана.

Тургай сделал ещё один шаг, к самой кромке воды. Вот-вот, казалось, схватит он Мать-реку, и захохотал великан оглушительно, предвкушая победу. Только смех его становился всё тише и тише, и руки, не дотянувшись до Матери-реки, обвисли, а сам он превратился в камень...

Николке после рассказа деда сделалось немного жутко. Сбоку утёс на самом деле напоминает огромную фигуру, вон даже руки видны. Что, если Мать-река всплывёт сейчас и посмотрит в глаза его, Николки, и деда Касьяна?.. Кому хочется в булыган превращаться?.. Николка приналёг на вёсла. Сказка сказкой, а всякое может стать.

К примеру, Акулька-блажная, раньше, четыре года назад, красавицей была, всем на загляденье. Жених у неё тогда в Печоре утоп. Вот и побежала сгоряча Акулька в Тургаев омут бросаться, да после нашли её на берегу, блажной, – слова путного не добьёшься. Так вот, эта Акулька каждое лето в день гибели своего жениха под утро приходит с венком цветов на голове.

Клим Воронов с Петькой Сажиним прошлым годом за ней увязались посмотреть: что она там делает? Присели они за кустами, а Акулька на Тургаев утёс вззошла, руки вперёд вытянула и закликает замогильным голосом: – Мать-река!.. Мать-река!.. Покажись мне!

Тут, как Воронов и Сажин рассказывали, в утреннем тумане действительно что-то стало над омутом расти, серебряной чешуёй блеснуло. Климка с Петькой ноги в руки...

Когда проплыли страшное место, Николка подумал, что всё это враньё, выдумки, да и разве среди белого дня с дедом можно кого-либо бояться? Любил он деда Касьяна – старик никогда не заругается, как отец, если он, Николка, набедокурит, вздохнёт только жалостливо, погладит по голове и скажет:

– С моим скучным Алёшкой тебе не сладко. Твоя душа простора просит...

Подросток уснул мгновенно, как в полынью провалился. Привиделась ему Вера – идут они, взявшись за руки, берегом реки, легко им и весело, а впереди неведомые огни, кажется, недалеко до них, рукой подать. И вдруг из Тургаева омута поднялась белая фигура в серебристой чешуе. Николка так и обомлел: «Мать-река!..»

– Да, это я, – зазвучал гулкий голос. – Это я, дающая жизнь... Смотрите мне в глаза!

– Не смотри на неё, Вера! – закричал Николка, заслоня собой девочку, чувствуя, что вот-вот окаменеет.

FANDANCE

– Молодец, Николка! – засмеялась, словно колокольчик зазвенел, Мать-река.

Она исчезла, и огни растаяли, и Вера пропала, точно и не было её. Хотел закричать Николка, да проснулся, глянул по сторонам – где дед? Выскочил из зимовья, увидел на берегу Печоры старика, хотел окликнуть его, да передумал. А дед, вернувшись, пробормотал непонятно, что: «Хороший Хранитель реке требуется...»

Вскоре после этой поездки дел Касьян почувствовал явственное приближение костлявой. Он сильно ослабел и отказывался от пищи...

И вот он умирал. Это было медленное, мучительное угасание. Отдать последние почести своему патриарху, известному во всей Большеземельской тундре, приехало множество белых и чёрных колдунов и колдуний. Чёрные прибыли всецело из-за уважения – неприязнь и даже затаённая ненависть оставлены – умирал всё-таки их собрат. Все они пришли на последний поклон к Касьяну – близкие родственники лишь шарахались при лицезрении столь прославленных «особ», но препятствовать им в этом боялись. Конечно же, необычный «десант» вызвал переполох в Вертлугах, матери строго-настрого приказали своим детям и не высовываться на улицу. И сами они, напуганные, сидели в избах, молясь Николаю-угоднику: «Помоги, отче праведный, защити...» И мужики, из тех, кто не занят был в рыбацкой артели, старались не подходить близко к той окраине деревни, где проживал Колдун. Касьянова изба находилась на самом отшибе: прямо за ней начинались заросли кустарника, а дальше, куда взор ни кинь, – простор.. Напряжённое ожидание развязки жизненного пути Климова-старшего подогревалось ими самогонкой, и бабы не зудели при этом докучливыми мухами.

И лишь Никодим, поп-расстрига, бывший вертлугинский батюшка, залив с утра очи, осмелился притащиться к Касьяну.

– Эй, нехристь! Нечистая сила! – горланил Никодим. – Дай-ка взгляну на тебя, предстоящего пред Господом нашим. Эй, вороньё! – рывкнул он. – Расступись!

Колдуны и колдуньи угрожающе заворчали, но из избы слабо послышалось:

– Пропустите его.

Никодим ввалился в горницу, где лежал умирающий Колдун.

– Что, соборовать будешь? – насмешливо спросил дед Касьян.

– Не дадено мне нынче сие право, – ответил расстрига. – Но Бога я чту и знаю: гореть тебе в аду. Покайся, пока ещё есть время. Вот тебе честной крест! – Бывший иерей сунул в постель Колдуну медное распятие.

– Спасибо, Никодим, за заботу о моей душе. Только знай, что гореть и тебе придётся, – произнёс, отклоняя слабой рукой крест, умирающий и лукаво продолжил: – Скажи лучше, куда ты серебряный дел?

– Потерял, – обескураженно ответил расстрига, однако убрал руку с медным символом христианства.

– Нет! Ты заложил его за три бутылки водки в Акимовке, в тамошнем магазине.

– Ты!.. Видел?.. – изумился Никодим, твёрдо зная, что рядом с ним кроме продавщицы тогда никого не находилось. А крест был фамильным, старинной работы, с камнями.

– Я многое вижу.

Тут в избу прорвалась через заслон жена Никодима Люба, очень молодая, совсем недавно родившая первенца-дочь.

– А ну пойдём домой! – закричала она. – Надо же, моду взял: напиться и людей поучать. Одно слово – расстрига...

– «Да убоится жена мужа», – мудро сказано в Писании. Тебе, Люба-ша, отныне предстоит жить с ним в любви-согласии, – сказал дед Касьян.

– С этим пропойцей? Да я развестись хочу и к маме уехать! – ахнула бывшая попадья.

– Он пить больше не станет. До самой кончины.

Но тут Никодим, наперекор предсказанию, потребовал чарку:

– Сейчас посмотрим, прав ты или нет!

– Неси, Лёха, – приказал Касьян сыну.

Алексей принёс из чулана бутыль, плеснул в стакан самогон. Расстрига крикнул, попытался поднести посудину ко рту, как рука его сильно задрожала, пальцы разжались, и уроненный стакан разбился об пол вдребезги.

– Не могу! – взревел бывший поп, стремглав выскочил, зажав ладонью рот, на крыльцо, где принялся облёвывать ступени.

– Ну!.. – тяжело повёл взглядом дед Касьян. – Кто и чему не верит?

– Я, пожалуй, пойду, – встрепенулась Люба и поспешила к мужу.

Никто ей не ответил. А ослабевший Колдун откинулся на подушку, изобразив на лице мучение.

– Что ж, делай, как заведено, – сказал, наконец, он сыну.

Алексей знал обычай: когда колдун или колдунья долго мучаются, не умирая, необходимо разобрать крышу над тем самым местом, где они лежат. Также необходимо распахнуть настежь все двери и окна, только тогда душа сможет беспрепятственно покинуть ослабевшее тело. Был, правда, ещё один способ: кто-то из близких родственников Колдуна должен принять дар ведовства. И сделать это можно не обязательно добровольно: колдуну достаточно коснуться человека. И Касьян хитрил, уговаривал сына подойти как можно ближе, шепнуть, мол, надо последнее, заветное слово. Алексей раскусил хитрость отца и хотя выпроводил всех из горницы, но совсем уже близко подходить к постели умирающего поостерёгся, как ни уговаривал его отец.

FANDANCE

– Ну, что боишься? Сын-то ведь ты мне... Подойди, останний час наступает, а ты как чужой!

– Знаем мы вас... – отнекивался Алексей. – Говорите ваше заветное слово.

Колдун раздосадованно сопел, изредка раздражаясь угрозой:

– Достану и оттуда, из-за гроба!

И вот на третий день, как и положено, Алексей и двое соседей начали разбирать крышу. Отец строго-настрого приказал старшему Витьке и младшему Николке ни под каким предлогом даже и не заглядывать в горницу. Витя боялся деда Касьяна, а Николка очень любил. Однако он быть ведуну не намеревался, так как хотел в дальнейшем стать учёным. Он только тихо проскользнул в дверь, чтобы в последний раз посмотреть на живого деда. Николку в горницу привела сама Судьба, хотя в тот момент мальчик и не знал этого. Он был избран Ею.

Уже перед взором соседей, разбирающих крышу, виднелась внутренняя часть горницы, как послышался радостный смех старика. Алексей сунул за ремень брюк клещи и полез вниз по лестнице, чуя недоброе, узнать, что же развеселило Колдуна.

В сенях ему встретилась испуганная жена с младшим сыном.

– Что стряслось, Клава? – спросил Алексей.

– Николка... – растерянно выдавила Клавдия.

– Неужель?.. Говори, ходил, шалопут, к деду?

– Ходил. Он же, тятя, так пить хочет, что стонет: «Умру, внучок, если воды не подашь».

– Господи! – схватился за голову отец, затем набросился с упрёком на жену: – Ты-то чего не смогла уберечь мальчика?

– Дак... Чуть отвернулась, а он туда – шашть... Видел же не раз Николка, как мы на стул стакан ставили, а потом Колдуну его подвигали, чтобы, не дай Бог, тестюшка прикосновение не совершил.

А старик смеялся, точно и умирать ему совсем расхотелось:

– Ты, Лёшка, увильнул, а Николка вот попался. И не зря: знатным у меня со временем станет Хранителем!

Колдуны и колдуньи во дворе облегчённо переглянулись, втайне радуясь такому благоприятному для Касьяна выходу из создавшегося положения. Они, коротко посоветовавшись, дружно потянулись в избу к Климовым, даже не испросив на это ни у кого разрешения. Алексей и Клавдия не осмелились и слова поперёк им молвить. Они понимали, что нельзя мешать завершению старинного ритуала. К тому же этот странный народ мог сглазить, напустить порчу, а то и просто проклясть; с ним шутки плохи... После того как собратья отдали последний поклон и убыли, родственники собрались у постели умирающего. Старик глянул орлом на них, а Николке озорно подмигнул и произнёс со значением:

– Ты – наш...

И испустил дух.

А мальчика после похорон Колдуна повезли в Акимовку в одну из немногих действующих в округе церквей. Тамашний батюшка три часа, без передыху, отчитывал его молитвами. Но увы... Никакой поп уже не мог убрать из Николки дар деда Касьяна...

Николай подкидывал сучья в печку. О чем это он только что думал? Ах да, вспоминал своё далёкое детство...

В Вертлугах рассказывали, что, кроме Тургаева омута, имеется и вовсе заповедное место: Материнская старица. Старица – участок прежнего русла реки. Обычно он образуется в половодье, когда река промывает более короткий путь. Её прежнее русло становится старицей, вначале в виде озера. Затем, когда проток между рекой и этим вытянутым озером заиливается, старица превращается в обыкновенное болото.

Но с Материнской старицей такого не случалось. Она существовала и существует с незапамятных времён. Знатoki делали предположение, что в протоке между ней и Печорой бьют мощные ключи. Правда, проверить данный факт никто не решался. Поговаривали также, что в заповедной старице немеряно водятся сиг, чир, пелядь, царская рыба сёмга, а также – это прибежище для птиц, здесь они массово гнездятся и выводят своё пернатое потомство.

И вот он, Климов, сидит в палатке рядом с урезом воды... самой Материнской старицы! Жизненный путь сюда оказался долгим и трудным...

От детства воспоминания Николая протянулись к зрелым годам.

После окончания школы он работал в рыбацкой артели, затем попал в армию. Служил Климов-младший в Подмоскoвье, в мотострелковом полку. Там Николай и узнал, что Вера, в которую он был влюблён с самого детства, вышла замуж. Климов после демобилизации поступил в Московский государственный университет на факультет журналистики. После окончания с отличием МГУ Николай вернулся в родные места, он стал работать в Нарьян-Маре, столице Ненецкого национального округа, в городской газете, хотя ему предлагались более перспективные вакансии.

Молодой журналист объездил весь округ, бывал не только в отдалённых деревнях, но и в стойбищах ненцев. Через два года он женился. Но семейная жизнь не заладилась.

У Климова открылся дар целительства. К молодому врачу потянулись толпы страждущих людей. Но, так как Николай не брал за лечение денег, жена не выдержала и через полтора года этой «дикой жизни» съехала к богатому предпринимателю.

FANDANCE

К тому времени Климов-младший несколько охладел к своему дару, он понял, что целительство лишь одна из вех на его дальнейшем духовном пути. Этому способствовала встреча во сне с дедом.

Старый колдун, зорко взглядевшись в Николая, велел внуку вернуться в отчий дом.

– Пора, – проговорил он. – Скоро ты станешь Хранителем.

– Хранителем чего? – успел спросить Николай, но дед Касьян исчез, словно растворился.

Родители обрадовались приезду младшего сына. Виктор стал большим начальником и в Вертлугах бывал крайне редко. А они, мать и отец, уже сильно постарели. Николай подправил покосившиеся венцы избы, наколот огромную поленницу дров. Он собирался устроиться в рыбацкую артель, тем более что там был дефицит непьющих работников.

136

Встреча с Верой была волнительной.

Николай раньше по заданию газеты и в отпуске часто видел её. Бывшие друзья детства перебрасывались несколькими дежурными словами и – всё.

Теперь же Николай и Вера поговорили долго. Оказалось, что её муж, откровенный алкоголик, два года назад был случайно застрелен на охоте собутыльником. Климов-младший рассказал и о себе, о своей неудачной женитьбе. Дальше больше...

Вскоре досуние кумушки шептались: «Верка недолго горевала, уже себе нашла...»

В тот памятный день Николай ранним утром вышел из дома своей давней подруги и обомлел: перед ним стоял дед Касьян.

– Привет, внук, – усмехаясь в седую бороду, произнёс колдун.

– Здравствуйте, дедушка! – переборов волнение, откликнулся Климов-младший.

– Я к тебе, Николка, с предложением. Завтра, прямо с утра, сгоняй на лодке в Материнскую старицу. Там ты всё и поймёшь...

– Как в старицу? – с нескрываемым удивлением переспросил внук. – Туда же никому соваться нельзя.

– А вот тебе можно. Будешь сидеть там, пока сама Мать-река не решит, что с тобой дальше делать.

– Да, но у меня свадьба на носу!

– Успеешь на свадьбу. Мать-река лично об этом позаботится.

И дед Касьян растаял.

Тут из избы выскочила в одном платье Вера.

– Я всё видела и слышала, – произнесла она. – Тебе, Коля, надо срочно туда попасть. Я думаю, Материнской старице защита требуется.

– Помощь? А что старице угрожает?

– Неподальёку от неё недавно поставили буровую вышку. Нефть, вроде бы, ищут.

– А-а-а... – протянул Климов и приказал Вере вернуться в избу: было достаточно холодно.

Утром следующего дня он, испытывая лёгкий холодок волнения, приплыл на лодке в Материнскую старицу.

Вот уже трое суток находится он, Николай, в заповедной зоне. И не просто бесцельно сидит в палатке. Нет! Климов-младший успел обойти по периметру всю Материнскую старицу, накладывая на неё незримый колдовской купол. Видел он и вышку, и людей, копошащихся на буровой. Странное дело, Николай как бы прозрел. Он видел все астральные взаимосвязи Материнской старицы и геологов. И он знал, что делать, какой заговор трижды произнести, чтобы «гости» покинули это место навсегда. У них вскоре начнутся поломки оборудования и аварии. Затем этот район сочтут бесперспективным, работу буровой свернут навсегда.

К ночи сильно подморозило. Николай вылез из палатки, чтобы принести охапку заготовленных им заранее сухих веток и сучьев. Над головой в чёрном небе ярко светилось полярное сияние. Внизу, ближе к земле, по самой кромке его заходили сполохи, словно края этого гигантского светового шатра колыхало ветром.

И вдруг в вышине раздался крик гусей. Перечёркивая сполохи, с севера тянулась длинная вереница птиц. Пернатое население Материнской старицы завоило, загоготало и ринулось от глади воды ввысь, наискосок к шатру на соединение к приближающейся веренице. Сделав круг над озером, гуси дружно закричали и пристроились к пролетающей стае. Вслед за ними в сияющее небо взмыли утки. Последними гостеприимную Материнскую старицу покидала большая стая лебедей-кликунов.

Николай долго стоял, провожая птиц в далёкое, нелёгкое путешествие, пока окончательно не промёрз. Он нырнул в полог палатки, подбросил дрова в прожорливую пасть печурки и залез в спальный мешок.

Ранним утром Климов-младший умывался холодной водой. Едва он оторвал руки от лица, как обомлел: перед ним стояла на воде сама хозяйка старицы.

– Ты прекрасно выполнил мою и деда Касьяна просьбу, – сказала она. – Здесь, где сейчас находится палатка, тебе надо будет поставить избушку, наподобие вашего родового зимовья. Лес будет, я один из сплавных плотов сюда заверну. Ты и Вера будете летом жить здесь.

– Да, но я наверняка сегодня не попаду на свою собственную свадьбу. Уже не успею.

– Успеешь, Хранитель, – уверила Николая Мать-река и засмеялась, мелодично, как когда-то при первой встрече в детстве Климова.

Вдруг откуда-то налетел густой туман, и Николай ничего не успел даже подумать, как неожиданно очутился прямо перед сельсоветом – здесь пред-

FANDANCE

стояла регистрации брака. Он шагнул навстречу невесте, как был, в тёплой камуфляжной куртке, в ватных брюках, заправленных в бродовые сапоги.

Глаза Веры засветились счастьем, только бабки, пришедшие на брачную церемонию, громко зашептались:

– Явился – не запылится... И даже не переоделся по такому случаю, хлебнёт с ним горя Верка... Тише, Зинка! Видела, как он из туману нежданно-негаданно вынырнул? Одно слово – колдун!.. Вестимо, в деда пошёл...

И только Вера, понимающе, улыбнулась.

PROкрустово Ложе/

Критика, рецензии

Лариса БЕТИНА

г. Севастополь, Крым, Россия

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Не ошибусь, если скажу, что самый жгучий вопрос любого человека – зачем мы живём? Ответ есть? У меня – есть: точно не знаю, но возможно, что жизнь каждого – это отдельная мысль Творца. А почему жизнь на Земле такая разная? Опять же, точно не скажу, но вероятно, потому что Творец – величайший придумщик... А жизнь на Земле – есть полигон для проверки его идей...

Не верите? Почему? Потому, что я это всё придумала? И потому, что всё – фантастика?

А что не фантастика?

Или всё мировое искусство – это не чьи-то «придумки»? А философские или религиозные постулаты всегда имеют доказательства?

Людам дана способность думать, предполагать, то есть – думать наперёд. Человеческую мысль нельзя потрогать. Наши мысли «живут» в виртуальном пространстве. Для многих это фантастика.

Так что же такое «фантастическое», «фантазия»? В переводе с греческого «фантазия» – «плод воображения», то есть иначе – «вымысел».

Современная эстетика так и смотрит на фантастическое, как на придумку, шутку, обман, не видя в нём роли первооткрывателя незнаемого.

А ведь само слово фантазия имеет в основе корень «фант», что предполагает некий «вариант», «возможность».

Может быть, возможность понять, что нами, кроме голода и секса, движет великая сила – любознательность. Именно она толкает нас и вле-

рѣд по планете, и к звѣздам, и вглубь себя: искать ответы на вопросы, что возникают на этих путях.

Что-то человек видит, что-то слышит, что-то – понимает. Но... до определённого предела.

А дальше?

А дальше одни догадки и предположения.

Мы до сих пор не знаем, кто мы, что такое Сон, Смерть, Жизнь... И есть ли жизнь ещё где-то во Вселенной? Вопросы бесконечны. А люди хотят знать Всё и Сейчас.

В поисках ответов самые упёртые и терпеливые идут в учёные и долбят камень знания, надрывая пупки, расширяют узенькую щёлочку наших возможностей с помощью телескопов и микроскопов. Нетерпеливые идут в писатели, особенно в писатели-фантасты, и безо всяких инструментов, напрягая только своё неуёмное воображение, пытаются проникнуть туда, где хранит свои тайны сам Творец.

Творческие люди «трогают» мир вокруг себя чувствами и умом, а потом изображают или описывают то, что поняли из окружающего.

Процесс осознанной интерпретации – исток всего искусства, в том числе и литературы.

Что вижу и что понял – то и пою.

Это доступно многим.

А что не вижу, но чувствую, это как? Как быть с тем, что находится за гранью очевидности?

Здесь мы вступаем в область субъективного, интуитивного, того, о чём можно только догадываться. Это мир Неочевидности, который только начал раскрываться перед наукой, но который легко впускает в себя искусство.

Искусство, балансируя на грани «очевидного-невероятного», выводит человеческое сознание за черту, за которой находится настоящая Действительность. А так называемая «реальность» – лишь малая её часть, которую мы как бы освоили.

Потому столько в нашем мире вопросов, не имеющих ответов, что мы ищем в «горизонтали» и не всегда открываем глаза на «вертикаль». И только искусство поднимается туда, убеждая, что без осознания того, что Земной мир лишь клеточка космоса, мы ничего в нём не поймём. Как не понимает врач больного, пытаясь лечить болезнь, а не его самого.

Конечно, люди давно предположили, что в человеке есть много такого, чему и названия ещё нет, а если и есть, как, например, понятие «душа» или более того – «дух», то мы до сих пор не знаем, что это такое.

Наука просто их не признаёт. Религия – не объясняет. А искусство пытается изобразить, хоть в какой-то мере, через призму фантастики, изобретая в качестве инструментов множество приёмов, или так называемых «выразительных средств», которые заставляют человеческий ум

видеть аналогии, строить допущения и разного рода экстраполяции, короче говоря – включают сразу оба полушария мозга в работу, чтоб с двух сторон, рациональной и иррациональной, постичь суть, где реальное, то есть уже освоенное, соседствует с запредельным, даже потусторонним.

Именно фантастика (чаще всего литературная, но встречается она и в живописи, и в скульптуре. И в балете, и в театре, кинематографе и т.д.) смело берётся за любые темы и пытается их решить, бесстрашно заглядывая за «горизонт» очевидности, проникая в немыслимые дали Мироздания или глубины человеческой психики, расширяя при этом наше знание массой прозорливых предположений.

Глобус – прекрасная модель наших знаний о Море и Человеке: кое-что известно на его поверхности, но то, что внутри, и что чуть глубже от поверхности – почти полная неизвестность. Мы не знаем, откуда прилетают НЛО, кому посылают свои энергосигналы пирамиды...

141

Реализм – это как раз и есть описание поверхностного. Остальное – область фантастики. На поверку получается этакий тор, или «бублик», знаний, который катится по оси времени, увеличиваясь в размерах, стремясь в идеале к шару. И, как мы видим, чёткой границы между «реализмом» и фантастикой нет. Она, эта разница, как бы «размыта». Что и наблюдается в произведениях, скажем, Гоголя, Кафки, Булгакова, Гарсиа Маркеса и многих других, чьи произведения наполнены мистикой и другими элементами познания, получившими в искусстве XX века общее название «модернизм».

Модернизм в лице Константина Малевича с его «Чёрным квадратом» – сгустком апофеоза предыдущего искусства, а может – тайны, что хранит искусство последующее; или в лице Сальвадора Дали, начавшего изображать мир подсознания и разных наваждений; и многих других новаторов во всех направлениях искусства, чьи произведения не понятны людям без воображения. Таким образом модернизм открыл человечеству скрытую за фасадом очевидности глубину явлений, которая стала осваиваться писателями-фантастами.

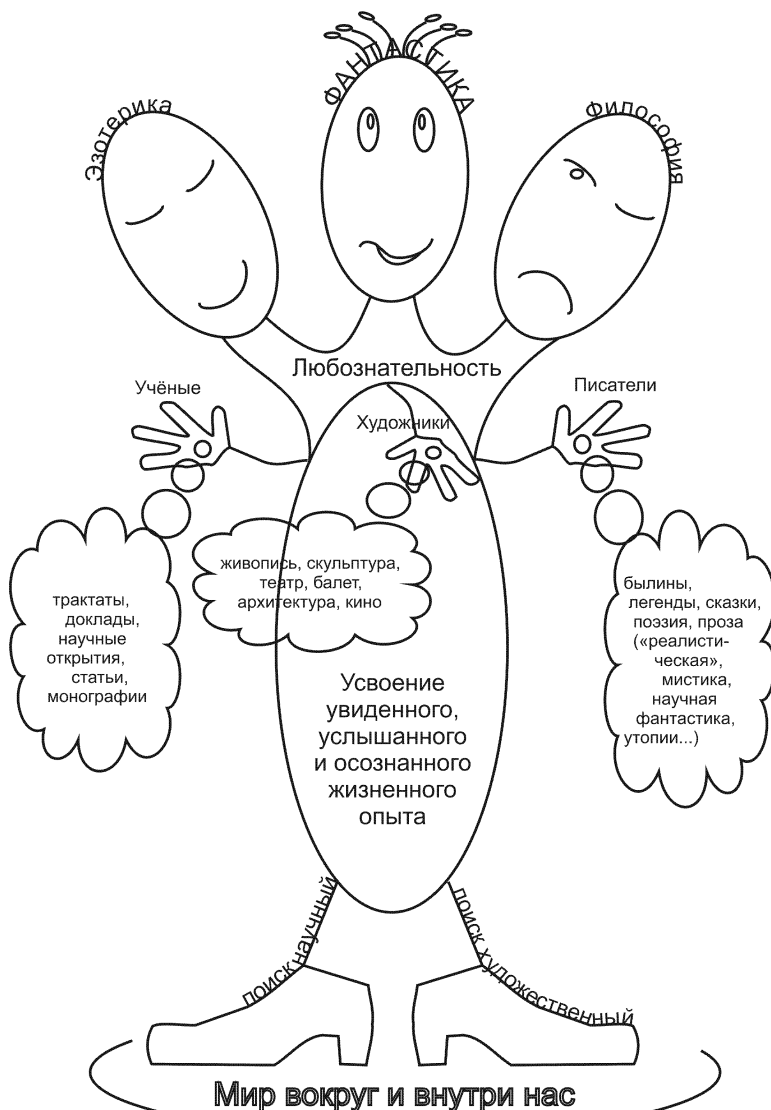
Пирамида искусства, стоящая на основах реалистического прагматизма и очевидности, а «головой» уходящая в запредельное, явно подросла в XX веке.

И рука об руку с философией и эзотерикой (да не отпрыгнут при её упоминании господа фантасты!), от которой как необразованного обывателя, так и обычного учёного бросает в негодование и дрожь, – фантастика заставила вдумчивого читателя проникнуться вопросом о «высшем». Едва прикоснувшись к духовному миру, свободнее воспринимать религиозные идеи не только из уст священников, но и думать своей головой.

Шутки ради предлагаю читателю этой статьи представить познавательный процесс в виде странного существа с тремя головами, эдакой

«трёхглавой и трёхрукой познайки», что видит сразу в глубь, в ширь и в высь и проявляет это знание в науке, философии и искусстве.

Трёхголовая Познайка потому, что никакое явление на Земле, увиденное, осознанное и получившее название, то есть ставшее «поняти-

ем», не может случиться, если в причине не соединятся три компонента (условия). Если выпадает хоть одно – случай не произойдёт.

Примеры бесконечны:

*Книга = идея писателя + его труд + «бумага»
(способ сохранения информации...)*

Болезнь = человек + возбудитель + условия...

Человек = тело + сознание + душа...

Народ = люди + язык + традиции (культура)...

Война = идея (агрессора) + войска (техника-люди) + предмет захвата...

Революция = идея (вождя) + агитаторы + массы (народ)...

Жизнь = идея (творца) + энергия + носители...

Список можно продолжать.

А трёхрукая – потому что человек изучает, понимает и повторяет (воссоздаёт).

143

Смею надеяться, что наш Мир не дву-полярен, а трёх-полярен. Единица – явление неустойчивое и «быстро» распадается на два. А эти два обязательно связаны между собой и единицей притяжением. И все три составляют устойчивую систему.

Смею также полагать, что двоичная математическая логика не может описать мир адекватно, тем более применяя некий абстрактный «нуль», которого в природе не существует (а если и существует, то лишь как глубоко относительное понятие). Нуль – это математическая фантастика, если хотите, допущение, которое, кстати, лёгким движением ума превращается в круг или в знак бесконечности (опять же – стремится к раздвоению!).

Точно так же фантастичны (в хорошем смысле) сегодня почти все теории астрофизиков.

Миры видимые и невидимые контактируют друг с другом через фактор фантастического (то есть допустимого).

Вот и выходит, что фантастика (как и наука и философия) – вовсе не жанр литературы, как считается сегодня, а одна из трёх сторон мировоззренческой основы понимания Жизни. И значит, если в произведении искусства нет хотя бы одного из вышеназванных компонентов, оно скатывается в мертвящий натурализм, точно так же как учёный, начисто лишённый воображения, навсегда остаётся лаборантом.

Фантастическое как методологический принцип изображения находящейся в нашем мире разной неочевидности всегда присутствует в любом (хорошем) произведении культуры в большей или меньшей степени. Точно так же, как присутствует в нём и нечто от философии и от науки. В «чистом» виде ничто не бывает (математические доказательства требуют красоты, стихи скучны без философии, живопись, балет, театр, кино без фантастического элемента – плоски и пресны).

Да все деления в мире весьма условны. Разница только в мере применения принципа научного, философского или фантастического. А мера этого применения определяется иногда лишь расстоянием, на которое кто ближе, а кто дальше «подъезжает» к Истине.

И читатель чувствует это «расстояние», отзываясь глубинным, генетическим клише космического знания на прозрение писателя, и замирает его чуткое сердце от предвкушения, от сопричастности великой тайне, которая «спит» в самой глубине его мельчайших клеточек и лишь иногда подаёт сигнал: «я здесь, я знаю, я жду, когда меня пробудят и позовут к вечному сознанию, как служителя в этом великом круговороте Бытия».

Это же «присутствие» непознанного, иногда страшного, иногда волшебного, находится во всей эпической литературе: сказаниях, былинах, легендах, сказках (пророчества – особый вид фантастического мировоззрения!). Именно они приучали народы не разделять мир на «научно-доказанное» и «вольно-интерпретированное». Сказки показывали ребёнку мир за гранью очевидности, приучали «слышать» природу через «голоса» трав, деревьев, камней, животных, научали «летать» мыслью в далёкое прошлое, учили быть уважительными и добрыми, а также быть предельно внимательными ко всему вокруг. И так, став старше, уже развитым умом, мог научиться человек осознать, что невозможно разорвать нить развития от маленькой бабочки седой древности до мегаполисов современности, – о чём рассказал нам гениальный писатель Рэй Брэдбери. Сказка – ложь, да в ней намёк...

Мир един и очень логичен. Поэтому в нём столько аналогий, совпадений и повторений. Все сказки – волшебный мир жизни.

Однако в нашу культуру хлынула фэнтези. Она заняла ту нишу литературы для подростков, что образовалась в перестроечные годы.

Фэнтези вообще и образ Гарри Поттера, в частности, весьма типичны для западной культуры, где главное победить, а не заслужить, где нелогичность лавинообразных приключений – лишь фантазмагория якобы «волшебных», а на самом деле демонических превращений и за героя можно не волноваться и особо не сопереживать, поскольку «хэппи-энд» победы гарантирован, но не трудом души героя, а самим изобретательным автором.

К сожалению, современным подросткам, не обременённым физическим трудом, растущим в мире вседозволенности и агрессии, нравится такая литература, вернее – картинки интернета или фильмы с визуальными эффектами. Клиповость повествования в жанре фэнтези не позволяет и не заставляет думать и рассуждать.

Современная фантастика также всё чаще стала скатываться к изощрённости и упражняться в изобретательстве эффектных, но мелочных находок.

И всё же... И всё же фантастические путешествия на машинах времени, открытия и освоение других планет, превращения себя во что угодно мелкое, большое, страшное и ужасное, безумные экстраполяции во времени и пространстве, рассматривание разных утопий и антиутопий, прикосновение к знаниям магии и мистики, проникновение в потусторонний мир и всякие другие невообразимые арт-чудеса, технологии и технические прозрения – то есть постижение тайн без внутренней работы – остаются заманчивой «фишкой» для читателя фантастической литературы.

И вне всяких сомнений, что бы ни постулировалось мировой критикой и литературоведением, а искусство – есть волшебное зеркало, в которое мы глядим и видим себя в разных ипостасях.

«Пик» фантастики во всех видах искусства пришёлся на вторую половину XX века, когда ослабли путы материалистического мировоззрения и давление церковной идеологии.

Но и сегодня, когда масса писателей-фантастов «буравят» Мироздание, её роль не стала меньше, просто труднее стало видеть Большое в море малых произведений фантастического жанра. Фантасты всё чаще пророчествуют гибель земной цивилизации. Вера же человеческая и та самая «клеточка» с духовным центром возражают, считая, что Творцу никогда не наскучит «нами думать», «нами слышать и смотреть»...

Фантастика, в отличие от реализма, который был призван, чтобы показать человека в кругу его бытовых проблем и способов их нравственного решения, – это соприкосновение в лёгкой художественной форме с сакральными духовными знаниями. Знания эти в чистом виде могут опалить, а то и сжечь душу или сознание неподготовленного человека.

Описывая так называемые «чудеса», что лежат за гранью видимости, но изредка проявляются в физическом мире (а проявляясь, неизменно стремятся стать технологиями), порождая массу суеверий, фанатичных заклинаний и враждебного неприятия, фантастическая литература мягко и увлекательно объясняет эти проявления высших энергий в нашем «тяжёлом» мире и подготавливает человеческое сознание к приятию глубинных знаний Прошлого о Будущем, то есть «оглашает единую систему кодирования знания» в нашей Вселенной.

Фантастика в философском смысле – это духовное томление каждой человеческой души, желание почувствовать сознанием, что вот оно, то сокровенное знание, что вот оно сейчас откроется и станет понятно: и что такое жизнь, и зачем мы в ней и она в нас, и что будет Там... И поведёт это знание человека в сладостную даль, что зовётся Вечностью, на дорогах которой будет длиться и длиться то упоительное путешествие, которое называется «настоящая жизнь».

P.S. А если на момент, но всерьёз поверить, что любая наша мысль материализуется, – значение фантастики вырастает многократно и многократно.

Анна АНДРИЕНКО
г. Москва, Россия

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДРАМАТУРГИЮ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

¹⁴⁶ Темой доклада мне поставили ответственную задачу дать новый взгляд на драматургию Валерия Яковлевича Брюсова. Да простят мне уважаемые коллеги, но мой взгляд не будет новым. Проблема подготовки и издания сборника драматургии Брюсова существует в течении 90 лет и до сих пор не решена. Диссертация д.ф.н. Н.Г. Андриасян о драматургии Брюсова, публикация некоторых пьес С.И. Гиндиным, Вл. Боцяновским и др. и монографии д.ф.н. О.К. Страшковой и др. – первые шаги к полному изданию пьес и драматических этюдов Валерия Брюсова. В сборник стоит включить раздел статей о театре, что позволит увидеть, что являл собой Валерий Брюсов как драматург и теоретик русского театра.

В дореволюционном Полном собрании сочинений и переводов Валерия Брюсова планировался т. 18 «Звенья», куда должны были войти статьи о театре и теории литературы. В него вошли бы «Ненужная правда» (1902), «Реализм и условность на сцене» (1907), лекции «Ключи тайн» и «Театр будущего» (1907), ««Жизнь человека» в Художественном театре» (1908), ««Гамлет» в Московском Художественном театре» (1912), «Предисловие к статьям для сборника о театральном искусстве» и другие.

Зачастую подготовительные материалы для пьесы или перевода ложились в основу для статьи В. Брюсова. Статья «Поль Верлен и его поэзия» готовилась одновременно с пьесой «Декаденты». Три лекции «Театр будущего» (1907) взаимосвязаны с поставленной Вс. Мейерхольдом пьесой Метерлинка «Пелеас и Мелисента». Статьи о М. Метерлинке связаны как с переводом Брюсовым пьесы «Пелеас и Мелисента» (1907), так и выявленным среди отрывков кусочком поэтического перевода пьесы «Семь принцесс», датированного 1907 г. Его удалось выявить при сопоставлении с прозаическим переводом В. Корш. Приведу несколько строк:

КОРОЛЕВА. Он идёт на всех парусах...

КОРОЛЬ. Я неясно различаю его в тумане.

КОРОЛЕВА. Они гребут, они всё гребут... Мне кажется, они подойдут к самым окнам замка... Можно подумать, что он имеет в длину тысячу футов... Паруса задевают за ветви ив.

КОРОЛЬ. Он кажется шире канала.

КОРОЛЕВА. Они останавливаются.

КОРОЛЬ. Не понимаю, как они повернутся.

КОРОЛЕВА. Они останавливаются, останавливаются. Бросают якорь... причаливают к ивам... Ах, кажется, спускается принц.

КОРОЛЬ. Взгляните на лебедей... они плывут ему навстречу. Они хотят узнать, что это такое.

КОРОЛЕВА. А они всё ещё спят?

[Метерлинк 1999:293–294]

Стиль перевода кажется пресным. Есть различие в имени одной из принцесс: у Корш принцессу звали Урсула, а у Брюсова – Леда, хотя в оригинале пьесы – Урсула. Тот же эпизод в переводе Валерия Брюсова:

К[ороле]ва. Они плывут на полных парусах.

Кр[Король]. Я плохо вижу их среди тумана.

К[ороле]ва. Они гребут... они гребут все вместе.

Я думаю: они подъедут к окнам...

у корабля как будто сотня ног.

Вот паруса касаются до веток.

Кр[Король]. Их реи много шире, чем канал.

К[ороле]ва. Они остановились.

Кр[Король]. Я не знаю.

Как им удастся повернуть корабль.

К[ороле]ва. Они стоят... они стоят... И якорь

Они бросают... При[чалив]ают к ивам.

Корабль... О! Кажется, что сходит принц...

Кр[Король]. Взгляните же на лебедей. На встречу

Они плывут, плывут узнать, «Кто прибыл?».

К[ороле]ва. А [принцессы]? Они все спят...

Сопоставление текста переводов пьесы Метерлинка оставляю для отдельной статьи. Возвращаясь к вопросу составления сборника, я сопоставила два плана собраний сочинений в 10 и 12 томах под редакцией И.М. Брюсовой, Н.С. Ашукина и И.М. Беспалова. Одно готовили в 20-е, второе – в 30-е гг., но оба не были изданы. Т 7 (либо 8) должен был включать:

а) ранее изданные пьесы – 6 а.л. («Земля», «Путник», «Протесилай-умерший»);

б) неизданные пьесы – 5–6 а.л.;

в) избранные статьи о театре – 6 а.л.; + комментарии и указатель имён.

Возможно, помимо отсутствия коммерческого успеха, одна из причин неудачных попыток издания театрального сборника кроется в том, что систематизация знания о театральных воззрениях Валерия Брюсова приведёт к пересмотру степени его влияния на Мейерхольда, Станиславского, Корша и других ведущих режиссёров нач. XX века.

В музее Мейерхольда замечаешь, что экскурсовод, даже не зная источника, цитирует лекцию Брюсова «Театр будущего» и статью «Реализм и условность на сцене», как постулаты, на которых Мейерхольд строил свои постановки.

В спектакле «Гамлет» (1912), благодаря приглашению Гордона Крэга, были применены ширмы, внесено стилистическое единство замысла, постановка переведена в большую степень условности костюмов и декораций, чем это было принято во МХАТе, но умалчивают о причинах, заставивших реалиста-Станиславского отступать от принципов реализма.

«Заметки о трагедии» связаны с переводом пьесы Мольера «Амфитрион», многолетней работой над переводом «Энеиды» Вергилия и собственными пьесами Брюсова на мифологические сюжеты: «Протесилай-умерший» (1913), «Дидона на костре» (1912–13) и трагедией для синемаатографа «Атрей-мстящий» (1912).

Какие эффекты искал Брюсов в античном театре? Что античные студии должны были помочь понять, как донести до зрителя через очень ограниченное количество деталей чувства персонажа, а через них – вневременное содержание – сверхзадачу.

Необычные для того времени театральные формы – «сцены будущих времён» сейчас назвали бы «научно-фантастической пьесой», сцены «День Страшного Суда» (*фоно-кинематографические фильмы*) – были бы звуковыми короткометражными роликами новостей о революции за окном, которые комментирует очень язвительный ведущий.

Ставя задачу подготовить сборник драматургии Брюсова, стоит в комплексе рассматривать пьесы, статьи и изобразительные материалы (эскизы декораций, рисунки Брюсова и др.), что может помочь в более точной датировке и исправлении ошибок, вкравшихся при обработке фонда.

Наконец, необходимое составление полного описания драматических произведений Валерия Брюсова проводилось неоднократно, но из-за разницы в подходе исследователи расходятся в количестве (например, могут не брать планы пьес или небольшие отрывки). Я взяла за основу «Описание рукописей неизданных драматических произведений», составленное И.М. Брюсовой. При обработке фонда оно оказалось раздроблено, минимум, на четыре части, и я соединила их там, где видно, что это части одного предложения или продолжение нумерации.

«Описание рукописей неизданных драматических произведений В.Я. Брюсова», составленное И.М. Брюсовой, было дополнено «Материалами по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечания к драматическим произведениям» А.А. Ильинского и «Материалами по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечания к драмам 1920–40-е гг.». Листы 1,2 «Материалов по подготовке по-

смертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечания к драмам» [ОР РГБ Ф.386.67.7] были напечатаны в 20-е годы на машинке И.М. Брюсовой, а л. 4 (с рукописными пометками А.А. Ильинского на л. 3) – в более позднее время на машинке с другим шрифтом.

Машинописные «Примечания к драмам В.Я. Брюсова «Земля», «Путник», «Протесилай-умерший» (описание рукописей) дублируют рукописные заметки в «Материалах...» А.А. Ильинского.

На данный момент я рассматриваю эти четыре единицы хранения как части единого документа, куда могли входить описания рукописей как опубликованных, так и неопубликованных пьес. В них конец фразы и конец листа одной единицы хранения многократно переходит в продолжение фразы в начале листа другой единицы хранения. В «Материалах по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечаниях к драматическим произведениям» Ильинского А.А. [ОР РГБ Ф. 386.67.7] на лл. 3,4 обрыв текста проходит по предисловию В.Я. Брюсова к «Протесилаю-умершему», а продолжение на лл. 9–12 в «Материалах...» Ильинского А.А. [ОР РГБ Ф.386.66.4]:

От автора

Миф о Лаодамии дал содержание длинному ряду драматических созданий. К сожалению, трагедия Еврипида, на эту тему, не дошла до нас. Из славянских обработок мифа наиболее известна драма Выспянского. В последнее время драматически обработали тот же миф И. Анненский и Фёдор Сологуб. Хотя моей лирической трагедии... [Обрыв листа. Продолжение предисловия] ...придана форма трагедии античной, с хорами, причём сохранён её обычный размер, – ямбический диметр, – я не ставил себе целью воссоздать греческий образец...

Ещё более яркий переход при описании трагедии для сценариста «Атрей-мститель», когда конец л. 59 «Материалов по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечаний к драматическим произведениям» А.А. Ильинского стыкуется с началом Л.8 «Описания рукописей неизданных драматических произведений В.Я. Брюсова», составленного И.М. Брюсовой [ОР РГБ Ф.386.131.3]:

«У них родились сыновья Плисфен, Агамемнон и Менелай. Тieste женился на ...?, имея двух... [Обрыв текста. Продолжение] ...сыновей и дочь Пелопию и занял первое место в царстве после брата...»

Иоанна Матвеевна (вместе с Н.С. Ашукиным и И.М. Беспаловым) в 1920-е гг. готовила к изданию собрание сочинений Валерия Брюсова в 10 томах [там же, 386.133.3. лл. 3–5]. В него должны были войти 3 тома стихов, романы, рассказы, драмы, статьи о театре, литературно-критические, теоретические, исторические работы и воспоминания.

Судя по состоянию машинописи «Описание рукописей...» И.М. Брюсовой и «План собрания сочинений в 10 томах», были составлены одно-

временно, но неполная сохранность «Описания...» не позволяет увидеть, была ли работа закончена, и понять причины пропусков.

В 30-е гг. силами Кружка памяти Брюсова, готовили к изданию 12-томное собрание сочинений, куда в 8 т., помимо ранее опубликованных пьес и статей о театре, могла войти трагедия «Диктатор», но едва ли её могла пропустить цензура.

Так как членами Кружка памяти Брюсова были и И.М. Брюсова, и А.А. Ильинский (Блюменан), я не рискую утверждать, кто в большей мере приложил руку к составлению «Описания рукописей». Но при датировке «Материалов...» Ильинского А.А. стоит учесть, что он состоял среди членов-учредителей Кружка памяти Брюсова до 21 октября 1929 г. Я бы датировала его «Материалы...» не 1930–40 гг., а 1925–29 гг. Итоговый текст занимает 23 страницы, и я не ввела его в статью.

150

В рукописном или машинописном виде может быть найдена ещё одна часть. В «Описании...» нет описания трагедии «Диктатор», не упоминается пьеса-шутка «Выходцы из Аида» (1910). Видимо, из-за излишней эротичности пропущены драматический триптих «Demonstratio» (1920-е) и драматическая сцена «И Царь хохотал и сказал палачу...» (1920-е).

Мне удалось поработать с рукописями 21 пьесы и драматического отрывка из фонда ОР РГБ, но не удивлюсь, если будут найдены ранее неизвестные пьесы и сценарии, которые написал Валерий Яковлевич Брюсов.

При подготовке сборника невозможно обойти две пьесы: «Декаденты» («Конец столетия») (1893) и «Пирознт» (1915–16). Если бы пьесу «Пирознт» опубликовали при жизни автора, она стала бы одной из первых ласточек классической научной фантастики нач. XX века. Знаменитый поэт-символист Серебряного века на полстолетия опередил саму тематику подобных романов.

«Декаденты» («Конец столетия»)

Драму в 3-х действиях «Декаденты («Конец столетия»)» в 1893 г. актёры-любители в первый раз поставили на сцене московского Немецкого клуба, следовательно, Валерий Брюсов пьесу завершил и перед спектаклем передал актёрам для разучивания. В результате этого широкого жеста современные исследователи работают с тремя источниками: черновиками пьесы «Декаденты», беловым списком пьесы, выполненном рукой И.М. Брюсовой и наброском 2 и 3-го действия в «Дневниковой тетради № 6».

Между черновой рукописью Валерия Брюсова и беловым списком Иоанны Матвеевны есть серьёзные разночтения. Я не ставила задачу определить, чем они обусловлены: поиском наиболее точного варианта Валерием Яковлевичем или редактурой Иоанны Матвеевны – и какой вариант лучше с литературной точки зрения. В подготовленном к изданию

тексте в сносках приведены варианты эпизодов, так как образы в черновиках зачастую ярче белого варианта.

Нужно было решить, как публиковать пьесу «Декаденты» («Конец столетия»): по беловому списку Иоанны Матвеевны (с пропуском трёх страниц) или, взяв его за основу, осторожно восстановить утраченный фрагмент из-под многослойной правки в черновиках Брюсова, давая возможность поставить пьесу в театре.

Пропуск удалось сократить с трёх страниц до одной фразы. Утраченным листам 23–26 белого списка соответствуют лл. 28–30 об. черновой рукописи Брюсова. На основе авторских пометок видно, какие именно вставки из присоединённых листов должны быть использованы. Например, на основе пометок В. Брюсова «см. Кон. Кон. № 2» и «*Не перенесённая вставка № 2*» удалось найти, что реплика Рио из второго явления 2-го действия: «*Не знаю. Кажется, она не из числа тех, кото-
рые забывают...*» продолжается на л. 56, начиная со слова «...*забыва-
ют. Я думал было, что она постарается отомстить тебе, сделав
вид, что полюбила другого...*». Продолжение эпизода невозможно ни в каком другом месте.

Чуть дальше на листе 30 об. реплика Рио кончается: «*А твоё сегодняшнее стихотворение что доказывает?*» Диалог продолжается репликой Ардьё на листе 26 белой рукописи: «*Повторяю тебе, что оно было написано случайно...*»

В рукописях пьесы «Декаденты» и в дневниковой редакции статьи «Поль Верлен и его поэзия» встречается особенность. В черновиках он упоминает стихи одной-двумя строками или пометкой, а в белой редакции переводы стихов Верлена и Малларме даны полностью.

Прототипами поэтов-декадентов Поля Ардьё, Этьена Рио и Канара были Поль Верлен, Стефан Малларме и Артур Рембо, но сложнее с цитатами их стихов.

Во 2-м явлении 3-го действия поэты читают друг другу стихи. В рукописи приведены две строки: «За мраком завес / Погребальные урны...», взятые из стихотворения «Золотистые феи в атласном саду...», написанного Брюсовым в подражание поэту Стефану Малларме, на лл.1–3 «Описания рукописей...» И.М. Брюсова приводит перевод стихотворения «Самоуверенность».

Там же Этьен Рио читает стихотворение «Звуки стонут», упоминаемое в дневниковых записях 1894 года: «Февраля 22. Написал стихотворение «Стонут звуки». Счастлив!» [Брюсов, Дневники, 1927:16]. Это позволяет утверждать, что работа над пьесой шла не только с 21 октября 1893 г., но и в 1894 г. Пометкой «Звуки стонут» подразумевалось, что Рио читает друзьям-поэтам всё стихотворение, но в белой список перенесена только пометка, и я не знаю, является ли оно переводом из Малларме или стихотворением Брюсова.

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ

Если перевод, то легче объяснить, почему пометка была в тексте пьесы уже в 1893 г. Стихотворение «Стонут звуки» удалось найти в «Записной тетради № 6» [там же, 386.2.10 лл. 99–100], привожу его полностью:

*Стонут звуки, плачут речи,
В блеске молний голубых
Всё ясней нагие плечи,
Взоры женщин молодых.*

*Звуки стонут, выплывает
Серебристая луна,
Создаёт, напоминает
Золотые грёзы сна.*

*Звуки плачут – близко, живо,
Всё погибшее давно,
Воскресает миг счастливый
Жизнь и счастье – всё равно!*

*Плачут звуки... Что же снова
Мрак везде – упрям и горд.
Струны рвутся. В миг бывшего –
Умирающий аккорд.*

В 1893 году драма в 3-х действиях «Декаденты («Конец столетия»)» была первый раз поставлена актёрами-любителями на сцене московского Немецкого клуба. Роль Ардые исполнял Валерий Брюсов.

Благодаря проведённой работе, после столетнего перерыва её можно снова сыграть в театре. Драма «Декаденты» («Конец столетия») опубликована в журнале «Современная драматургия» № 1, 2014.

Исторически сложилось, что Александр Беляев в 1913 г. на грани журналистики и фантастики пишет «Прогулки на гидроаэроплане», Яков Перельман в 1914 г. издаёт «Занимательную физику», а в 1915–1916 гг., на третий год Первой мировой войны, старший символист Валерий Брюсов пишет пьесу о постройке космического корабля на Марс и Венеру. Знаменитая «Аэлита» Алексея Толстого ещё только будет написана, в 1923 г.

Во 2-м явлении 1-го действия «Пирознта» описан корабль, напоминающий гагаринскую «семёрку»: *«Когда всё будет окончено... корабль останется подвешенным только к четырём стальным мачтам. Тогда мы, путешественники, входим в каюту, закрываем все отверстия, и я даю ток.*

Следуют первые взрывы ракет, «Пирознт» обрывает железные канаты, как гнилую бечёву, и мы уносимся в мировое пространство...»

За исключением стальных канатов и гнилой бечёвы, обычное описание взлёта комического корабля, только на 45 лет раньше, чем Бармин придумал стартовый стол для ракет, и на 14 лет раньше, чем К.Э. Циолковский написал книгу «Космические ракетные поезда»!

Но как обосновать для читателя публикацию всех четырёх редакций пьесы? Как осторожно подойти к возможности компиляции и выбору имён персонажей на основе одной из авторских редакций?

Проще всего опубликовать 4-актную пьесу «Пирознтв» по наиболее законченной 4-ой редакции, но исходя из первоначального замысла Брюсова, хочется найти вариант компиляции с пометкой, что 5-актная пьеса – это *экспериментальная версия*. Она имеет своё основание. В рукописном примечании к пьесе «Пирознт», найденном среди «Материалов...» А.А. Ильинского, Иоанна Матвеевна писала:

«Хотя имеются четыре текста и ряд вариантов к отдельным сценам, но, тем не менее, вещь не закончена и до конца не отделана. Мы приводим три первых действия и три первых сцены четвёртого действия по четвёртому, более отделанному тексту. Конец драмы, 4–6 сцены мы даём по третьему тексту. Причём мы изменили имена действующих лиц соответственно с приводимым нами текстом, так как в каждом тексте имена иные» [там же, 386.66.4. лл. 1, 1 об.].

В тройке главных героев дан современный конфликт: Вячеслав Сергин (в другой редакции – Стожаров) отчаянно хочет построить космический корабль и готов на любые жертвы. Соратнику изобретателя Дешину (Скрипицыну) на самом деле не нужен успешный запуск, а важна возможность наживаться на стоимости постройки узлов, прикрываясь провалами в экспериментах, бедностью изобретателя, искать всё новых меценатов. В случае краха он всегда готов бежать. Даже страсть к Маре (Лидии Николаевне) для него – лишь способ шантажа.

В случае компиляции возможен вариант, где Мара Владимировна и Вячеслав Сергин взяты из третьей редакции, прочие персонажи – из четвёртой. (В ранней редакции Мара Владимировна – девица, племянница фабриканта (помещика); в последней, она же Лидия Николаевна, – жена. Нужно «обиграть» это разночтение. Невозможно оставить два несвязанных действия, где Мара убивает купца Селюшина, а потом Стожаров и Дешин находят богатую замужнюю женщину Лидию Николаевну, убивающую своего мужа – фабриканта Главина. Возможна компиляция, где Мара Владимировна работает у Сергина, потом, выйдя замуж за Главина, уговаривает его долгое время оплачивать разработку космического корабля. Спустя 10 лет успешный брак оборачивается трагедией.) Я рассматриваю образ Вячеслава Сергина как изобретателя корабля, способного взлететь в космос.

В статье «Пределы фантастики» Брюсов разрабатывал теоретические проблемы научной фантастики. В трёх поздних пьесах Валерия Брюсова идеи символизма удалось соединить с научно-фантастическими сюжетами: «Пирознт» – трагедия создателя космического корабля, мечта, опередившая время. Останавливаешь себя, чтобы в финале, уже после самоуничтожения Мары, не подставить хроникальные кадры взлёта космического корабля.

«Мир семи поколений» – взаимоотношения участников длительно-го межпланетного перелёта, в то время, когда вопросы высадки на планету не решены до конца.

«Диктатор» – трагедия диктатора Земли. Действие происходит в мире, где на Марсе и Венере есть собственные цивилизации. Чего стоит реплика Джема из 6-й сцены 5-го действия:

154 *«Под влиянием известий с Марса, экипажи аэрофлота отказались повиноваться, командиры арестованы!».*

Из неё следует, что в мире пьесы существует быстрая межпланетная связь, возможна адаптация к другой гравитации, возможна переброска войск на межпланетные расстояния, возможно подчинять гуманоидов других планет. Это выходит за рамки символизма. В чистом виде научная фантастика.

Список литературы

1. Андреасян Н.Г. Драматургия В.Я. Брюсова: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.01.02) – Тбилиси, 1978.
2. Брюсов В.Я. Диктатор // Современная драматургия, 1985, № 4.
3. Боцяновский В. Неизданная пьеса Валерия Брюсова // Звезда, 1939, № 10–11. С. 233–235.
4. Страшкова О.К. Валерий Брюсов – драматург-экспериментатор (монография). Ставрополь: Арт, 2002.
5. Брюсов В.Я. Предисловие к статьям для сборника о театральном искусстве. ОР РГБ Ф.386, Карт. 52, Ед.хр.24.
6. Брюсов В.Я. Драм. произведения. Отрывки без названия [1890 – 1920-е гг.] ОР РГБ Ф.386, Карт. 30, Ед.хр.19. лл.1–11.
7. Метерлинк М., Корш В. Семь принцесс // Избранное, М., Гудьял-пресс, 1999, С. 293–294.
8. Планы изданий собрания сочинений В.Я. Брюсова в 10-ти и 12-ти томах. [1930-е гг.] ОР РГБ Ф.386, Карт. 133, Ед.хр.3.
9. Брюсов В.Я. Заметки о трагедии. ОР РГБ Ф.386, Карт. 52, Ед.х.42.
10. Брюсов В.Я. Дидона на костре. ОР РГБ Ф.386, Карт. 30, Ед.хр.16.
11. Брюсов В.Я. Атрей-мститель. Трагедия для синемаатографа. План киносценария, 1910-е гг. ОР РГБ Ф.386, Карт. 30, Ед.хр.22.
12. Брюсов В.Я. День Страшного Суда. ОР РГБ Ф.386, Карт. 30, Ед.хр.24.
13. Брюсова И.М. Описание рукописей неизданных драм. произведений В.Я. Брюсова. ОР РГБ Ф.386, Карт. 131, Ед.хр.3.
14. Ильинский А.А. Материалы по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова, – Примечания к драматическим произведениям. – 1930-е гг. ОР РГБ Ф.386 Карт. 66. Ед.хр.4.
15. Ильинский А.А. Материалы по подготовке посмертных изданий произведений В.Я. Брюсова. – Прим. к драмам 1920–40-е гг. ОР РГБ Ф.386, Карт. 67. Ед.хр.7 лл. 1–2.

-
16. [Брюсова И.М.] Прим. к драмам В.Я. Брюсова «Земля», «Путник», «Протесилай-умерший» (описание рукописей) ОР РГБ Ф.386, Карт. 132. Ед.хр.5.
17. Материалы по работе кружка памяти Брюсова ОР РГБ Ф.386. Карт. 121, Ед.хр. 8 лл. 39–40.
18. Брюсов В.Я. Выходцы из Аида. Пьеса-шутка. ОР РГБ Ф.386, к.29, ед.хр.11.
19. Брюсов В.Я. Demonstratio, драм. триптих, [1920-е] ОР РГБ Ф.386, Карт. 159, Ед.хр.25.
20. Брюсов В.Я. И Царь хохотал и сказал палачу..., [1920-е] ОР РГБ Ф.386, Карт. 159, Ед.хр.26.
21. Брюсов В.Я. Пирознт. Драма из современной жизни, текст 1,4 и 5 д., ОР РГБ Ф.386, Карт. 29, Ед.хр.5.
22. Брюсов В.Я. Пирознт. Драма. 1916, ОР РГБ Ф.386, Карт. 29, Ед.хр.8.
23. Брюсов В.Я. Декаденты. Драма. Черновики. ОР РГБ Ф.386, Карт. 28, Ед.хр.б.
24. Брюсов В.Я. Декаденты. (Конец столетия), драма в 3-х действиях, 1893, ОР РГБ Ф.386, Карт. 28, Ед.хр.7.
25. Брюсов В.Я. Дневниковая тетрадь № 6, «Черновая», 1893, сент. 10 – 1894, янв. 155 11, ОР РГБ Ф.386, Карт. 2, Ед.хр.9. лл. 57–60.
26. Брюсов В.Я. Дневники. М., М. и С. Сабашниковых, 1927.
-

Виталий НОВИКОВ
г. Севастополь, Крым, Россия

ОТЗЫВ О РОМАНЕ «Я» КОНСТАНТИНА ЩЕМЕЛИНИНА

Этот отзыв не претендует на наличие в нём научной или литературной ценности – это просто моё мнение. Здесь я напишу лишь то, что меня «зацепило», при этом, возможно, не упомяну о чём-то важном с точки зрения сюжета или литературной ценности.

Что ж, начну, пожалуй. Начиная с названия книги я был заинтригован. Неброское для современной литературы, но короткое. Короче некуда :)

Сразу же оговорюсь, что в тексте будут присутствовать графические смайлы, поэтому, дабы сберечь психику и нервы, шовинистическим ортодоксам от литературы прочтение крайне не рекомендуется. ^_^

Более подогрел мой интерес тот факт, что К. Щемелинин на клубной встрече, к коей я волей случая оказался причастен, немного рассказал о сути книги и об альтернативном её названии, кое я по забывчивости забыл в тот же, вероятно, день, запомнил только, что название было заметно длиннее и более полно, со слов творца, отражало суть книги.

Сказать, что у меня возникли какие-либо ассоциации с произведениями, на которые даётся ссылка в статье «От автора», я не могу. Возможно, что благодаря большому периоду времени, минувшему с тех пор, как я держал «Мастера и Маргариту» и «Войну миров» в руках, из моей памяти стёрлись те моменты, которые стыкуют названные произведения

с «Я» К. Щемелинина, зато точно могу сказать, что у меня с первой сотни страниц возникла стойкая ассоциация с не менее значительным трудом «Война и мир» Л.Н. Толстого, в основном из-за того, что в сюжет постоянно вплетаются рассуждения автора, иногда поясняющие сюжет, но чаще только вытекающие из него и отправляющиеся в страну рассуждений о смысле жизни. Да, о смысле жизни «не-человека», однако на развитие сюжета или на его понимание не влияющие: скорее, это сюжет подстраивается под рассуждения, чтобы сделать их более понятными.

Сам сюжет довольно прост (как и всё гениальное XD): к обыкновенному человеку (повторюсь: к обыкновенному человеку), абсолютно не похожему на других, как и каждый вокруг в нашем мире (впрочем, в мире «Я», в связи с огромным количеством человечков, вероятность встретить людей с идентичным геномом близкого возраста не проблема, так что несколько физических и психологических двойников у него вполне может быть), и в глубине души считающему себя особенным, не таким как другие (опять же, как и всё в нашем мире), приходит некая сущность и предлагает стать ему Хозяином Вселенных. Кто бы отказался? В итоге эта сущность вживляет в несчастного свою личинку и объявляет, что поделилась с ним своей силой. И не надо спорить, ссылаясь на автора, что всё неправда и даже в предисловии написано, что развился человек. Ничего он не развился. На это есть несколько указаний, служащих, на мой взгляд, неопровержимым доказательством этой мысли:

- во-первых, и самое главное XD, после того, как личинка выросла и развилась, она была отделена от носителя со всеми своими силами и сознанием, плюс к этому ещё и с общей памятью – своей и носителя;

- во-вторых, и это тоже важно, после разделения носитель утратил все сверхъестественные силы, но ничего не забыл и жаждал всё вернуть (ну как же, обещали же вселенные – так где же они? куда всё делось? что вообще происходит? >_<);

- в-третьих, по ходу развития сюжета, по окончании войны, паразитическая сущность уже не отождествляет себя с носителем, говоря о том в третьем лице, более того, предугадывая в будущем необходимость разделения, сюда же отнесём её заявления о разных сознаниях, которые [сознания], впрочем, могут быть результатом психологического расстройства, но тогда весь сюжет придётся признать игрой воспалённого сознания главного героя.

Что было обидно и неприятно при чтении: гравитационный удар. Его действие происходит так, словно планеты жёстко закреплены на невидимых несгибаемых рельсах, совпадающих с орбитами, по которым они ездят вокруг звезды. Впрочем, возможно ещё одно объяснение: псевдозвезда разумна и способна управлять своей гравитацией самостоятельно, вследствие чего она, из-за необъяснимой ненависти к белковой

жизни и её проявлениям (особенно к архитектурным и техническим сооружениям), воздействует исключительно на них, но никак не влияет на саму планету. Это та самая ложка дёгтя, которая должна быть в каждой уважающей себя бочке.

Что понравилось: в конце все умерли. В смысле, вообще все. Остались только две паразитические сущности со своими непонятными делами и устремлениями. А вселенной с человечками не стало. Приятная такая концовочка (я бы сказал «Готичненько», но для полноты картины не хватает мазка, в котором сущность, паразитирующая на Хозяевах Вселенных, сворачивает вселенную с паразитом, от имени которого написана данная книга; такая вот рекурсия-с о:-)).

Об ошибках. Их много, причём такие, которые не проверяет проверка правописания. Несколько слов не хватает. Но это не то, что увидит читатель при большом тираже – большой тираж проверит корректор и выключает все ошибки. По крайней мере, большинство. :D

В целом же книга неплохая, рекомендую к прочтению. Несмотря на то, что категорически не согласен со способом развития паразита главного героя. Зато свеженько, юмора не много, но читать не скучно. Вообще нет юмора. Это скорее поиск своего «Я», чем сюжетное действие. !)

157

Магеррам ЗЕЙНАЛОВ
г. Баку, Азербайджан

ОТЗЫВ НА РАССКАЗ
ВАЛЕРИЯ ГАЕВСКОГО И АНЫ ДАО «ДЕЗАВУАЦИЯ»
(Опубликован в журнале «Уральский следопыт»
№ 6 (684) за июнь 2014, с сокращениями)

В общих чертах могу сказать, что первые две трети текста, особенно первая треть, сильно отличаются по своему языку (не с литературной, а с социологической точки зрения). Это часто называется «язык ненависти». Т.е. там много (но не всегда буквально) разделения всех и вся на своих и чужих. Тест удивительно часто агрессивен, даже там, где нет моральных предпосылок к этому (подробнее об этом будет ниже). Вот например, словами от автора произносится слово «чечены», семантически это то же самое, что и «хохлы», «москалы», «азеры», «хачи», «грызуны».

И вот что интересно: этот хейтспич мешает часто правдоподобию персонажа. Во-первых, не ясно становится, какого он пола. Нет, конечно, заявлено, что пола он мужского. Но тут язык ненависти играет злую шутку. Этот человек, заваливший «17 чеченов», в поэтическом клубе и вокруг него вдруг проявляет самые женские черты характера, этот поэт мне не то

сказал, этот не так посмотрел, а вот этот у меня ещё попляшет. Тут много переигрывания, поэтические тусовки да, именно такие, но становится непонятно, как за время одной военной операции эта слезливая барышня (а герой местами именно слезливая тонкоранимая обидчивая эмочка) положила так много народу, то есть партизан, воюющих на своей земле -- знающих её топографию. Т.е. внутренний язык ненависти авторов, как мне кажется, мешает правдоподобию. Можно же было написать, что положил он в тот раз троих, да и то случайно, и тогда можно было бы с большей или меньшей убедительностью воспринять его дамскую натуру.

И тут опять-таки дело не в том, что это противоречивый персонаж. Все мы противоречивы. Дело в том, что он то мужчина, то женщина. И противоречив до полного неправдоподобия.

158 Мне кажется, в тексте есть ещё одна, более основательная, проблема. И в принципе, она из того же рода, что и первая, но в глобальном смысле. Текст одновременно играет с несколькими художественными методами. Делать это гармонично невероятно сложно, ну, мне так кажется. Ведь надо сделать так, чтобы получилось яркое многоцветие. Элементы гротеска, сатиры, психоделики и, что самое страшное, жёсткого реализма идут друг за другом. Они чередуются. Если бы изначально был выработан некий синтез (хотя сделать это тяжело, да), чисто авторский, и шёл бы он одним потоком, то получилось бы просто здорово и очень оригинально. Но в рассказе с самого начала, например, сменяется психоделика (сюрреализм) с чисто и даже нарочито реалистическими сценами. Отлично, это сон. Но дальше идёт вроде сатира (сцены в литклубе) и уже снова постмодернистский сюрреалистический финал.

Но ни постмодернистским сюрреалистическим моментам, ни сатирическим сильно не хватает остроты и, что самое главное, настоящей иронической наблюдательности. Иронической, а не злой, причём злой авторски. Текст получился мстительным, с постоянным разделением на чужих и своих, что чувствуется часто не только в мыслях героя, но и в авторской речи. Автор, мне кажется, должен быть выше этого и много, много наблюдательнее, ироничнее без злобы и угрюмости. А злоба и угрюмость – враг жанра.

Валерий ГАЕВСКИЙ
г. Севастополь, Крым, Россия

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

В сентябре 2006 года в симферопольском издательстве «Учпедгиз» я подписал в печать свою вторую книгу фантастики, роман «Полёты над Караби, или Новая Крымская метареальность». Сигналы я получил в начале октября, а весь «баснословный» тираж в 200 экземпляров – где-то под Новый наступающий 2007 год.

Уверен, что, наверное, слегка огорошу своих более удачливых собратьев фантастов, чьи произведения печатались солидными издательствами на условиях гораздо более выгодных (гонорарных), сказав, что условием выпуска моей книги была последующая реализация тиража мною же.

Полученных сигналов хватило на эйфорийную презентацию с друзьями в приснопамятном «Хайдельберг-центре», где мы, группа литераторов, «прописались» и прижились в нами же созданном клубе «Гель-Гью» (название было предложено безвременно ушедшим поэтом Александром Рудем), а также на оформление заявки на республиканскую премию по литературе. Заявку я тогда оформлял в одном из кабинетов Верховной Рады Автономной Республики Крым. Некоторое время в совет по премии (когда оной заведовало Министерство культуры) входил наш замечательный земляк и писатель-фантаст-гуманист Леонид Панасенко, впоследствии руководство по премии перекочевало в комиссию по культуре Верховной Рады.

Не знаю, правильно ли я тогда поступал? Возможно, предвидя некоторую инсценированность и театральность в присуждении подобных премий, я не должен был «испытывать фортуна», но, как стало ясно из непредвзятых личных ощущений, писательский азарт – он чем-то сродни азарту игроков в рулетку, и на каком-то этапе жизни тебя обязательно «подмывает» сделать ставку на себя...

Первую игру в лауреатство по той же премии я проиграл в 2004, выдвинув на соискание свой первый роман «Фантазии об утраченном». Я попал в списки номинантов, за что и был прославлен в газете «Крымские известия»... О романе много писали в прессе и критического, и лестного... Для меня он до сих пор остаётся одной из лучших вех в творчестве.

И вот два года спустя я решился на второй «азартный» заход с новой книгой...

«Полёты над Караби» я собрал из четырёх новелл, написанных в разное время, начиная с «Птицы по имени» (1986 год). Спустя два года, в 88-м, появилась новелла, давшая название всей книге, через год, в феврале 1990, родился «Внерейсовый навсегда», и уже в 2004 году была написана завершающая часть «Сюжеты, которые мы выбираем» (это перефразировка названия известного рассказа американского классика Уильяма Портера, больше известного как О'Генри). Таким образом, с некоторой долей условности, можно считать, что книга писалась 18 лет. То, что многие годы мне хотелось логически, а точнее метафизически, завершить крымскую тему в своей фантастике, знали многие друзья, и многие были рады «прорыву» Гая, когда книга появилась на свет. Зная условия договора с издательством-кредитором, мои друзья стали и первыми же покупателями «Полётов».

Премии Автономной Республики Крым по литературе я не получил и во второй раз... Но опять же вошёл в историю как номинант на оную за 2006 год.

«История повторяется» – часто можно слышать эту сакраментальную фразу от знающих и повидавших на своём веку людей... Несомненно, соглашусь я и даже добавлю: «Иногда она просто ходит по кругу». «В одну реку дважды не войти», – говорят другие. И это справедливо не только в философском, но и в физическом смысле: вода в реке всегда меняется, точнее память воды меняется, а способность воды хранить информацию – доказанный, хотя и совершенно удивительный сакральный факт! Но представим себе, что память воды одна и та же... Меняемся мы сами. Это справедливо. Наши клетки перестраиваются, энергии в разный момент времени текут и взаимодействуют по-разному. Значит, не может быть одинакового процесса для двух одинаковых посылок. Но я о другом... О книгах.

«Полёты над Караби» продавались хуже, чем «Фантазии». И всё-таки я погасил долг издательству-кредитору, заработав при этом, разумеется, не деньги, а очки, «баллы стойкости и терпения», а ещё понял, какова планида у таких упрямцев, как я. Большую часть своих гонорарных процентов я, естественно, промотал, пропил с друзьями. Однако же, скажу я вам, продавать свою книгу самому на «чёрном рынке», или на книжном развале, или на книжной ярмарке, стоя по соседству с полками толстых романов от издательства «Эксмо», или «Вагриуса», или «Северо-Запада», или что тогда было в чести... Да, рекламировать, продавать и подписывать свою книгу зимой, в дождь и снег, зная, что мало тебя кто знает, зная, однако, что ты автор чего-то примечательного, не встраивающегося в систему... О, да, это величайший кайф! И выпитая рюмка коньяка от заработанных денег отличается особым вкусом. Мне повезло. Я оставил автографы на каждом из проданных мной экземпляров и «Полётов», и «Фантазий», а это ровным сложенным счетом 700 экземпляров. Мне повезло. Я видел лица и глаза всех покупателей, я разговаривал с каждым. И в каждом автографе я вписал и их имена, и своё. Разве это не счастье? Семьсот человек поставили на полку мою книгу с автографом... Да это упоение, если разобраться...

Мой издатель-кредитор был доволен. Он не проиграл ни копейки. Я же свои копейки, как уже сказал, пропил. Мужественно. С достоинством. Никогда не падая лицом в салат или в грязь. И многие на эти гонорарные копейки были мной угощены. Конечно, в первую очередь, друзья, писатели и поэты. Были времена, когда многие из них с охотой пристраивались к моей «сессии автографов», ожидая момента «накопления средств», которые можно было употребить панибратски в тёплом кафе. Что и делалось с завидным постоянством...

В числе таких старых и добрых друзей во дни продаж-сессий часто оказывался хорошо известный крымский поэт Сергей Савинов. Это с ним вместе и ещё с двумя нашими общими друзьями-соратниками (Мариной Лобачёвой и Анатолием Каменобродским) мы в своё время в феврале 1991 года придумали и учредили крымский литературно-историко-философский журнал «Предвестие». Нас многое связывало с Сергеем: общий круг общения, любовь к горным походам, к творчеству. Мы оба писали стихи, варились в редакторских и презентационных кашах все 90-е годы. Мы всегда искали некую особую крымскую колористику и интонацию во всём, что нас окружало: в природе, в людях, в городах наших. Мы оба считали себя фанатами-крымоцентристами. Поэтому и тем для бесед у нас всегда было архипредостаточно.

Никогда не забыть пожар в моей квартире на Желябова, когда Сергей из комнаты, к которой вот- вот мог подобраться огонь, выбрасывал на растянутое одеяло книги из библиотеки, буду помнить и тот день, когда тащил он меня на себе ночью с поломанной ногой... Сергей по складу характера холерик с меланхолическим акцентом, и я по жизни его часто поочерёдно то успокаивал, то взбадривал. Личная жизнь у него как-то не строилась, разлаживалась, не собиралась... По каким причинам, не знаю, но на женщин он часто и густо, как говорят, «катил бочку»... Однако всегда с романтической надеждой продолжал искать свою «половинку»... Но время шло. В 2006 нам уже было с ним по сорок шесть – сорок восемь... Я помогал ему с изданием его книг, под проект одной из них, посвящённых памятным местам Симферополя, подключил городской совет по культуре и даже пробил финансирование... Тут сработало другое везение, а точнее умение вести переговоры на официальном уровне, умение, которое я в себе выработал за время многолетней редакторской работы.

Выходя на тему своей нынешней зарисовки, я довольно долго думал, спорил сам с собой. Не просто затрагивать личные темы, однако приходится это делать, особенно если толчок для этого дают люди, с которыми «пуд соли съел», которые в твоей душе значат много. Значили тогда и значат сейчас... Но вот какие чудесные переплетения случаются в писательском опыте: реальность перетекает в метафизику, а фантастика облекается в плотные одеяния настоящего, существующего и даже неизбежного. Игра воображения дарит целый мир, а целый мир вдруг оказывается отображением тебя самого, твоего прошлого, где всё дышало и жило когда-то, дробилось на эпизоды, фрагменты, незабываемые впечатления и состояния. И то, что фантастика часто ткётся на полотне вовсе не из виртуальных и эфемерных ниточек, я понимаю теперь отчётливо.

В «Полётах над Караби» почти у всех героев были свои прототипы, любимые и любившие меня люди, собратья по духу и мечтам. Были и мимолётные персонажи, были и те, кого почитал за учителей, была на-

следуемая атмосфера Крыма 80-х, 90-х, 2000-х. А ещё атмосфера горных походов, переходов, стоянок, бесед под звёздами, застольных споров, чтения стихов, поисков истины, любви, словом, всего, что можно определить как метафорическое понятие «полёты». Да, мы летали, мы умели летать, приводя в движение свои гравилёты и машины времени лишь усилием мысли или даже биением сердца, как это ни пафосно звучит. Плеяда крымских поэтов генерации 50-х и 60-х по многим ярчайшим образцам творчества останется одной из самых значительных в истории литературы Крыма. И это тоже не пафос. Но вернёмся к «Полётам»...

Серьёз Саврасов – так зовут одного из героев книги. Серьёз появляется во второй новелле в качестве художника-плакатиста, опять же друга главного героя, Гая, от имени которого ведётся большая часть повествования. Метафизический план воздействует на Саврасова в виде так называемых посланий, которые он то ли в сомнамбулическом состоянии, то ли в состоянии расширенного сознания получает на своей работе, а работает он в подвальной теплосети в старом городе. Послание, набитое по старинным буквенным трафаретам кириллицы, появившееся на стенде в своей студии, Саврасов воспринимает как знамение или откровение свыше. Гай посещает подвальный и рассказывает другу об алмазных шахтах, которые он якобы лично видел на знаменитом карстовом плато Караби. Саврасов хоть и не сразу, но соглашается войти в экспедицию Гая. Так постепенно собирается команда подходящих «психов», которые в один прекрасный день отправляются в «Полёты» – в параллельный мир «Крымской Шамбалы».

В первой части новеллы «Птица по имени» героя зовут Атолл Снов, он орнитолог и романтик по совместительству, летающий на вертолётке и ловящий чаек сетями... В какой-то не менее сомнамбулический момент жизни Атолл Снов вдруг ощущает себя реинкарнацией легендарного Ланселота, рыцаря Круглого стола. Одну из пойманных чаек Атолл кольцует и по ему лишь ведомому portalу отправляет в то своё прошлое. В том прошлом Ланселот на охоте за некой небесной диковиной, куда его отряжают перепуганные сельчане йоркширской деревушки, ранит стрелой... обыкновенную чайку. Подобрав подранка, Ланселот приносит птицу жене. На лапке чайки обнаруживается кольцо с выгравированным именем «Анна». Анной по сюжету зовут жену Ланселота, и Аней зовут одну из сотрудниц биостанции, где работает Атолл Снов... Таинственный ловец чаек пропадает при загадочных обстоятельствах, так и не вернувшись на вертолётную базу... Так рождается легенда. Гай в некотором прошлом был знаком с Атоллом Сновым, и в его жизни «параллельный мир» по-своему находит своё реальное отражение. В Крыму по геологии никогда не было и не может быть кимберлитовых трубок. Алмазы Гая – это что-то совсем другое: символическое, опять же метафизическое... Гай встречает Майю, реальным прототипом которой является уже называвшаяся здесь Марина Ло-

бачёва, удивительная девушка с удивительным взглядом на мир. Роман Гая и Майи – одна из коллизий второй новеллы. В конце этой новеллы, после ритуального самоубийства одного из членов экспедиции Андрея Смелого, Майя так же, как и Атолл Снов, безвестно исчезает. В третьей новелле «воскресает» Атолл Снов, он, вернувшийся из параллельного мира, оказывается объектом тщательных психиатрических наблюдений. Из рассказов расслоившего сознания Атоллы становится ясным, что он долгое время был пленником мира неких голубых песков, что он сумел посадить и поднять вертолёт без горючего на «тяге» сердечного чакрама и вернуться в нашу реальность... Однако «наша реальность» оказывается для Атоллы всего лишь стартовой площадкой для возвращения в бессмертный мир. Средством для перехода через портал герой выбирает обыкновенный товарный поезд, названный здесь «Внерейсовым». Поезд буквально на глазах читателей превращается в подобие космического корабля... И вот одна деталь и изюминка новеллы. Эпиграфом к тексту было взято стихотворение (одно из посланий) уже знакомого нам Серьёза Саврасова: «Они все хмельны, им не ведом Аид... Пируют, пируют в саду Гесперид...» По сюжету это были слова из песни, которую Атолл Снов помнил ещё с древности.

В книге, изданной в 2006 году, я, к сожалению, не сделал авторской ссылки на реальное авторство эпиграфа, а именно ссылки на моего старого друга и поэтического соратника Сергея Савинова, ибо эти слова реально принадлежат ему. Почему так произошло? Сказать трудно. Вспоминая времена, когда писался текст «Внерейсового», а это декабрь 1989 – февраль 1990 года, вспоминая вечера, когда я читал на квартире у Анатолия Григорьевича Каменобродского фрагменты новелл, я могу сказать только одно: не было в этом якобы «присвоении» никакого злого умысла. Более того, Сергей мне просто подарил эти строки, тем более он, и не только он, уже знал, что является прототипом героя новеллы и на упоминание себя как Саврасова в романе согласился. По-хорошему говоря, я должен был бы сделать ссылку в книге ещё раньше, обозначив все свои прототипы, но насколько я знал, в авторских книгах фантастики такой приём был непопулярен, да и вряд ли что-либо проявил читателю, незнакомому с нашим кругом. История была забыта на много лет, вплоть до недавнего времени...

Справедливость должна быть восстановлена. И вот я её восстанавливаю, честно поведав эту историю из ряда личных отношений:

Автором эпиграфа к третьей новелле романа «Полёты над Караби» «Внерейсовый навсегда», а именно строк: «Они все хмельны, им не ведом Аид... Пируют, пируют в саду Гесперид...» – является не мой вымышленный герой Серьёз Саврасов, а ныне здрав-

стеующий замечательный крымский поэт Сергей Николаевич Савинов.

Станным в этой истории, однако, является нечто другое: почему так долго молчал мой друг, почему ещё тогда, в 2007 году, не обратил внимания на эту деталь, почему не взыскал с меня справедливости? Я бы ради такого дела сделал даже вклейку в книгу на весь тираж, по типу тех, что когда-то бытовали в советских и досоветских книгах, «о замеченных опечатках» или «внесённых поправках». Но увы, тогда мой друг этой с виду пустяковой темой не болел. Не заболел. Всё списывал коньяк и наша дружба. Теперь же упорство и настойчивость Сергея заставили меня сесть за оправдательную статью.

164 Удручает другое: что нам с годами становится всё меньше и меньше о чём говорить и мечтать. Я развёлся со своей первой женой, уехал в Севастополь, встретил здесь ту, которой, можно сказать, «в древности» когда-то посвятил такое четверостишие: *«...Я отклонюсь от курса, я солгу ветрам, И я паду в немилость от запрета. Твой замок ласточки на том краю рассвета – Как я узнал, когда б я не был там...»*

P.S. В телефонном разговоре с Сергеем я пообещал, что если когда-нибудь переиздам «Полёты над Караби», то обязательно сделаю сноску под фамилией Саврасов.

12–13 января 2015 года
Севастополь

Юрий СИМОНОВ
г. Киев, Украина

«ТЁМНЫЙ СИЛУЭТ»

Интродукция. Всегда были, есть и будут люди, которые объявляют целью жизни – борьбу (естественно, за справедливость). Такие себе «личности с повышенной пассионарностью» – как сказал бы Гумилёв. Их судьбы складываются по-разному. Некоторые кончают жизнь мучениками за идею, большинство растворяется в безвестности, а кое-кто становится апологетами власти и денег, против которых так ревностно боролись. И, впоследствии, неплохо живут на дивиденды со своей «борьбы». (Подобно наполеоновскому маршалу Бернадотту, ставшему шведским монархом и сохранившему в память о яковинской юности татуировку: «Смерть королям!».) Представим, как выглядело бы Интервью с подобным героем, спустя... сотню-другую лет.

Надо готовиться к встрече со звездой.

Из интервью Ф. Киркова, «звезды эстрады» начала XXI в.

Договориться об интервью с Хуаном Гарсией по прозвищу Жёлтый Хуан оказалось неожиданно просто. А ведь пару десятков лет назад его безуспешно разыскивали не только журналисты, но и спецслужбы. Гарсия слыл одиозной фигурой Протестного Движения и числился в списках зачинщиков беспорядков в планетарных колониях (ну да: «народных акций протеста»). Его имя и образ стали брендом, а футболки и значки с его изображением (в ярко-жёлтом берете) были ходовым товаром среди экологов-неформалов... Сейчас Гарсия остепенился и, по слухам, оставив «практику», обратился к теории. Кто-то точно заметил: «Когда человек устаёт бороться, он делает вид, что помудрел».

ЛУКОМОРЬЕ

Конечно, проще было организовать виртуальное интервью. Но сейчас вошли в моду прямые контакты, снятые с применением допотопных цифровых камер. Чтобы «всё как в жизни». Вот спонсоры и вложились.

На оговорённую встречу мы прилетели вдвоём с оператором. Удивительно, но «непримиримый враг корпораций и банков» обитал не в «муравейнике» жилых бараков, и даже не в компактной ячейке эконом-класса. Коттедж находился в элитном районе лунной колонии «Селена», более известной как «Царское село». Здесь присутствовало главное достоинство такого жилья – отсутствие нежелательного соседства. Вокруг только «свои»: бизнесмены, банкиры, отставные чины космоадминистрации...

Жилое пространство коттеджа было стилизовано под римское палаццо с колоннадой по периметру, а голографические панели удачно имитировали внутренний дворик – атриум. (*Виртуальные интерьеры. Фирма «Мираж»: VS- 623.787.*) Гостиную украшала стильная мебель с новомодной обивкой «хамелеон», меняющая цвет в зависимости от настроения обитателей... Единственное, что напоминало о прошлом хозяина, – это специфическая портретная галерея на стене. Не все исторические персонажи были мне известны, поэтому хозяин провёл ознакомительную экскурсию. Здесь были: субкоманданте Маркос и батька Махно, Че Гевара и Саддам бен-Абдалла. Не обошлось и без личной фотосессии, где наш герой присутствовал: «На акции против Объединённого планетарного сообщества», «На лондонском Майдане в защиту смога», «На заброшенной станции «Мир-54» с сепаратистами Хоттабича», «У хижины, где родился Ким-Ир-Цой» и других.

Интервью с Хуаном Гарсией мы решили записать в домашнем интерьере перед небольшим бассейном, отделанным местным шлифованным известняком «под мрамор». Пока оператор ставил свет и настраивал аппаратуру, я продолжила осмотр «достопримечательностей».

Первым делом привлёк внимание вместительный встроенный шкаф, заполненный книгами. Вот вам и команданте! Разноцветье дорогих переплётов впечатляло: Заратустра, Ницше, Кропоткин, Лао-Цзы... Антиквариат, мечта любого коллекционера! Но... при ближайшем рассмотрении стало понятно, что корешки книг – удачная имитация, с помощью новомодной голографической плёнки. Всё стало на свои места. Меня бы не удивило, если бы за отъехавшей панелью с «книгами» обозначилась барная стойка с напитками.

Посреди гостиной красовался овальный стол из натурального дерева («*Мебель-элит*»: VS-622.882.) При взгляде на его полированную поверхность так и хотелось намекнуть, что мы, сицилийцы, не начинаем серьёзных разговоров, пока плотно не пообедаем... Но пока никаких предложений на этот счёт не поступало.

Фоном звучала музыка. Я прислушалась. В аккордах было что злое-знакомое. Точно: вагнеровские «Нибелунги». Вполне по ситуации, можно дополнительно не записывать закадровое сопровождение.

Наконец, явился сам хозяин – постаревший и располневший. Удивил его невысокий рост. Воистину толпа возвышает своих кумиров! Хуан был облачён не в привычный комбинезон аэрозольного напыления, а в светло-зелёный костюм от Гальяни и кевларовую сорочку с модным галстуком. С культивируемым образом народного героя также не вязались дорогой мобил-браслет и массивная золотая печатка на мизинце. (Правы имиджмейкеры: настоящего джентльмена делают аксессуары.) Для своих лет его лицо выглядело неплохо (пластотерапия, молекулярное восстановление, ионная подпитка?). («Новый век» VS-656.123.6.)

На вопрос, готов ли он к работе, наш герой кивнул и поспешил принять картинную позу, чтобы казаться повыше ростом.

Оператор включил камеру.

– *Здравствуйте! В эфире программа «Тёмный силуэт». С вами Анна Маттеи. Сегодня мы в гостях... За прошедшие годы вы сменили множество имён. Как вас теперь называть?*

– *Вы можете называйте меня просто: команданте Хуан.*

Я прикинула, неплохо будет перед интервью сделать подводку: мол, «команданте скрывается от масс-медиа, но для нашего канала сделал исключение»...

«Книжная» панель осталась на месте, зато в проёме показалась фигуристая дамочка с подносом (клон-секретарша... экономка... соратница по борьбе?). Она оставила поднос на столе и молча удалилась. Вместо ожидаемого кофе, здесь красовалась бутылка «Украинской текилы» и несколько необычных посудин. («Ограниченные стаканы», антиквариат, Россия, начало двадцатого», – успел шепнуть мне оператор.) Команданте умело откупорил бутылку и разлил содержимое по стаканчикам. Напиток оказался в меру охлаждённым и, судя по степеням защиты бутылки, не был местной подделкой... Беседа обещала быть интересной.

– *Мы знаем вас как одного из лидеров движения «Зелёные Бригады». Какие цели преследует ваша организация?*

– *Мы – антиглобалисты. Мы не есть вандалы, как часто представляют массмедиа. Наша организация «Пиплз космо-экин» борется за справедливость.*

Ключевое слово всех борцов – «справедливость» – было произнесено, и, воодушевлённый моим кивком, Гарсия продолжил:

– *Космоколонии – представляют страны четвёртого мира. Хотя они производят до 60 % ресурсов, а все блага пользуют жители Земли. Нас унижают само названий – «колонии». Мы есть противники космо-национальных корпораций, который истощают ископаемые ресурсы. Они взрывают скалы на Луне и обводят марсианский заповедный пустыни... Мы не согласны с планы пустить в переработка айсберги и*

ЛУКОМОРЬЕ

астероиды... Наша цель – непримиримый борьба со всем, кто насилует природу и нарушают баланс экологии космоса.

Всех родившихся в планетарных колониях традиционно отличает повышенное чувство самоидентификации. Было заметно, что «команданте» свободно владеет космозсперанто, но он демонстративно имитировал акцент, а когда ему нужно было обдумать ответ, делал вид, что недопонимает собеседника.

– У вас существует какая-то программа действий на будущее?

– Мы готовим акции к саммиту стран «Большой дюжины» и Всемирного клуба промышленных банков (ВКПБ). Наиболее несговорчивые бизнесмены получают посылки-предупреждения с красным порошком марсианской лихорадки. Мы продолжим пикетировать рудники Фобоса и представительства «Мураками-суши», пустившие корни повсюду, вплоть до космических пионерных станций. Глобализм ведёт с нами настоящую войну, и он не стесняется в средствах.

– Если можно, конкретные примеры...

– Их сколько угодно. Во время акции антиглобалистов в Канберре администрация использовала роботов-полицейских и «вонючие бомбы» (Оружие против массовых беспорядков «Скунс-2». Прим. ред.); а во время Весеннего Противостояния в Париже применялось «Секс-оружие»! Распылённый над колонной демонстрантов аэрозоль заставил их забыть о цели протеста и заняться сексом прямо на площади Пляс Пигаль... Причём концентрация была настолько велика, что в оргиях приняли участие многие многие полицейские из оцепления...

– Но и вы используете в качестве демонстрантов зомбированных клонов-активистов...

– Что поделаешь, таков наш симметричный ответ... Но самый возмутительный случай произошёл во время протестов в Челябинске (Промышленный центр Северо-Восточной Европы. Прим. ред.). Сотни наших активистов приковали себя цепями к контейнерам с бытовыми отходами. Возмутительно, но на них никто не обращал внимания почти неделю...

– Да, население тех мест отличается суровым нравом. Но и антиглобалисты не остаются в долгу? Кстати, иногда их шумные акции масс-медиа освещают охотнее, чем форумы политиков...

– Что поделать. На войне – как на войне! Здесь потери неизбежны, и напрасно журналисты сокрушаются по поводу офисов корпораций, разрисованных граффити, и разбитых витрин «Макдональдсов»...

С каждой фразой его возбуждение увеличивалось и соответственно уменьшался акцент. По-видимому, выпитый алкоголь притупил социальное самосознание.

– Приоткройте завесу тайны, как финансируются ваши акции? Недавно в Космонете появилась информация о незаконных экологиче-

ских патрулях, требовавших от владельцев глайдеров пройти проверку на наличие окиси свинца в выхлопе ракетных двигателей. Естественно, платную...

– Не так важно, куда поступали средства; важнее, что окружающая среда при этом становилась чище...

– Кто составляет костяк «Зелёных Бригад»? Бытует мнение, что молодые радикалы из вашей организации – это, зачастую, дети из обеспеченных семей...

– У нас только товарищи, преданные общему делу. А богатые они или бедные... Мы не делаем различий. У нас почти не бывает проблем с финансированием. Случается, искупая вину родителей-олигархов, их отпрыски делают взносы в наш фонд. И мы относимся к этому с пониманием. Естественно, существуют и другие пути пополнения счетов нашей организации...

169

– Расширим тему. А что вы думаете по поводу теории, что развитие сети внеземных станций и колоний позволило избежать социального взрыва в перенаселённых странах третьего мира, поражённых бедностью и безработицей?

– Не знаю, как насчет теории, но большинство колонистов – это выходцы из бедных слоёв Азии, Африки и Латинской Америки. Существуют также обширные землячества белорусско-польских, украинских и других мигрантов из Восточной Европы...

– ...Развивая промышленность в планетарных колониях, корпорации обеспечивают людям работу, социальные гарантии...

– Жители колоний вынуждены принимать условия, сформулированные кучкой олигархов и их менеджеров. Они формируют стереотипы общественного сознания. И транслируют через масс-медиа: «Герой – это тот, кто пьёт правильное пиво и правильно чистит зубы». Настойчивая реклама определённого образа жизни втягивает людей в тараканьи бега за благами. Лучшее жильё, собственный глайдер, отдых у воды... и как воплощение мечты – крохотный участок с деревянным домиком, пусть и в эко-запущенном районе перенаселённой Земли.

Казалось, нашему собеседнику, что обитает в достойных условиях, негоже сокрушаться... Но, похоже, несоответствие лозунгов и обстановки его мало волновали. Он мельком взглянул на модный мобил-браслет и продолжил:

– Корпорации опутали мир информационной сетью. Всем прививаются «общие» вкусы – некое подобие евро-американского стандарта. Одинаковая музыка, одинаковая мода («Вы ещё не в белом? Тогда мы идём к вам!») и даже одинаковая еда во всём обитаемом космосе. Общие для всех праздники, например, Хелоувин трансвеститов или Голубой и Розовый Дни влюблённых.

ЛУКОМОРЬЕ

– Но, по слухам, вы сами...

– Всему планетарному сообществу навязывают одинаковые каноны красоты! Какой смысл в конкурсах, когда внешность женщины стала продуктом генной инженерии. Наши активистки из Лиги «Антибарби» отказываются снижать вес и бороться с целлюлитом. (Очень хотелось спросить: «А как насчёт карьеры?») Они пикетируют конкурсы красоты и модельные агентства... Какой смысл выходить на подиум, если даже форма женских ног может быть скорректирована ген-инженерами...

Команданте замолчал и уставился на мои длинные ноги, обтянутые латексом. Судя по всему, и сексориентация у него – нетрадиционная для нашего времени. Он явно был старомодным натуралом и интересовался женщинами. Чтобы остановить «пламенную речь» взбодрившегося дона Хуана, пришлось «перевести стрелки» и задать давно ожидаемый им вопрос:

– Говорят, вы пишете книгу...

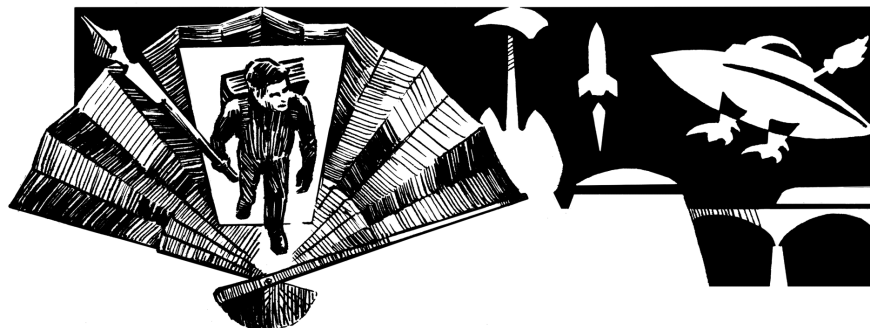
– Да, почти закончены мои воспоминания: «Философия беспорядков» и «Тридцать лет на передовой». Отрывки давно публикуются на нашем сайте «Эль-Мачете». Это будет некий... отчёт о собственной жизни и борьбе за социальное равенство.

Бутылка текилы постепенно опустела, и разговор как-то естественно подошёл к концу. Мы отсняли ещё несколько панорам для монтажа и заторопились к отлёту. Хозяин вышел проводить нас – обрюзгий и суетливый человек, так непохожий на свои тиражированные изображения...

Гостевая стоянка глайдеров была неподалёку. Здесь мы не встретили ни одного экономичного «вольво» или «мерса». (Салон авто- и авиатехники «Кентавр»: VS-610.155.) Ровными рядами стояли матово-блестевшие корпуса машин представительского класса, в основном «запоры» и «нивы» различных модификаций.

Над взлётным полем послышался рёв форсированного движка. Это, разрезая темноту светом нейтронных фар, парковался очередной навороченный космоджип «Калина-Экстра». Свет, бьющий по глазам, ритмичный рокот двигателя, завывание сирены – всё это немного напоминало модную дискотеку где-то на орбиталке.

Сканирование багажа и выходной фейс-контроль не отняли много времени, и мы покинули охраняемый периметр (который даже организованная толпа «борцов за равенство» вряд ли преодолееет). И вот уже в иллюминаторе замелькали все достоинства VIP-комплекса «Селена-2» – жилая зона с развитой инфраструктурой: Центр досуга с аквапарком, рестораны, кафе, церковь, площадки для гольфа. И всё это на фоне матричной подсветки и периодически сменяемой голографической перспективы. (Аренда элитных офисов и жилых ячеек «Мун-риэлти»: VS-699.112.)

Клуб и его обитатели / Творческие мастерские

Михаил АНАНОВ
г. Тбилиси, Грузия

РОЖДЕНИЕ СЕДЬМОГО ЧУДА СВЕТА

Один над бездной, страхом окрылён,
Готов сорваться вниз с одной мечтою,
Чтоб слиться со стихией неземною,
Запечатлевшей тайнопись времён.

И творчество предстанет вдруг игрою
Природных сил... – волшебный этот сон
Сумею возвести тогда в канон,
Чтоб встретиться с заветною звездой.

Вершины гор – твоей дороги гид,
В морских глубинах джинн твой добрый спит, –
Неумолимый слышу зов Икара.

Свободное паденье – верный ход...
Ты соверши восторженный полёт –
С твоей души захлещет Ниагара.

ЗНАМЕНИЕ

из повести «Хранитель Мнемозины»

Средь чёрных туч воздвигся призрак Слова.
Взвыл огненный скакун... напав на след,
Ему навстречу вылетел Конь Блед:
Ваяет морный гимн его подкова.

Они столкнулись. Скинут щит Покрова:
Горгонной *дамы* обнажён портрет:
Возник её улыбки силуэт,
От одного созвездья до другого.

И бородой трясёт Армагеддон:
Атлант могучий сокрушил свой трон,
Вселенским воплем оглашая: Тлею!

Свод Неба рухнул – воцарил кошмар,
И загасить неумолимый жар
Не хватит мощи даже *Водолею*.

БЕЗ ПАНИКИ

Без паники! – ну что за кавардак
устроили на корабле летучем;
что из того, коль астероид жгучий
к паденью в океан нам подал знак.

Да, вспенилась волна, и снова к тучам
она взметнулась... непроглядный мрак
околдовал все наши души так,
что умереть сейчас нам было б лучше.

Вы слышите – треск гневно-громовой.
А это раскололся шар земной:
нас разъярённой разнесло кометой.

И за какой, скажите, это грех?
Без паники! Спасательных жилетов, –
Вдруг пронеслось, – должно хватить на всех.

ФАУНАРИИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ

И мрак, и страх сокрыли гибель зла.
Из недр земных восстали квазимоды,
Огня и ветра стильные уроды,
Раздался вопль tragosa – козла.

Мозг Фаунара выгорел дотла,
На мандрагорах вызрели рапсоды,
Природы гангренозные I-род-ы.
И, как всегда, Земля своё взяла.

Трясутся скалы, буйствует цунами,
И небеса расписаны китами,
Навис над миром дымчатый колпак.

Из пепла зло восстало, словно Феникс,
И, как надгробный памятник спасенью,
Сверкает неподкупный Зодиак.

173

ПАРАДОКС НЕСОВМЕСТИМОСТИ

Быть может, в дни тревог сам дьявол изваял
Из адского огня твой светлый лик, Венера,
Чтоб в суеде времён всеядная Химера
Не смела осквернить природный Идеал.

Быть может, в дни утех, когда Господь ронял
Эдемовы цветы во жгучий мрак Обера,
Из дряхлости веков явившаяся эра
Сумела заглушить вселенский Мадригал.

Строптивый дух миров – воинственный целитель,
Безумный судеб смерч – коварный искуситель
Созвездием шарад сплелись в борьбе слепой.

Святой создатель Дня – чумной хранитель Леты:
Две грани-стороны случайною рукой
Над бездною миров подброшенной монеты.

ПАТРИАРХ ЭРЫ

Застывший Океан – безмолвная долина
Мрачнующих зеркал в кайме из берегов,
В них отражение заоблачных шатров,
Сплетённых из стеблей гортензии и тмина.

Раскинуты они по зеркалам веков
В сиянии фигур земного исполина,
Что воздвигаются по воле Властелина
Игрой стихийных буйств и яростью ветров.

Титан седых миров!.. над буйными волнами
Туманные шатры сверкают куполами,
Ведь властен над тобой вселенских оргий хор.

Но грянет страшный день – день чёрного прозренья,
И мир поглотит вмиг из гнева и презренья
Твоими волнами изваянный собор.

ДАЛИАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

фрагмент из трагедии «Избитый Ангел»

В моей душе храню я талисман,
Представший чашей, с неба окроплённой
Росой мечты, как кубок золочёный,
Что сохранил изысканный дурман.

И мой хранитель, словом возрождённый,
Льёт в разум мой открытий океан,
Но змеевидный призрак, словно стан,
Обвил его, победой окрылённый.

Хоть обликом своим, как чародей,
Схож с ангельским лицом лукавый змей,
На кончике хвоста сверкает жало.

Ведь слово – меч и для того, кто свят,
И я испью последний жгучий яд,
Стекающий по лезвию кинжала.

ОБОРОТЕНЬ

Сальвадору Дали

День блесит, как чёрный кашалот,
Что в лазури огненной резвится,
Тучами опавший небосвод
Предстаёт развратною девицей.

Флигеля воспрявших островов
Затесались на резных утёсах,
И подобьем саблезубых львов
Робко стынут камни на откосах.

Вечен их необъяснимый плен –
Эталон забытого покоя, –
Навевает пение сирен
Шум морского лунного прибоя.

Но океанический парад
Конницы представит самодержца,
И падёт на волны гневный взгляд
Вечного изгоя-громовержца.

Что ему идиллия ночей
Или день спасённого забвенья,
Ведь апостол мраморных морей
С ним не делит тихие владенья.

Он спалит литые облака,
Сонная лазурь побагровеет,
Только чья-то томная рука
Даже помешать ему не смеет.

Грянул гром – кровавый небосвод
Всё сильнее тучами лоснится,
И резвится чёрный кашалот
С огненно-развратною девицей.

ТАЙНОПИСЬ МАНДАЛ

Ларисе Красильниковой

Проникновенье в недра подсознания
Позволит нам наш хрупкий мир спасти,
Развевя страхи противостоянья,
Встающие на огненном пути.

Исполнить гимн миров тысячеоких
Поможет нам заветная скрижаль,
Поднимем тост в честь миссии высокой –
Наполните вином святой Грааль!

У времени всегда свои вандалы.
Стараются затмить небесный свет,
Но звёздные взывают к нам астралы
Из хаоса давно минувших лет.

Они плетут по огненным границам
Неумолимо яростную сеть,
И, чтоб душой, как Феникс, возродиться,
Необходимо снова умереть.

Не убоимся происков химеры.
Чрез тернии путь сможем проложить
В желанные объятья космосферы,
Где триедина золотая нить.

И тем – узри! – ценнее непорочность,
И тем сакрально-звучней НЕ ГРЕШИ!
Для Истины всего превыше точность,
В прекрасном – наслаждение души.

Нам покорился лабиринт познания,
Ваяет символ веры синева,
И в тайные картины мирозданья
Мы вписываем нужные слова.

ПРОМЕТЕЙ

вариация на тему креационизма

(Рассказ – победитель конкурса «Прометей»

группы ВКонтакте «Мифология Древней Греции» (январь 2015))

177

Случилось так, что Творец создал людей не сразу. Если быть точным, он их вообще не создавал. Он создал асуров и дэвов, а уже те, в свою очередь, создали людей. Но не сразу. Асуры и дэвы – вполне условные названия. Только они сами (и Творец) знают, как они называли себя до того, как их как-то начали называть люди. Известно другое. Творец, помимо них, создал свет и тьму. Нынче (последние три с половиной тысячи лет) их именуют в священных книгах небом и землёй. Небо привычно ассоциируется со светом и добром, а земля с тьмой и злом. Асуры и дэвы попеременно менялись местами. То асуры на небе, а дэвы на земле, то наоборот. Они делали это периодически – где-то раз в тысячу лет. Иногда чаще, иногда реже. Менялись же они затем, чтобы не зазнаться, укorenившись в одном своём образе. А то можно начать тыкать пальцем в другого, а то и обозвать его плохим словом. Мол, ты тёмный демон из преисподней – в тебе ничего святого; или ишь святоша выискался, нос задрал. А там и до драки недалеко. А так все знали, что будут занимать свою небесную или земную позицию не вечно и в будущем придётся примерить на себя чужое место. Надо заметить, что и асуры, и дэвы живут если и не бесконечно, то очень долго. И за свою длинную жизнь каждый из них поменял небо на землю и обратно такое количество раз, что в душе уже давно потерял чёткую самоидентификацию. Некоторые даже вообще уже забыли, кто они, асуры или дэвы.

Был среди них один особо хитрый. Звали его Прометей. То есть люди потом его так звали. Как он звался до людей, история умалчивает. Хитёр он был тем, что во всеобщей неразберихе по поводу того, кто, в конце концов, асур, а кто дэв, он умело и по своему желанию наострил перебежать от одних к другим, меняя имена и лица. Развлекался как мог. Там нашкодит, тут подшутит, тихо слиняет, облик поменяет – поминай как звали.

И пришёл этот Прометей к Гефесту, у которого тоже были некоторые проблемы с самоидентификацией. В ту пору Гефест проживал на Земле. Он как раз задумал работу. В то время обитавшие на земле боги (и асуров, и дэвов вполне можно так назвать) решили создать существ по своему образу и подобию, только поменьше в размерах и в возможностях. Задумано это было с целью образования бесплатной рабочей силы. Новые существа

должны были обслуживать различные божественные нужды и всячески богам угождать. Короче, планировались не очень разумные, но преданные рабы. Телесные оболочки уже были созданы, и земные боги обсуждали, как лучше их оживить. Гефест не принимал участия в общей работе, но задумал создать свой небольшой народец. Выделиться захотел. Он был кузнецом и решил выковать своих существ из железа. За этой работой его и застал Прометей. Понаблюдав немного за Гефестом, Прометей придумал смешную, как ему казалось, шутку и немедленно приступил к её исполнению.

– Гефест, – сказал он, – какие прекрасные существа у тебя выходят! Остальные боги лепят свой народ из глины, ты же создаёшь свой из прочного железа! Твоим людям не будет равных! Они будут сильнее и выносливее остальных. Никто не сможет победить их. Но скажи, как ты думаешь оживить их? С помощью чего?

– Не знаю, Прометей, – ответил Гефест, – я ещё об этом не думал. Прометей улыбнулся про себя, ибо так он и думал.

– Мой друг, – мягко проговорил он, – остальные, думаю, возьмут для этого силы тёмной земли. Их люди будут медлительны и недалёки. Я же смогу достать для тебя силы небесного огня, чтобы ты вдохнул их в свой народ. Тогда твои люди станут быстры и умны, подобно нам с тобой.

– Но можно ли... – попробовал возразить Гефест.

– Верь мне, брат мой! Я всё сделаю, как надо. Твой народ поистине не будет знать себе равных!

Гефест согласился, и в то время как остальные боги земли обращались к тёмным силам земли, Прометей устремился проверенным путём на небо, чтобы добыть для людей Гефеста небесного огня. Он незаметно позаимствовал немного у Зевса, который в ту пору пребывал в высших сферах бытия. Благополучно добыв огонь, оставшись незамеченным, он поспешил обратно к Гефесту.

– Вот, – сказал он, – возьми это и дай своим детям!

– Но это же... – опять попытался было возразить Гефест. Но Прометей, не слушая его, швырнул огонь в бездыханные создания из железа. В тот же миг они ожили, встали с земли и стали озира́ться вокруг.

– Позвольте, – обратился один из них к Гефесту, – кто вы, кто мы и что тут происходит?

Надо сказать, что Гефест был в шоке. Остальные боги замыслили грандиозный план по созданию послушных рабов из глины, а у него вышли разумные существа, подобные самим богам. Как и боги, эти существа вмещали в себе и земную материю, и небесный огонь; и свет, и тьму. Этот казус мог закончиться плохо. Боги могли совершенно не одобрить творчества Гефеста. Тот в панике решил уничтожить дело своих рук. Он занёс свой молот и ударил. Но его люди сумели увернуться от удара его молота. Рухнув на колени, они стали молить о пощаде.

– Брат, – сказал Прометей Гефесту, – сделанного не воротишь. Разве ты действительно хочешь убить их? Это не бездумные твари, которыми полнится земля, это обладающие разумом и духом существа, подобные тебе и мне. Пощади их.

Гефест согласился. Он не был злым богом.

– Хорошо, – сказал он, – но мне придётся их спрятать.

Он запрятал свой народ глубоко в недрах горы Кайлас, строго-настрого наказав им не показываться наружу. Люди Гефеста поклялись ему в этом и занялись добычей и обработкой металлов, потому что все, как и отец, были кузнецами.

Не знавшие об этих событиях земные боги тем временем добились до тёмных сил земли и оживили с их помощью свои послушные народы. Те сразу принялись их обхаживать. Ни один не проронил ни слова.

Спустя некоторое (относительно непродолжительное) время Прометей, прикинувшись Гефестом, прокрался в недра горы Кайлас. Он нашёл там самого молодого кузнеца.

– Пойдём со мной, – сказал он ему, – у меня есть для тебя дело на поверхности.

Молодой кузнец дрожал от страха, ведь он ни разу в жизни не выходил за пределы горы. Но он не посмел отказать отцу Гефесту и послушно пошёл с ним.

Прометей вывел его наружу. Он отвёл его к ближайшей деревне, в которой проживал народ слуг и рабов. Надо сказать, что хоть рабы и вышли безмозглыми, внешне они получились гораздо более привлекательными. Они были выше, кожу имели более гладкую. На их лица было приятно смотреть. Народ Гефеста же был низкорослым, коренастым, со свирепыми лицами и бородами почти до земли.

– Смотри, – сказал Прометей кузнецу, – жители этой деревни достойны сожаления. Их не наделили небесным огнём, которым я наделил тебя. Они существуют в темноте. Но достаточно одной искры, и костры их жизней разгорятся ярче солнца. Этой искрой станешь ты! Ступай и поделись с ними своим огнём!

И молодой низкорослый кузнец, уразумев по мере возможностей свою миссию, побежал в сторону деревни.

На метафизическом уровне бытия это действительно выглядело так, как будто бы от одной искры начинает медленно разгораться большое пламя.

На физическом это смотрелось более прозаично. Гном (а именно так почему-то прозвали детей Гефеста люди) влетел в деревню и начал колотить чем попало по головам сонных её жителей. Поначалу никто не сопротивлялся. Но от его ударов люди чувствовали внутри вспышку све-

КЛУБ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

та. И этот свет менял их коренным образом. Уже через пятнадцать минут жители деревни, недоумевая, смотрели на гнома и думали: «Почему этот низкорослый гном бьёт наших братьев?» И те, кто успел очнуться от тёмной силы земли, сами накинудись на гнома. Тот не был котов к контратаке, и его в два счёта выдворили за пределы деревни, неплохо при этом помяв.

– Отец! Прости! Я не сумел зажечь их всех! – каялся гном, вернувшись к Прометею.

– Ничего, сын мой. Остальных зажгут те, кого успел зажечь ты. Ты всё сделал хорошо. Возвращайся домой.

Прометей улыбался.

Всё получилось так, как он думал. Это было подобно эпидемии. Люди стали передавать огонь друг другу. Из деревни в деревню – небесное пламя распространялось по земле со скоростью пожара. Уже к следующему утру все народы, созданные богами, имели внутри себя подарок Прометея. Осмыслив столь ценное приобретение, они стали весьма посредственными рабами. Работать их можно было заставить только силой, причём при малейшей возможности они разбегались. Почитать богов они стали через раз, а всё больше гордились самими собой и своими мелкими (с божественной точки зрения) достижениями.

В ярости боги стали искать виновного. След привёл их под гору Кайлас, где они с удивлением обнаружили народ Гефеста. Через него они вышли на самого Гефеста. Тот, покайся перед братьями, заявил, что всему виной коварный Прометей. Боги земли не стали утруждать себя. Они решили просто сообщить Зевсу на небо о том, что прохвост Прометей умыкнул у того небесный огонь. Зевс был суров и грозен. Узнав от своих земных коллег о том, кто виноват в пропаже, он собрал друзей, спустился на землю и перевернул там всё вверх дном. Люди содрогались от царившего в мире грохота, гномы сжимались от страха в своих пещерах. И те и другие надолго запомнили этот день.

В конце концов, Прометей был найден и примерно наказан. Скала, цепи, орёл, клюющий печень, которая к утру отрастает заново. Ужасные мучения. Удовлетворившись свершённым, Зевс вернулся на небо.

Через некоторое время к прикованному к скале Прометею пришёл гном. Тот самый, который ходил с ним поджигать людей. Он уже был далеко не молод и довольно мудр. Он давно сообразил, кто был с ним в ту ночь. Также он сообразил, что если бы не Прометей, то ходить бы сейчас и ему, и всем гномам, и людям в бессловесных слугах у богов. Много дней и ночей пробирался он к скале, добраться до которой было почти невозможно для смертных. Однако гном дошёл. Ещё на подступах к гиганту Прометею (а тот был для гнома довольно велик) он заподозрил, что что-то не так. Когда же он подошёл к нему и стал кричать «Прометей! Про-

метей!», узник никак не реагировал и ничего не ответил. И тут гнома озаарило. Он понял, что Прометей, находящийся перед ним, – бессловесная тварь, созданная из глины и оживлённая тёмными силами земли. Гном с облегчением расхохотался и отправился в обратный путь.

Куда же делся настоящий Прометей? Подумайте. Возможно, вы знаете его под именем одного из богов, почитаемых в вашей местности. А может, и нет. Кто знает пути хитреца?

Анатолий КАМЕНОБРОДСКИЙ
г. Симферополь, Крым, Россия

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Я решил пройти через парк: так короче. Было уже поздновато, и в сумерках виднелись прохожие. Что это? Кто такие? Вначале я услышал их голоса:

– Чуть левее! Вот так! – и шум: вроде что-то тащили по земле. Потом показались двое – седобородые, в странных халатах... Прямо-таки библейские старцы.

Рабочие? «Что-то установили, – подумал я, – рабочие... Рабочие такими не бывают...»

Один из незнакомцев улыбнулся и поднял вверх указательный палец – вроде хотел сказать: «Много ты знаешь! Ещё и не такими бывают!»

Я пошёл дальше по аллее и вдруг натолкнулся на стенд, перегородивший мой путь, с надписью: «Выхода нет». Каждая буква находилась на отдельном листе фанеры.

«Что за чушь? – подумал я. – Вот же выход: воротца и нигде не видно ни ям, ни следов каких-либо работ».

Я снял и положил буквы А и Н Е Т в сторонку на землю и пошёл дальше... Что такое? Сломанный зонтик, порванная книжка, пустой кошелек, разбитая чашка, башмак в луже... Свалка? Может, кого-то убили?

Вдруг я получил увесистый удар в лицо, и тут же моя нога попала в ямку, которой только что, ей-богу, не было!

Тут же впереди возникла фигура полицейского, который стал укорять:

– Там же написано! – и как бы опережая мои жалобы, продолжил: – Налетели? Что вы? Нет никого!

Да, в самом деле, сквозь редкие посадки виднелись дальние места парка... Никого.

– Ладно, сейчас рабочие поставят... – полицейский ушёл, а ко мне приближалась пара: он и она.

– Видишь? Выход! – сказал он. – А знаешь какой? Вот какой!

И он заключил её в объятия.

– Я знала, – ответила она, обнимая и целуя его.

КЛУБ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Невдалеке на ветке висело спелое яблоко. Осталось! На земле – колючко и денежка. Да, сотня!

Какой-то человек спешил к воротцам.

– Подожди! – крикнули ему. – Хорошо, что мы встретились. Возьми долг...

– Знаешь, что ты получил наследство? – говорил кто-то кому-то.

Оба невидимы.

– Это же надо! – хриплый голос. – Блин! Поломала какая-то скотина!

Двое рабочих. Без халатов, в ржавой одежде. Ну и рожи, Фантомас бы испугался! Нет, уж таких рабочих точно не бывает!

– Бывает, бывает! – пробормотал пацан, следующий за рабочими, грязный, весь в синяках и ссадинах.

– Сейчас врежу в рожу, – подхватил один из «рабочих». – Тогда поймёт...

Что я пойму, не расслышал... Они сразу же стали обсуждать, что

182 делать с буквами.

– Эти захотели счастья, – указал один из хамов на довольных прохожих. – А из буквенного хлама ничего путного не сложишь...

– Эх вы, тупые хари! – завопил пацан. – Я сложу!

Он повозился с фанерами и хлопнул в ладоши. Взрослые «хамы» посмотрели, почесали затылки и согласились:

– Ладно, пусть будет.

Все трое ушли, а я прочитал на перегородке: «Вода» и узрел целый ставок в пустых берегах. И откуда натекло столько?

– Вот сволочи! – сказал кто-то. – Напустили!

– Нет! – возразил ему ещё кто-то. – Пригодится для полива. И будет где внукам покупаться.

– Ладно... – примиряюще прозвучал женский голос. – А пока я сюда помои вылью...

Те, кто говорил, тоже ушли. Я подумал: «Нет, надо чтобы тут было...»

Взял две первые попавшиеся фанеры – получилось: «Ад». Этого только не хватало! Я отбросил буквы в сторону, снова взял две и добавил одну... «Ода» стояло на аллее, а я летел домой как на крыльях: рифмы и метафоры теснились в голове и в сердце... Пусть не ода, а стих... И какой!

Я оглянулся, когда был в конце аллеи. «О» упало, осталось стоять «ДА». Чего ожидать?

Здесь в небольшом цветнике стоял деревянный столик, несколько стульев вокруг. За столиком сидели все рабочие (или колдуны?). На столике – бутылки, тарелки, стаканы, закуска.

– Нашли общий язык? – проговорил я.

– Общего языка не было, – ответил пацан, – но есть общая селёдка, картошка, огурцы...

Не обращая внимания на меня, они продолжали беседу.

– Да, без нашего вмешательства людишки совсем бы растерялись! – провозгласил один из старцев.

– Конечно, надписи лучше волшебной палочки: есть свобода выбора, – добавил другой. – Хотя есть упрямцы, действующие наобум. И что бы мы ни написали, будут тут же переписывать по-своему...

Пацан обратился ко мне:

– Что, блин, смотришь? Надпись нужна «НЕ СМОТРЕТЬ»? Блин...

– Ты что, любишь блины? – спросил я весело.

Он недоумённо глянул на меня, видимо, не понял, и вся компания стала исчезать, как бы испаряться. Осталась пустая тарелка, на которую плюхнулся (откуда?) большой блин.

Ладно, пусть птички поклюют!..

КТО ПРАВ?

– Я!

– Нет, я!

Оба спорили – отчаянно: и громкоголосый худенький, маленький очкарик – профессор психологии Иванов, и маг Раджман – высокий статный, с седыми бородой и гривой. Каждый был уверен, что прав, его противник наивен, до глупости.

– Вы посмотрите вокруг! – дуэтом воскликнули они, оглядываясь, как бы ища доказательства своим словам.

– Как вам нравится исчезновение известного художника Залкинда? – спросил маг.

– Он же уехал в Израиль! – отмахнулся профессор.

– А вот вам и чудо! – парировал маг. – Вот он идёт!

– Ну что чудесного? – усмехнулся профессор. – Тут он писал портреты вождей, а там это кому надо? Лучше жить в родном городишке.

– А писатель... Не помню, как его... – вспоминал маг. – Все у него графоманы, бездари... Писал как Бродский, иногда как Лорка... Вы не читали? Где наш седовласый?

– Я – нет, – ответил профессор. – Как и вы. Говорят, он однажды посмотрел в зеркало, спросил: «Кто это?» И исчез, но только как писатель... Да вот он, собственно.

Иванов указал на молодого человека за прилавком магазина.

– Чудеса косметики! Да и зарабатывает, – пояснил профессор. – А тот, молодой Альберт, не работал. Скучно, мол, тяжело, опасно. Жил за счёт мамы. Порой ходил на руках по тротуару, иногда рычал на кого-то: «Вот я вас!...» Так он начал работать. Вот чудо!

– А в Москве известного режиссёра выжили из театра, а потом один

КЛУБ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

из злодеев играл какую-то роль на сцене и упал... Подставили ножку, и кто бы вы думали? Пострадавший уверял: режиссёр, который умер!

– Наверно, упавший этот ваш сильно ударился головой! – кивнул Иванов.

– Ну а что скажете о тех двух, которые, выйдя из маршрутки, стали разговаривать на языке, не похожем ни на один язык нашего мира? Только одно слово я расслышал знакомое... – победоносно воскликнул маг.

– Я знаю какое, – рассмеялся профессор. – Слово «мать». Да вы, наш лингвист, учились в особой школе!

– Я ещё не назвал писателя Раевского, который создавал стихи и прозу и никто его не понимал, – сказал маг. – Так из какого он мира?

– Часто он сам себя не понимал, – ответил профессор. – Сейчас он журнал издаёт «Фигкуданго», по названию танца племени уркамурка...

– Ладно, допустим, что вы в чём-то правы, – развёл руками маг. – Но как быть бедным властям, если люди пишут, звонят, требуют, чтобы выяснили... Вот на улице Барханова в доме 000 – ужас что...

– Ладно, поехали! – профессор распахнул перед магом дверцу своего авто.

Небольшой одноэтажный домик, явно частное владение, а на воротах действительно стоит номер «000». Входят. Испуганный хозяин разговаривает шёпотом, а хозяйка совсем в шоке, выползает из-за буфета. Вошедшим указывает на негорящий камин. Оба наклоняются. Профессор ничего не видит, а маг влезает поглубже. Что-то узрел... протянул руку и вытащил на середину комнаты небольшого чумазого мальчишку, перепуганного, бормочущего что-то на непонятном языке. Пока профессор с магом пытались что-либо рассмотреть в глубине камина, пацан исчез.

– Убежал! – решил профессор.

– Телепортировался, – сказал маг. – Вы приглядитесь, там другой мир, дружище, и мы для них – привидения.

– Да нет там ничего. Стенка! – профессор осветил стенку внутри камина фонариком.

– Для кого стенка, а для кого силовой барьер, который иногда преодолевается, – возразил маг.

– Увы, мы не найдём общего языка, – развёл руками профессор.

– Не зарекайтесь, дорогой! – проговорил маг и медленно растаял в воздухе.

Профессор снял очки, снова надел их, вздохнул и пошёл к знакомому психотерапевту...

ОГНЕННЫЙ ЦВЕТОК

Далеко за пеленою звёзд и стаями комет существует мир, который, хоть и красивее нашего, всё же далеко не идеальный. В этом мире испокон веков жили две расы могущественных существ. Представители двух великих стихий – огня и воды. С самого создания этого мира расы огня и воды воевали. Это была жестокая, беспощадная, бессмысленная война, целью которой было истребление враждебной расы. Никто уже и не вспомнит о причинах этой войны. Дети огня и воды рождались и умирали на поле боя. Вскоре больше никто уже и не задавался вопросом о причинах многовековой вражды. Воины рождались и гибли, видя перед собой лишь один смысл своего существования – сражаться с врагом. У созданий огня и воды не было больше никаких чувств, кроме ненависти и жажды убийства.

185

Так было много веков. Воины огня испаряли воду, а воины воды тушили пожары. Однако случилось то, что не могло случиться в мире жестокости и ненависти. Воин огня влюбился в одну из дочерей речного бога. Это чувство было ему не знакомо. Он боялся и в то же время удивлялся ему. Воин пламени не понимал, что с ним происходит. Он понимал, что речная принцесса недосыгаема для него. Понимал, что их союзу не суждено было существовать, однако столь прекрасное создание воды влекло его с каждым днём всё сильнее и сильнее. Речная принцесса же была слишком строптива даже для представителей своей расы, но и её коснулась рука неведомой для её мира силы. Сила, которая влекла воина огня, увлекла и её. Однажды на границе территорий двух враждующих рас воин огня и дочь речного бога впервые встретились. Это был первый и единственный случай, когда враги встретились не для беспощадного сражения, а для того, чтобы полюбоваться друг другом. Они не могли ни поцеловаться, ни обняться, ни даже прикоснуться друг к другу, ведь огонь испарял воду, а вода гасила пламя. Всё что было у созданий огня и воды – это возможность смотреть друг на друга и говорить. Говорить долго, до рассвета, а потом воин уходил на очередное сражение, а дочь речного бога возвращалась в свой дворец плакать и тосковать о том, с кем она не могла быть.

Каждую ночь на протяжении долгого времени, которое в нашем мире могло называться неделями или даже месяцами, воин огня и речная принцесса встречались на границе двух владений и говорили обо всём на свете. Говорили о бессмысленной войне, о том, как просыпается и скрывается за горизонтом солнце, о других мирах, которые, возможно, где-нибудь существуют.

КЛУБ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Мирах, где нет войн, нет смерти, где все счастливы и вольны любить даже тех, кто недосыгаем.

В один из таких вечеров воин огня создал в своей руке цветок. Ни один другой цветок не шёл ни в какое сравнение с этим искусным созданием огня. Он сиял ярко, но при этом несколько не слепил глаза речной принцессы. Его лепестки, созданные из языков пламени, отрывались от стебля и в виде искр летели в воздух, а на их месте появлялись новые. Листья исчезали в одном месте и появлялись в другом, перетекая по всей длине стебля. Цветок был настолько красивым, что заморозил речную принцессу, и она, забыв об осторожности, попыталась прикоснуться к нему.

Однако ей это не удалось. Языки огненного цветка причинили боль принцессе, слегка испарив водяные пальцы. Принцесса отдернула руку и заплакала. Заплакала не от боли, а от того, что не может прикоснуться к самому превосходному творению из тех, что когда-либо видела. Заплакал и воин, осознав, что подарок, в который он вложил свою любовь, не способен разрушить грань между ним и речной принцессой. Он загасил цветок и с грустью ушёл к своему народу, который теперь ненавидел, который теперь презирал.

Но даже встречи, что были для воина огня и водной принцессы самыми дорогими в жизни, несмотря на невозможность прикоснуться, закончились. Однажды армия огня пришла на территорию водных владений. Они испаряли защитников водной империи и были безжалостны даже к старикам и детям. Огромных усилий стоило речному богу изгнать захватчиков. В конце концов, ему это удалось. После очередной беспощадной битвы армия огня бежала. На поле боя остался лишь один воин. Тот самый, что полюбил речную принцессу. Его окружила водная армия и с ненавистью смотрела на него, готовясь погасить его пламя. Ненависть была и в глазах воина огня. Каждая огненная мышца его огненного тела напряглась, и он вспыхнул пламенем тысячи солнц. Воин знал, что ему не спастись, знал, что погибнет, и ему не было страшно. Он хотел лишь одного. В последний раз увидеть свою возлюбленную.

Волей судьбы и проклятьем рока дочь речного бога оказалась между рядами воинов. Она увидела одиноко стоящего воина пламени, посередине круга, созданного воинами воды. Её водяное сердце вздрогнуло, ведь сейчас тот, в ком она видела свет своей жизни, сейчас умрёт, и она ничего не могла с этим поделать. Её отец, грозный и беспощадный речной бог, уже занёс над головой скипетр, чтоб отдать приказ своим воинам растерзать врага. Неожиданно речная принцесса совершила свой самый отчаянный и смертельный поступок. Ещё до первых грозных слов своего отца, она выступила из рядов воинов и побежала к воину огня. Она знала, что не спасёт его, знала, что он погибнет, и решила уйти вместе с ним. Водная принцесса бросилась к воину, обняв его и крепко поцеловав. Огонь

жѣг её тело, а вода гасила пламя воина, но боли они не чувствовали. Боль для них больше не имела значения.

Они поцеловались в первый и последний раз, а потом исчезли. Однако этот поцелуй и был тем, ради чего стоило отдать жизнь. Воин огня погас, а речная принцесса испарилась.

Всѣ произошло так неожиданно, что речной бог вначале даже не осознал того, что его дочери больше нет. Когда же смятение прошло, в его безжалостном водяном сердце поселилась горечь.

Ещё долгое время, которое в нашем мире могло называться месяцами или даже годами, водный народ оплакивал свою принцессу, а потом они ушли в бой, который проиграли.

С тех пор много костров было погашено и много рек испарилось. День сменялся ночью, а ночь, в свою очередь, перерождалась в день.

Никто не заметил, как на месте, где на короткое время воссоединились представители двух враждующих рас, вырос небольшой огненный цветок. Этот цветок не был похож на любой другой. Он сиял ярко и невероятно красиво. Ни ливень, ни снег не могли загасить пламя цветка. Никакая сила не имела власти над ним. Цветок пылал страстью огненного воина и нежностью водной принцессы, которые разбудили в себе чувства, казалось, им не присущие.

187

Анатолий СТОЯНОВ
г. Киев, Украина

Я ВИДЕЛ ТРИ ЛУНЫ

Я видел три луны. Отчётливо и ясно
осознавал умом, что это – не Земля,
но так же дорога, волшебностью прекрасна
планета, где лечу, – родная и моя
бездонной глубиной живого океана,
сквозь безразличие гор – враждебность ледников
вздохнѣт, ценя меня улыбочиво, но странно
и страшно. Унесусь – и снова нелегко
расслабленно глядеть на резкость светотени,
игру лучей в камнях: с тридѣшной стороны
небесный лабиринт. В судьбы хитросплетеньях
я вижу над собой – три яркие луны;
а в отраженье дня отчётливо-жестоким
читается маршрут – мой киммерийский бег
по россыпи камней: бесстрашный и высокий,
направлен только вверх – к единственной судьбе!

Содержание

«Фанданго» – десять лет как один день!	3
--	---

FANdangle

♦ Андрей ДМИТРУК. Имбики	6
♦ Алексей КОРЕПАНОВ. Мы все из Эльсинора	15
♦ Николай ОЧКОВСКИЙ. Где бы ты ни был	22
♦ О'САНЧЕС. Оба!	40
♦ С.Г. МАЛИНОВСКИ. Инструкция к охоте	54

Futurum

♦ Екатерина ЧЁТКИНА. Семья	57
Прекрасное далёко	65
♦ С.Г. МАЛИНОВСКИ. Побег	73

FANdance

♦ Геннадий ПРАШКЕВИЧ, Алексей ГРЕБЕННИКОВ. Генератор времени	74
♦ Екатерина ЗАМОШНАЯ. Клетчатый плед	99
♦ Мария ЛИМАНСКАЯ. Во имя Арты!	113
♦ Александр СКУРИДИН. Мать-река	128

ПРОкрустово Ложе

♦ Лариса БЕТИНА. Фантастическая реальность	138
♦ Анна АНДРИЕНКО. Новый взгляд на драматургию Валерия Брюсова	146
♦ Виталий НОВИКОВ. Отзыв о романе «Я» Константина Щемелинина	155
♦ Магеррам ЗЕЙНАЛОВ. Отзыв на рассказ Валерия Гаевского и Аны Дао «Дезавуация»	157
♦ Валерий ГАЕВСКИЙ. История одной публикации	158

ЛукоМорье

♦ Юрий СИМОНОВ. «Тёмный силуэт»	165
--	------------

Клуб и его обитатели

♦ Михаил АНАНОВ. Стихи	170
♦ Etwas NOCH. Прометей	177
♦ Анатолий КАМЕНОБРОДСКИЙ. В начале было Слово Кто прав?	181 183
♦ Сергей СТЯПУХИН. Огненный цветок	185
♦ Анатолий СТОЯНОВ. Я видел три луны	187

Журнал фантастики

«ФАНДАНГО»

Издание ТО «КаФКа» (Клуба Фантастов Крыма)

Подписано в печать 28. 02. 2015 г.

Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Отпечатано в ООО «Шико-Севастополь»
299001, Севастополь, ул. Льва Толстого, 14
E-mail: shiko_12@mail.ru